

ПО СЛЕДАМ БЕРЫ

В Е Р А К У Ш Н И Р

Вера Кушнир

ПО СЛЕДАМ ВЕРЫ...

Избранное

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Вера Кушнир

ПО СЛЕДАМ ВЕРЫ...

Избранное

01.327

Вера Кушнир

ПО СЛЕДАМ ВЕРЫ... Избранное

© 1998 by Vera Kuschnir

ПО СЛЕДАМ ВЕРЫ...

Почему я дала такое название сборнику избранных стихотворений? Потому что я, уверовав в 20-летнем возрасте, ходила по следам веры Авраама, потому что меня зовут Вера и потому что, покидая эту жизнь, я тоже оставлю след моей веры: стихи. Хотя след моей веры состоит не только из стихов, но именно стихи сыграли немалую роль в моем свидетельстве о Спасителе. Они были дарованы мне Им, и я возвращала их Ему для Его славы и для пользы Его детям.

Несмотря на многогранность моего служения Господу, многие знают меня в основном как поэтессу и даже не представляют моей занятости чем-то другим, кроме стихов. Многие представляют меня освобожденной от всех земных обязанностей и забот, свободной заниматься своим любимым делом. Думающие так глубоко ошибаются. Стихи никогда не были моим основным занятием. Я всегда писала их между прочим, время от времени и только по вдохновению. Я никогда не выжимала их из себя, не садилась за письменный стол с целью писать стихи, а получала их на ходу, между другими занятиями или во время их, а потом уже садилась за стол, чтобы разобрать записанное на клочках бумаги, конвертах и полях газетных страниц.

Бывало, что на утренних и вечерних прогулках, молясь Господу, нередко вслух, я ощущала Его близость и у меня рождались мысли и чувства, которые только позже выплескивались на бумагу. Я даже не всегда могла сразу записать мимолетные рифмы и мысли, потому что не всегда имела при себе карандаш и бумагу. Иногда я повторяла зародившиеся строчки и четверостишья, чтобы донести их домой и уже там записать, а потом когда-нибудь позже, когда будет время, развить мысль и закончить стихотворение. Например, проходя однажды мимо цветущей магнолии и обратив внимание на ее огромные

белые цветы и торчащие вверх, как свечи, бутоны, я унесла домой такие строчки:

Магнолия с огромными цветами,
С бутонами, похожими на свечи,
Своими белоснежными устами
Скажи, какие произносишь речи?
 Своим благоуханным фимиамом
 Кому куришь сегодня на закате?
 Беседуешь, скажи, не с Тем ли Самым,
 С Кем я с утра беседовала, кстати?
Наверно, с Ним. Ведь ты Его творенье,
И это Он огромными цветами
Тебя усыпал всем на удивленье,
Как белыми раскрытыми устами...

Откуда пришли эти, связанные с Богом, мысли? Не от Того ли, Кому я приношу хвалу непрестанную своими омытыми кровью моего Спасителя устами? Мысли венчаются с чувствами, преломляются в моей вере и ложатся стройными строчками на бумагу. Они рождаются и при чтении и слышании Слова Божьего, и во время тяжелых и радостных переживаний. В стихах я стремлюсь к полной искренности, хотя не всегда ставлю точки над „і“. Ведь что-то нужно оставить и воображению читателя, что-то должно быть недосказанным, чтобы стать общим, всем доступным и ко многим применимым, а не только ко мне одной. Поэтому большая часть моих стихов понимается читателями по-разному, многие видят в них себя и рады, что я сказала за них то, чего они сами сказать не смогли.

Моя жизнь на закате. Я молюсь, чтобы след от моей жизни не был смыт прибоем житейских волн, подобно тому как морской прибой смывает следы на песчаном берегу, но чтобы еще многие годы после того, как меня уже не будет здесь, Господь говорил моими стихами людям, привлекая их к Себе. „Верую Авель принес жертву лучшую, нежели Каин. Ею получил свидетельство, что

он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его. Ею он и по смерти говорит еще“ (Евр. 11,4). За меня жертва – Христос! Он умер и воскрес, чтобы я жила вечно. Я отдала себя Ему в жертву живую вместе со всем тем, чем Он меня одарил. Пусть же живая жертва моей жизни и по смерти говорит о моем Спасителе подаренными мне Им рифмованными строчками.

Вера КУШНИР

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

На мокром песке возле кромки воды,
Где видны творенья начатки,
Цепочками выются кривые ряды –
Различных следов отпечатки:

Следов от больших босоногих ступней,
Следов от сандалий и кедров,
Следов от ракушек и рачьих клешней,
От птиц и собак-самоедов...

Здесь ходят и бегают люди и псы,
Здесь даже есть след от копыта.
Но ближе черта водяной полосы,
И скоро все будет замыто.

Я тоже прибавила след свой к рядам
Следов человеческих и птичьих,
Но к ним подбирается грозно беда
Стихий, ко всему безразличных.

Такие ль должно оставлять нам следы,
Что будут замыты, забыты,
Как те, что остались у кромки воды
От лап, от подошв, от копыта?

Неужто прочней нет на свете следов,
Ведущих нас к вечным просторам
От шума и гама земных городов,
От места борьбы и раздора?

Следы здесь оставили ноги Христа –
Идти б нам по ним и за ними.
И пусть наступает вода и беда,
Следы будут неизгладимы.

И кто-то другой их найдет и пойдет
По ним к тишине и покою.
Спаситель идет впереди и зовет:
„Возьми крест и следуй за Мною!“

ДАР НЕИЗРЕЧЕННЫЙ

„Все само собою в мире появилось,
Все к уничтоженью, к ничему ведет...
Бога нет“ – все это с детства мне привилось.
Для чего ж на свете человек живет?
Для чего однажды должен он родиться,
Возмужать, окрепнуть, силою гореть?
Для чего страдает, ищет и стремится?
Неужели только, чтобы умереть?
Почему он знает, что нельзя, что можно,
Различать способен худо от добра?
Любит то, что честно, гонит то, что ложно,
Трудится усердно с раннего утра?
Стоит ли бороться, стоит ли трудиться,
Тратить силы, время только для того,
Чтоб в конце пути в могиле очутиться?
Смысла в этом нет, но где искать его?
От подобных мыслей голова трещала,
И порой не в силах я была заснуть,
Пред усталым взором бездны тьма зияла:
Кто откроет смысл мне? Кто укажет путь?
Помню ночь и место, где свершилось чудо:
Полная луна на землю свет лила...
Никогда я ночи этой не забуду –
Я печальный взор свой к небу подняла...
Там сверкали звезды, Млечный Путь струился,
А вокруг меня царила тишина...
Вдруг душе усталой Сам Господь явился,
Осветив Собою всю ее до дна.
Все ей вдруг открылось. Бог был так реален,
И, хотя невидим, близок, ищутим.
Светлою рукою камень был отвален,
И душа, воскреснув, говорила с Ним.
На мои вопросы и мои исканья
Я под звездным небом обрела ответ.
По щекам катились слезы покаянья,

В душу с неба лился тихий Божий свет.
Он наполнил вскоре всю ее собою,
Тьму изгнал и жизни вечный смысл открыл,
Бремя снял с души пронзенною рукою,
Путь мне указал и прошлое простил.
„Бога нет“, – безумцы говорят поныне.
Но ничто не сможет убедить меня:
Он мне Сам открылся в жизненной пустыне,
Мы вдвоем с Ним были, только Он и я!
Хоть тернист и узок путь передо мною,
Сам Господь любовно мне его открыл,
Он ведет к блаженству, миру и покою,
К вечности под сенью всемогущих крыл.

ПЕСНИ

У меня от песен рвется грудь!
Сколько их, пересчитать нет силы.
Пой, душа, пока уста поют,
Пой от первых дней и до могилы.

Пой о том, чем до краев полна,
Пой во всеуслышанье о Боге!
В нашей жизни песня есть одна,
Что для жизни вечной будит многих.

Пой, душа, о том, что обрела
Ночью тихой под небесным сводом, —
Про любовь, что жизнь тебе дала,
Одарила счастьем и свободой.

Там, где песнь звучит, дышать легко.
Злые люди не имеют песен.
Пой, душа, не тихим голоском,
Громко пой о том, как Бог чудесен!

Пой и никогда не умолкай,
Пусть течет рекой живая песня.
Кто-нибудь услышит невзначай
И отыщет путь к стране небесной.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР – ДУХ СВЯТОЙ

*„Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь,
а не знаешь, откуда приходит и куда уходит:
так бывает со всяким, рожденным от Духа“ (Ин. 3:8).*

Весенний ветер сушит в поле полосы
И молодой листвою шелестит.
Душа поет счастливым новым голосом,
Напевам ветра радостно вторит.

А Он то с ней в гармонию сливается,
То вдруг летит свободно к небесам.
Он к старикам и детям прикасается
И гладит по лицу и волосам.

Откуда Он? Куда летит? Неведомо.
Неуловимый, близкий и простой
Незримо, тихо всех людей проведовал
Весенний ветер – Божий Дух Святой.

Душа ждала Его прикосновения,
Он пронизал насквозь и улетел...
И совершилось свыше возрождение!
И человек заплакал и запел...

„Душа! Как знаешь ты о возрождении?
Тебе о нем кто в уши нашептал?“ –
„Я ощутила ветра дуновение,
Через меня Дух Божий пролетал!“

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Земля... Земное... О земле
Так много песен спето!
Любимой темой сотни лет
Она была поэтов.

О нашей жизни суетной,
Любви, разлуке, дразгах
Так много пишется порой
На языках на разных.

Родная, близкая, как мать,
Всех греет и питает.
Солдату нужно умирать,
Он землю обнимает.

А возвратиться привелось
Из стороны далекой,
Целует, не скрывая слез,
Родную землю сокол.

Любила землю всей душой
И я в ее юдоли –
Любовью крепкой и большой
До сладкой в сердце боли.

Она была мне всем во всем,
Моим питьем и хлебом,
Пока не встретила с Христом
И подружилась с небом!

Земля! Деревья и цветы,
И птичек щебетанье...
Но сколько горя и беды,
Борьбы за пропитанье!

Здесь слабый первый крик детей
И перед смертью вздохи,

Здесь изобилие богачей
И нищенские крохи.

Здесь одинокость стариков
И юных раздорожье...
Здесь много песен, много слов,
Здесь вера и безбожье.

Господь к Себе мой дух манит
(Мой дух земным и не был)
Туда, где вечный мир царит, –
Домой, домой – на небо;

Туда, где в радости святой
Спасенные сияют
И где свободой неземной
Навеки обладают.

Пускай неясно, как во сне,
Я вижу, пусть немного,
Но там, в небесной стороне,
Я знаю, буду с Богом.

Я знаю, там не будет слез,
Болезнь не будут люди.
И мой Спаситель, мой Христос
Ходить меж нами будет!

Гласит неписанный закон,
В народе нашем сущий,
Что ищет ерш, где глубоко,
А человек – где лучше.

Я тело ветхое сниму
И новое надену.
Прощай, земля! Прости, земля,
И не вмени в измену.

МОЛИТВА БЛАГОДАРЕНИЯ

Благодарю Тебя, Творец,
За все обычное, простое:
За небо звездное ночное,
Луны сиянье голубое,
За плеск волны, за солнца луч,
За пенье птиц, за гром из туч,
За дождь обильный, ветер буйный,
За освежающие струи
Воды в палящий летний зной,
За неба полог голубой
И облаков пушистых стаю,
За свежий хлеб и чашку чая,
Что можем с другом разделить,
За детский смех, что наполняет
Мой дом и душу веселит,
За разум мой, хоть не ученый,
Но ясный, а не помраченный,
Способный истины Твои
Воспринимать с благоговеньем
И силы подкреплять свои,
Питая их Твоим ученьем;
За братьев и сестер по вере,
Чьих душ распахнутые двери
Всегда готовы приютить
Несчастных, горе их делить
И щедрой мерой помощь мерить.
Благодарю за Дух Святой,
Который в жизни наставляет
И на колени повергает,
И горько плакать заставляет
В смиренье сердца гордецов.
За матерей и за отцов
Благодарю, Отец Небесный,
За то, что душу новой песней
Наполнил в юности моей,

За то, что в милости Своей
Ты бил меня не так уж много,
Жить и в достатке, и убого
Чрез испытанья научил,
Всегда во всем мне близок был,
Молитвам немощным внимая,
То обличая, то прощая,
Не покидал, не отходил.
Благодарю за кровь Христову,
Что за меня с креста текла,
За возрожденье к жизни новой,
За новый путь, за путь суровый,
Который, жизни став основой,
К добру ведет меня от зла.
За все прими благодаренье
(Ведь мне всего не перечеть) —
За все, что было и что есть.
За все грехи прошу прощенья
И приношу Тебе хваленье
Из уст и сердца — славу, честь!

ПЕЙЗАЖИ

Пишутся прекрасные пейзажи
Вечного Художника рукой.
Пусть никто о Боге мне не скажет –
Скажет ива ночью над рекой.

Скажут звезды, скажет буйный ветер,
И колосьев золото, и лес.
И закат в прозрачный летний вечер
Нам откроет дверь в страну чудес.

Мир безмолвный нам о Боге скажет.
Скажет громом, молнией, грозой...
Скажет солнцем и росой, что ляжет
На траву серебряной слезой.

Пусть никто о Боге нам не скажет.
Пусть не слышен голос нам живой.
Пишутся прекрасные пейзажи
Вечного Художника рукой.

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО

Еще одна гора, еще одна долина,
Еще один крутой над бездной перевал...
Еще немного слез и горечи полынной,
А там? А там нам рай Спаситель обещал.

Еще не кончен путь, не все свершили руки,
Еще не спета песнь, в ней нет последних слов.
Еще звучат в душе призывов Божьих звуки,
И хор звучит к Христу зовущих голосов.

Еще не поздно, друг, на зов тот отозваться,
Пока еще есть день, минута или час.
О, поспеши Христу, пока есть жизнь, отдаться,
Пока последний луч надежды не погас!

Нет завтра, нет вчера, а только есть сегодня.
Одним лишь только днем владеть нам суждено.
Еще надежда есть, что волею свободной
Ты сможешь разорвать своей цепи звено.

Так быстро жизнь пройдет! Еще одно мгновенье –
И прекратится путь для утомленных ног...
И вечность впереди! Что вечность без спасенья?
Но ты еще живешь. Живых спасает Бог!

Еще одна гора, еще одна долина,
Еще один крутой над бездной перевал...
Еще немного слез и горечи полынной.
А там? А там нам рай Спаситель обещал!

ПУТЬ ВОЛХВОВ

Им Бог велел отправиться обратно
Иным путем, не тем, которым шли, —
Протоптаным, знакомым и приятным,
Приведшим их к Спасителю земли.

Вот мудрость Божья, что ни слово — тема!
Они пришли колени преклонить
Перед Христом, но после Вифлеема
Ничто уже не может прежним быть.

Вот так и мы, хоть мудростью не блещем
И нет у нас особенных даров,
Мы не пророки, снов не видим вещих,
Но путь наш так похож на путь волхвов.

Ища во мраке истину и Бога,
Мы шли путем каким-то в Вифлеем,
У ног Иисуса кончилась дорога,
И мы в слезах к ногам припали тем.

Там получили радость и прощенье,
Там Дух Святой сердца нам возродил,
Наполнил миром их, благоволеньем,
И новый путь пред нами Он открыл.

Уже не тот, знакомый, как поэма,
Что в детстве мы сумели заучить,
А новый путь, ведь после Вифлеема
Уже ничто не может старым быть.

ДАРОМ

В нашей жизни самое прекрасное
Не ценою денег покупается:
Даром светит с неба солнце ясное,
И луна нам даром улыбается;

Даром на распаханые полосы
Льется дождь со щедростью обильною,
Даром ветер гладит мои волосы,
С дуба листья рвет рукою сильною;

Даром птички пеньем наслаждаемся,
Зорями, восходами, закатами,
С близкими, любимыми встречаемся,
И вдыхаем воздух не за плату мы.

Никакой монетой не заплатите
За ребенка ласку необычную,
За супругов нежное объятие,
За любовь, за дружбу закадычную.

Но всего дороже, драгоценнее,
Нам в подарок Богом преподнесено
В Иисусе вечное спасение –
Принимай и улыбайся весело.

Посмотри, как Бог к тебе склоняется,
И пойми, что, как свет солнца ясного,
Не ценою денег покупается
В нашей жизни самое прекрасное.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Есть люди простые, как дети,
С бесхитростной, чуткой душой,
И люди хорошие эти
Мир грешный скрепляют собой.

Когда среди страха и мрака
Мне их приходилось встречать,
Хотелось молиться и плакать,
Хотелось мир весь обнять.

Когда вам идти не под силу
И светлых не видно путей,
Господь, чтоб явить Свою милость,
Пошлет вам хороших людей.

Нужду разгадают без слова,
Помогут, поддержат, поймут,
Их руки на дело готовы,
Слова их до слез вас проймут.

Они обличат, не обидев,
Дадут, не унизив ничуть,
И, ближнего павшим увидев,
Позор его не разнесут.

И любишь их как-то невольно,
Их просто нельзя не любить,
Вблизи их так сладко и больно,
И хочется лучшими быть.

Мне кажется, так вот влияла
На души лишь близость Христа:
Манила, влекла, покоряла
Простая Его красота.

А после Него Божьи дети,
Как свет негасимых огней,
Сияют во мраке столетий
В любви неподдельной своей.

Качнутся земные устои,
Свет мира навеки уйдет,
Когда это стадо простое
Господь от земли заберет.

НОГИ СПАСИТЕЛЯ

Ремнями сандалий истертые ноги
Ходили по пыльной широкой дороге,
По узкой затерянной в поле тропинке,
Под вечер в пыли, а под утро в росинках.

Так мало покоя и отдыха знали.
Ты знаешь, кому они принадлежали?
Кого эти ноги сверх сил и по силе
По тропам земным днем и ночью носили?

По пыльным, сухим, каменистым дорогам
Ступали для нас ноги вечного Бога!
И ноги те были омыты слезами,
Отерты прощенной жены волосами

И снова в дороге, в толпе или в лодке...
Их многие знали уже по походке.
С их видом знаком был, кто видел их близко,
Кто к ним припадал, кто склонялся к ним низко.

И те, кто свой грех к тем ногам приносили,
Прощенье и мир возле них получили.
Когда высоко над землю висело
К кресту пригвожденное чистое тело,

Для тех, кто любили, для очень немногих,
На уровне глаз были эти вот ноги.
Пронзенные ноги, Спасителя ноги,
Уже не в сандалях, уже не в дороге...

Они расстоянье свое исходили,
Они назначенье свое совершили.
И если ты грешен и ищешь прощенья,
Пади к тем ногам – и получишь спасенье,

И новую жизнь, и второе рожденье.
Оттуда, от них, ты начнешь восхождение
По лестнице святости ввысь, к совершенству
И к вечному в Боге Всевышнем блаженству.

К ногам Иисуса, о грешник, приди —
И место найдешь у него на груди!

ВЗГЛЯНИ НА ПТИЦ

Взгляни на птиц на берегу песчаном,
Когда они под ветром отдыхают.
Он дует в грудь им и, пригладив перья,
Не поднимает их, и не волнует.

Инстинктом, данным им когда-то Богом,
Они опасность ветра понимают:
Когда он дует в спину и в затылок,
Он им вздымает перья и ломает.

Вглядись ты в птиц на берегу песчаном
И научись у них, как с бурей спорить,
И не давай себя нести под мышки
Туда, куда попутный ветер хочет.

Ты обратись лицом навстречу буре,
Лицом встречай опасности земные,
Одолевай их выпяченной грудью,
Лбом пробивай дорогу, не затылком!

Не дай лохматить ветру твои крылья,
Лети вперед навстречу испытаньям –
И победишь невзгоды все земные
Удвоенной от напряженья силой.

Взгляни на птиц на берегу песчаном
И на себя взгляни, но беспристрастно:
Идешь ли ты навстречу бурям смело
Или они, как щепку, тебя носят?

ПРИШЛИТЕ МАТЬ...

Она в автомобильной катастрофе
Разбилася во цвете юных лет.
Лежит в больнице. Заострился профиль,
Во взоре гаснет жизни слабый свет.

В халатах белых, не волнуясь очень,
Врачи шепнули тихо в стороне:
– Она, наверно, не протянет ночи...
И слух поймал тот шепот в тишине.

– Пришлите мать, – она сказала строго, –
Велите ей сейчас ко мне войти.
И мать вошла и стала у порога,
Как бы боясь поближе подойти.

– Стань здесь поближе, мать, я умираю,
Меня ты петь учила, танцевать,
Я на рояли хорошо играю,
Но вот теперь мне нужно умирать.

Мне страшно, мать, о Боге я не знаю,
Скажи, ответь, как вечность мне встречать?
Учила жить, но вот я умираю,
А ты не научила умирать!

Мы прославляем матерей так много,
Благоговеем перед словом „мать“,
Но только мать, что носит в сердце Бога,
Детей научит жить и умирать.

Мальчишку, шедшего домой
Вприпрыжку из воскресной школы,
Остановил на мостовой
Мужчина с взором невеселым.

– Чего так радостен, малец?
С чего лицо твое сияет?
– Есть в небе у меня Отец,
Меня Он любит и прощает.

– В награду дам я четвертак, –
Сказал тогда мужчина строго, –
Если покажешь мне, чудак,
Где есть Он, где ты видишь Бога?

Простым мальчишки был ответ,
Он не задумывался много:
– Я дам вам пять таких монет,
Скажите мне, где нету Бога?

ХЛЕБ И ВИНО

Христос не повелел воздвигнуть монумент
Из мрамора, что с жилкой золотой,
С цепями на столбах, поставленных в цемент,
И с гладкой гравированной плитой,

Где надпись бы гласила: это Тот,
Что умер на Голгофе за людей,
Что Он потом воскрес и что теперь живет
В обители Отца, где нет теней...

Он вспоминать Себя совсем не так велел:
В ту ночь, когда был предан, пригласил
На вечерю двенадцать, после дел,
И хлеб простой пред ними преломил,

Чтоб ели все, вспоминая плоть
Невинную, ломимую за всех,
И подал им потом вино Господь,
Чтоб помнили ту кровь, что смыла грех.

Он не хотел, чтоб к памятникам шли
Толпою люди, услаждая глаз,
Хотел, чтоб ели хлеб, вино пили,
Его вспоминая каждый раз.

Чтоб Он был нашей пищей, питием,
Чтоб превращался в нашу кровь и плоть,
Чтоб Он был в нас, а мы чтоб были в Нем,
Чтоб все во всем был Он, Христос Господь!

ГОЛГОФА

Я на миг не могу позабыть,
И в мои не вмещаются строфы,
Как Господь ко кресту был прибит,
Как страдал за меня на Голгофе.

Люди в памяти носят своей
Дорогой заострившийся профиль
Матерей и мужей, и детей,
Но не помнят Того, на Голгофе.

Верят толкам, идеям, словам,
Увлекаются тьмой философий,
А спасенье подарено нам
На кровавом кресте, на Голгофе.

„Совершилось!“ – воскликнул Господь.
Это было и словом, и вздохом.
Это слово спасенье дает
Тем, кто слышал его на Голгофе.

О, приди, о, взгляни, о, услышь!
Бог зовет, отзовись же на зов тот!
Ты томишься, ночами не спишь,
Он купил тебе счастье Голгофой!

НЕВИДИМЫЕ РУКИ

Через всю жизнь, из года в год,
В тоске, в нужде, в разлуке,
Нас всех ведут, ведут вперед
Невидимые руки.

И нас держали в первый миг
После рожденья муки
Руками матерей земных
Невидимые руки.

Они заботились о нас,
Несли, вели, держали.
Мы их присутствие не раз
Реально ощущали.

Они ласкали нас порой,
Порою бичевали,
Вели с врагом в неравный бой,
Встречали, провожали...

И нам казалось иногда,
Что мы их потеряли.
О, как мы плакали тогда!
Как их найти желали!

Но в час, когда иссякнет путь,
Умолкнут речи, звуки,
Нас в Отчий дом перенесут
Невидимые руки.

В объятья примет нас Отец
Для жизни без разлуки.
И там увидим наконец
Невидимые руки.

НОВОГОДНЕЕ

Дерево высокое легче измеряется,
Если оно срубленным на земле лежит.
Время пролетевшее легче проверяется,
Лишь когда годами в вечность убежит.

И стоишь над годом, словно над покойником,
Не чужим, а близким, самым дорогим.
А в душе роятся чувства беспокойные
И воспоминанья, связанные с ним.

Громкие события, радости минутные –
Все проходит в памяти, все до мелочей...
И глядишь в бессилье, зная, не вернутся
Дни, как воск сгоревший праздничных свечей.

В мире были войны, бунты, ополчения
И стихийных бедствий крупное число,
Были катастрофы, были покушения...
Ну а что в душе моей произошло?

Многому ль за год прошедший научилась?
Ближе ли к Христу душою подошла?
Чем с врагом лукавым в битве отличилась?
Много ли погибших к Богу привела?

Каждый год прошедший может быть последним –
С чем перед Судьею буду предстоять?
Помоги мне, Боже, жизнью жить победной,
Помоги мне мудро годы исчислять.

И когда Ты срубишь дерево высокое,
И Своею мерою будешь измерять,
Скажешь, что полно оно вечной жизни соков,
Что его взрастила Божья благодать.

Год к концу неслышно, неизбежно клонится, —
Забывая заднее, поспешим вперед.
Пусть желанья лучшие наши все исполнятся,
Будет пусть воистину „новым“ Новый год!

ПОДНИМИ МЕНЯ

Подними меня над всем, что может
Удалить, отвлечь, поймать в силки,
Заслонить Тебя, затмить, мой Боже;
Подними над всем, что душу гложет,
Что ее терзает на куски.

Пусть я буду бедной в мире этом,
Но зато богатой в мире том,
Верной Твоим благостным заветам,
Огоньком, горящим тихим светом
В мире мрачном, темном и пустом.

Я хочу здесь ничего не значить,
Но своею чуткою душой
В помощь быть тому, кто горько плачет
И от мира слезы свои прячет,
Боль и скорбь души своей больной.

Быть утехой, быть благословеньем,
Быть послушной Слову Твоему.
Боже мой, услышь мое моленье,
Пусть мое здесь по земле хождение
Будет в пользу брату моему!

ГОСПОДЬ МОЙ И БОГ МОЙ

„Подай руку твою и вложи в ребра Мои, и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!“ (Ин. 20:27-28).

Наперекор законам жизни
Дитя родилось.
И смерть Его законам смерти
Не подчинилась.

Он не был ни полей владельцем,
Ни рыболовом,
Но толпы ели хлеб и рыбу
По Его слову.

Не по коврам расшитым, мягким
Ступали ноги.
Он по волнам ходил, как ходят
Лишь по дороге.

И смерть Его сопровождалась
Немногих плачем,
Но солнце в траур облачилось,
За тучи прячась.

Природа все собрала силы,
Чтоб Бога славить,
Лишь грешники в душе решили
Его оставить.

И тленье, власти не имея,
Не прикоснулось.
Земля, что кровь Его впитала,
Живым вернула.

Всего три года землю мерил
С благою вестью,

Не кончил школы богословской
С высокой честью,

Не написал ни одной книги,
В цари не метил,
Но стал центральной фигурой
Тысячелетий!

Он стал той осью, вокруг которой
Миры в движенье,
Тем центром, что дарит всем людям
Свет возрожденья.

Ты, может, думал, Он был просто
Марии Сыном?
Что со креста за грех стекали
Струи простые?

Остановись же и помысли
О Претерпевшем.
„Господь и Бог!“ – и ты воскликнешь
Душой прозревшей.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Всю ночь были руки скрещены,
Уста шевелились беззвучно,
Небо рвали молнии-трещины:
„Пусть все будет благополучно!“

Ветер взбил ей седые волосы,
Черной птицей платок сорвался.
Лил маяк световые полосы,
Хрипло колокол надрывался...

„Неужели погибли смелые,
Потеряв среди волн дорогу?“ –
Свои руки окоченелые
Мать вздымает в молитве к Богу.

До рассвета стоит, как статуя.
Ветер стих, укротилось море.
Кто-то руки Свои подкладывал
Под ее материнское горе.

Сыновья свои снасти полные
Волокли по песку и пене.
И, взглянув на нее и на волны,
Преклонили молча колени.

МЕЧТЫ

Мы когда-то мечтали о теплых безоблачных странах,
Где лимоны и мирты, и плещется в берег прибой,
Где свободные чайки парят над волной голубой,
А в тенистых садах, созревая, желтеют бананы.

И морозная наледь на окнах казалась нам
Пышной зарослью пальм и зубчатую горной грядой,
И дыханьем согретый лед талый прохладной струей
Протекал через рощи, журча по подводным камням.

И фантазией детской согретое билось сердечко,
И от радости тихой румянец горел на щеках,
И, усевшись, как в кресло, у мамы своей на руках,
Засыпали беспечно, свернувшись удобно колечком.

В детстве все было сказкой и легкой, как пена, мечтой,
А действительность жизни коснулась безжалостно позже
И от детского сна разбудила нас грубо, и все же
Исполнение сна мы найдем за последней чертой.

Жизни море с размаху ударило больно волною,
Захлестнуло, залило, накрыло почти с головой,
Но Спаситель стоял за ближайшей высокой скалой
И поставил на камень могучею, твердой рукою.

Мы достигнем страны, превосходнее радужной сказки
И прекраснее стран, что мороз на стекле начертал,
Не видало ни око, ни слух наш того не слышал,
И художника кисть не смешает так весело краски.

Хоть прекрасны земные далекие теплые страны,
Не сравниться им с Божьей, нездешней, небесной страной,
Где хоть, может, не плещется белою пеной прибой,
Но зато там нет слез и навеки излечены раны.

ПОЭТЫ

В душу за чувствами лезу я,
Мысли срываю, как розы,
И украшаю поэзией
Жизни невзрачную прозу.

„Все вы слегка ненормальные“
(Вы – это значит поэты) –
Эти слова машинально
Вырвались птицей на ветер.

Я не обиделась. Стоит ли?
Может быть, верно и это.
Жизнь очень мало бы стоила
Без „ненормальных“ поэтов.

Там, где другие с банальностью
Видят лишь грязную лужу,
Мы со своей „ненормальностью“
Видим и чувствуем глубже.

Мы видим зеркало водное,
Видим небес отражение...
Даны нам мысли свободные
С бездною воображения!

Душу волнуют и трогают
Песни, стихи и поэмы...
Песни про жизнь и про Бога,
Песни на разные темы.

Слезы печали и счастья,
Мысли о том и об этом
В нас вызывают печатные
Стройные строчки поэтов.

Только бы правды держаться нам,
Вечной Божественной истины,
Душу хранить незапятнанной,
Мысли – свободными, чистыми!

ТИШИНА

Столько звуков вокруг!
Даже ночью не смолкнут машины.
И глядит удивленно на шумную землю луна.
По дорогам шуршат в быстром беге колесные шины...
Где же ты, тишина?

Мы куда-то спешим,
Мы о чем-то заботимся вечно.
Наша жизнь суеты и пустого движенья полна.
Смотрит вниз с высоты ночью темной далекий
Путь Млечный...
У него тишина.

Я все время тружусь,
Столько сделать и выполнить надо!
Я все время с людьми и так редко бываю одна,
Но душе моей больно, и шум ей смертельнее яда...
Ей мила тишина.

Только поздно в ночи,
Утомясь от дневной канители,
Я сажусь, наконец, – мне не нужно глубокого сна,
Мне не нужно удобной, и теплой, и мягкой постели,
Мне нужна тишина.

И душа отдохнет,
Словно лань у воды в полдень знойный.
И в молитве пред Богом забудет о шуме она,
И сама замолчит, чтобы слышать, как с неба спокойно
Говорит тишина.

Что сравнится с тобой,
Тишина, нисходящая с неба?!
Ты – елей для души, ты покоя и мира полна.
Без тебя не вкусил бы наш дух благодатного хлеба,
Дар небес – тишина!

НАМ НЕ ДАНО...

Нам не дано все разумом измерить,
И не дано нам все умом понять,
Но нам дана способность в Бога верить
И на Его обеты уповать.

И это все, что в этой жизни надо.
Здесь мудрости источник для людей,
Здесь смысл жизни и ее услада,
Причастность к вечности среди лукавых дней.

Пусть проникают люди в бездну моря,
Пусть постигают неба высоту,
Не станет в мире меньше слез и горя,
Пока душа не отдалась Христу.

Напрасны жертвы гениев науки.
Открытий новых жалки смысл и цель.
В молитве к Богу поднятые руки
Способней, чем работников артель.

Пусть не дано нам все умом измерить,
Пусть не дано нам разумом понять,
Хвала за то, что можем в Бога верить
И на Его заветы уповать!

КЛАД

Он сияньем звезд озарил небосклон,
Сделав небо мечтою людской,
В недрах скорбной земли спрятал золото Он,
Жемчуга скрыл в пучине морской.

Проходя мимо моря, попробуй рукой,
Наклонясь, горсть жемчужин достать
Иль, слегка ковырнув гору острой киркой,
Драгоценные камни собрать.

Напряженьем, усилием даются они,
Кропотливым, упорным трудом.
В жертву нужно отдать беззаботные дни,
Ночью нужно пожертвовать сном.

Клад духовных даров не стоит на виду,
Он сокрыт, он зарыт глубоко.
И лишь мудрые сердцем клад Божий найдут –
Этот клад не дается легко!

Кто из нас любит так, как Спаситель любил?
Кто за ближнего жизнь полагал?
Кто из нас хоть на час о себе позабыл?
Кто последнее бедному дал?

Кто из нас так скорбит, что не спит по ночам,
Помня гибнущих, сирых, больных?
Кто из нас на все просьбы всегда отвечал,
Не подумав о нуждах своих?

О, давайте не будем лукавить, друзья,
Будем честными сами с собой...
Хоть терниста, узка к совершенству стезя,
Но сулит она радость, покой.

Раб ленивый зарыл свой талант под землей,
Без труда, без усилья, без слез,
Через год господину холеной рукой
Тот талант почерневший принес.

Пусть нам будет уроком зарытый талант,
Пусть послужит призывом другой,
Что возрос в обороте во множество крат,
Движим верной, прилежной рукой.

ПОЧЕМУ?

Если спросят меня: откуда
Знаю я, что есть Бог на свете?
Я спокойно отвечу людям
На вопрос их таким вопросом:

Откуда в душе человека
Такая тоска по счастью?
Он ведь высшего, полного счастья
Никогда на земле не видел.

Почему душе его больно
От того, что весь мир страдает?
Разве видел он мир без горя?
Почему ж он к нему стремится?

Почему ему хочется мира
И любви святой, совершенной?
Откуда он знает о жизни
Беспечной, спокойной и тихой?

Почему над любимой могилой
Он в страхе стоит и в бессилье,
Как бы зная, что здесь граница
Его знаниям, силе и воле?

И когда на вопросы эти
Мне ответят они: „Не знаем“, –
Я тогда на вопрос их первый
Дам ответ им простой и ясный.

Оттого человек мечтает
О мире, любви и счастье,
Что в начале, созданный Богом,
Он вкусил их в раю однажды.

Оттого над могилой близких
Он трепещет и горько плачет,
Что за грех свой в рай когда-то
Он смерть получил в возмездье.

И когда он тоскует о счастье,
Он тоскует о рае и Боге.
И если бы не было Бога,
Он не знал бы, к чему стремиться.

Я знаю, что Бог реален,
Потому что искала счастья.
У подножья креста Христова
Я нашла его в полной мере.

Крест Христов возвращает к Богу,
Бог людей во Христе прощает,
Мир дает среди зла и горя,
Рай дает уже в жизни этой.

Я Б ХОТЕЛА...

Я б хотела молиться, как молится ночью сосна
На вершине горы, устремившись верхушкою ввысь,
Вся смиренья и благоговенья полна.
Я б хотела молиться, как молится Богу она.
Он сказал мне: „Смотри и учись!“

Я хотела бы славить, как славит безмолвно звезда,
Чьи лучи в темноте, как целебный елей, разлились,
В прославленье своем постоянна, верна и тверда.
Я хотела бы славить Творца, как звезда.
Он сказал мне: „Смотри и учись!“

Я хотела бы плакать, как плачут порой небеса,
Как весенние тучки, что тихим дождем пролились.
Эта влага чиста, как поутру на розах роса,
Я хотела бы плакать, как плачут весной небеса.
Он сказал мне: „Смотри и учись!“

Я б хотела смиряться пред Ним, как колосья в полях,
Чьи головки обильно тяжелым зерном налились.
И чем больше зерна в них, тем ниже склоняются в прах,
Я хочу, так смиряясь, клониться, как колос в полях.
Он сказал мне: „Смотри и учись!“

Я б хотела страдать, как страдают снопы на току,
Что покорно под взмахи цепов улеглись
Для того, чтоб потом в жерновах превратиться в муку.
Я б хотела страдать, как страдают снопы на току.
Он сказал мне: „Смотри и учись!“

Я б хотела спокойно, как осенью клен, умирать,
Чьи листочки покорно, как ветхие свитки, свились,
Отряхнет их, чтоб в новой прекрасной одежде стоять
По весне. Я хотела бы так умирать.
Он сказал мне: „Смотри и учись!“

Я б хотела, воскреснув, навеки с Спасителем быть,
Он сказал мне: „Покрепче за мощную руку держись.
И уроков Моих бесконечную светлую нить
Принимай и живи, и вовеки со Мной будешь жить.
Лишь смотри и учись!“

Ты дал мне жизнь и с нею все мне дал,
Ты стал мне целью, смыслом, утешеньем.
За зло мое Ты в муках умирал,
И смерть Твоя купила мне спасенье.

Но что имеешь Ты, мой Бог, во мне?
Мои молитвы – только стон и слезы,
Моя любовь – как пена на волне,
Мои дела – шипы лишь, а не розы.

Я – слабое капризное дитя,
Скольжу и падаю, и вновь иду, хромая,
Запутываюсь в дьявольских сетях,
Освободившись, снова в них впадаю.

И снова на коленях пред Тобой
Прошу Тебя о сладости прощенья.
И Ты, не медля, трепетной рукой
Даешь душе покой и исцеленье.

Как будто бы Ты только ожидал,
Чтоб я к Твоим ногам пришла, рыдая,
И, взяв из рук Твоих любви бокал,
Пила б ее, до дна не выпивая...

Ты дал мне жизнь, но в полноте ее
Нуждаться никогда не перестану
И совершенство дивное Твое,
Как звезды в небе, оком лишь достану.

В зависимости полной от Тебя
Проходит жизнь... И в этом наслажденье
Тебе и мне. Ты отдал мне Себя
И от меня взаимность ждешь с терпеньем.

„Чем глубже скорбь, тем ближе Бог“

Казалось, что ночь не встретит больше дня,
Казалось, что скорбь укоренилась прочно:
Ни признака тепла, ни света, ни огня...
Как будто бы назло, как будто бы нарочно...

И если бы не мощь невидимой руки,
Не жизнь в душе сильнее тьмы и смерти,
Погибла б я тогда от горя и тоски,
И от отчаянья гнетущего, поверьте...

Но чем сильнее скорбь, тем ближе к людям Бог,
Один лишь шаг – и мы в Его объятьях.
И если ты в скитаньях изнемог,
Разочарован и в друзьях, и в братьях,

Не падай духом: ты не одинок,
С тобою Тот, в Ком я нашла спасенье, –
С тобой Христос, незримый вечный Бог,
А в Нем душе скорбящей утешенье.

Лишь сердце перед Ним свое открой
По доброй воле. Он не принуждает,
Он кротко ждет и, слыша голос твой,
В любви все забывает и прощает.

Я думаю, что делала бы я,
Когда б меня на смерть приговорили –
На смерть позорную: средь бела дня
Перед людьми к кресту бы пригвоздили?

И били бы меня по голове,
Плевали бы в лицо, злорадствуя, кривляясь,
Смесь желчи с уксусом испить давали б мне,
Над жаждою моею издеваясь.

Проходит холод смертный по спине,
Когда на миг мое воображенье
Рисует что-нибудь подобное себе,
Хотя я и достойна осужденья.

А Он, Христос невинный, за меня
Был осужден на смерть и поруганье...
И то, что понести должна была бы я,
Понес Он Сам в смиренье и молчанье.

Я вижу сад. На камне в темноте
Христос в мольбе. Чело в поту кровавом.
Себя готовит к смерти на кресте,
А я уснула в стороне направо...

Потом я вижу воинов толпу
И факелов зловещее горенье.
И я с толпой кричу: „Распни!“ – Ему,
И в Его взоре вижу всепрощенье.

Я вижу крест и на кресте Христа
И слышу смех, хулу и оскорбленья...
Мой дух поработила слепота,
Не вижу, что свершается спасенье.

Но нет покоя, сердце знает все:
Он умер за меня. И в этом нет сомненья.
Я сердце отдаю Ему свое
И из Его руки беру прощенье.

Какой восторг! Мой Бог – Спаситель мой –
Сошел с небес и жизнь дарует людям!
Как велика любовь и дар ее святой.
И кто, его приняв, о Нем забудет?

О, если ты еще в толпе кричишь
И слеп твой дух, как мой был слеп когда-то,
Иль, может, в стороне ты крепко спишь,
Проснись! Приди к Христу и стань мне братом!

ВСТРЕЧА

Я думаю порой, какую будет встреча
С Ним там, за той последнею межой?
Такою ли, какую в летний вечер
Бывает радостная, трепетная встреча
Влюбленных первую любовью молодой?

Иль облегченной теплыми слезами,
Как встреча сына с матерью родной,
Когда, придя с войны, он в грохоте вокзальном
Искал ее, любимую, глазами
И вдруг, найдя, помчался к ней одной?

Или она подобна будет встрече
Вернувшихся на родину, домой,
После разлуки долгой, издалече,
Когда дрожат рыданьем скрытым плечи
У странника от радости немой?

Нет, не дано нам знать, какую будет встреча,
Но верю я, что слиты будут в ней
Частички встреч земных. Они, как тот Предтеча,
Готовят нас к заветной вечной встрече,
Которой нет сердечней и теплей.

*„Жить нужно так, как будто бы Христос умер за нас вчера,
воскрес сегодня и придет завтра“ (Мартин Лютер).*

Жить нужно так, как будто бы вчера
Там, на кресте, Христос сказал: „Свершилось“.
Как будто бы вчера за нас Он умирал,
Как будто бы вчера спасенье даровал
Толпе, которая над Ним глумилась,
Как будто бы вчера...

Жить нужно так, как будто бы сегодня
Воскрес из мертвых Он и победил.
Как будто бы сегодня гроб холодный
Оставил Он, и пленник стал свободным,
Как будто бы сегодня Он ожил,
Как будто бы сегодня...

Жить нужно так, как будто завтра
Придет Он вновь на землю с высоты,
Спаситель и Творец, и нашей жизни Автор
Придет забрать Своих. Быть может, завтра
Услышим трубный звук мы все – и я, и ты,
Быть может, завтра...

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

Ветер порывистый листья с деревьев срывает,
В тучах угрюмых зарницы вдали полыхают,
Гром отдаленный грохочет, грозу возвещая,
Ливень и бурю притихшей земле обещаая.

Прячутся птицы, и ищут убежища звери,
Люди в домах на засовы задвинули двери.
Счастливы те, у кого над главою есть крыша:
Дождь их не мочит, и бурю они только слышат.

Бури житейские часто похуже стихийных—
Ищут спасения люди от бедствий обильных.
В мире болезни, потери, несчастья, утраты —
Горе душевное бедных гнетет и богатых.

Крыши домов не укроют от ливней греховных,
Кто же избавит людей от страданий духовных?
Где им укрыться? Где сердце отыщет затишье?
Где это место, где бурь завыванья не слышно?

Слышится голос из шума от ветра и грома:
„Я успокою несчастных людей и бездомных...“
Голос Спасителя мира людей призывает,
В бурях житейских покой для души обещаает,

Тихую пристань, покров от лихой непогоды...
Жаль, что не ищут спасенья в Христе все народы!
Громко из бури и ветра зовет Он: „Придите!
Даром из рук распростертых спасенье берите!“

ЧУДО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Повален ветром сильным и дождем,
Цветок измятый на земле лежал.
И только слабый признак жизни в нем,
В закрытых лепестках, еще дрожал.

Наутро солнце на небе взошло
И осветило, пронизав теплом,
И, силу влив, из праха подняло
Цветок с немым, безжизненным лицом.

И долго он лицо свое держал
Навстречу солнцу, ввысь и пил лучи.
И все стройней и тверже он стоял,
Жизнь новую от солнца получив.

О, можно ль объяснить, вложив в слова,
Как я из праха поднята была?!
Тут нужно сердце, а не голова —
Сердце не много в жизни я нашла.

Лишь тот, кто сам из праха поднят был,
Кто силу возроденья испытал,
Познал, как Бог дает для жизни сил
Тем, кто к Нему в бессилии взывал.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Со креста прозвучало и смолкло: „Свершилось“.
Кровь из ран излилась с водою...
К Пилату, полагаясь на его милость,
Прокрался человек с бороною.
Попросил простыми словами, скромными
Тело Христа распятого.
И вместе с друзьями тропами укромными
Отнесли и во гробе спрятали.
Тяжелый камень, с трудом приваленный,
Сторожить поставили воинов.
И казалось, смерть с улыбкой оскаленной
Победу себе присвоила.
Поутру рано, не тогда, когда солнце
Земле свой свет посылает,
А когда еще звезды, борясь с бессонницей,
Перед рассветом ярче сияют,
Пошли ко гробу с мастьями женщины,
Как тени, тихи и мрачны...
И видят: чрез листья что-то просвечивает,
У гроба что-то маячит.
Подошли потихоньку и видят: на камне
Ангел, ярче молнии.
А они стоят, развели руками
И глядят глазами полными.
Ангел сказал им слова незнакомые,
Новые, чудные, странные:
– Воскрес Христос! Смерти узы темные
Расторг, как пророчил ранее!
Пойдите, поведайте грустным апостолам,
Скажите: „Он жив! Он вечен!“
И побежали ангелом посланные,
Возвестить о Сыне Человечьем!
Радуйтесь, пойте, ликуйте, люди!
Воскрес Христос воистину.

Слышите? Христос был, есть и будет!
Он – Жизнь, и Путь, и Истина!

ГОРДОСТЬ

В моей жизни случается всякое:
То иду по тропинке из роз,
То бреду недобитой собакою
И дороги не вижу от слез.
Я за то благодарна Создателю,
Что от спеси меня бережет.
Ей, сокрытой в душе подсознательно,
Разрастись Он никак не дает.
Гордость – злое, колючее терние,
Колет, как ты его ни верти.
И без помощи свыше, наверное,
От нее никуда не уйти.
Стоит что-нибудь сделать хорошее,
Как сейчас же она тут как тут,
И добро, в твоём сердце возросшее,
Обесценит, как каторжный труд.

НАШ ВЕК

В наш век, железный, атомный, ракетный,
Быстрей, чем звук, летит аэроплан.
И человек в пространстве межпланетном
Развеял неизвестности туман.

Прогресс во всем: в культуре, в медицине...
„Жить стало лучше, стало веселей!“ –
Мы этот лозунг слышим и поныне,
Да люди не становятся добрей.

Но кто-то „мудрый“, даже „гениальный“,
Нашел, как человека изменить
Через уровень высокий материальный
И социальной жизни новый быт.

Теория прекрасна, а на деле:
Прелюбодеи, воры и лжецы.
Как видно, недостаточно идеи,
Здесь что-то проглядели „мудрецы“.

Как жаль, что люди в главное не верят.
Взлетел пилот, и все кричат: „Герой!“
Христос вознесся выше стратосферы
И без ракеты. Все кричат: „Долой!“

Лекарство, от болезни исцеленье,
Какой-то врач нашел. Весь мир о том кричит.
Христос же исцелял одним прикосновеньем
И мертвых воскрешал! Об этом мир молчит.

Христос одним любвеобильным взглядом
Менял людей, перерождал сердца,
И, все простив, враги садились рядом,
И мир царил, и радость без конца.

Нам скажут: „Мифы, бабушкины сказки“,
„Свежо предание, да верится с трудом...“
Но мы, познавшие на деле Божьи ласки,
Давайте всюду говорить о том,

Что Иисус, как прежде, исцеляет
Одним прикосновением людей
И к новой жизни мертвых воскрешает
Одним лишь словом о любви Своей.

И, может, кто-нибудь приклонит ниже ухо
К свидетельству простому о Христе,
И зацветут сады в душе, где было сухо,
И многие потянутся к воде.

К живой воде, которой Бог источник,
Которой нет начала и конца.
И будут пить ее и пить, с утра до ночи,
Открыв пред ней иссохшие сердца.

ПАСХАЛЬНОЕ

Светлое, ясное утро пасхальное
Радости Божьей полно!
Снято с души покрывало печальное –
Больше не нужно оно!

Тот, Кто недавно висел окровавленный,
Крепко прибитый к кресту,
Ныне воскрес из могилы, прославленный,
Смерти прогнав темноту.

Как издевались, как били, как ранили,
Злобно плевали в лицо.
Бога хотели в безумном незнании
Видеть они мертвецом.

Время пришло, роковое „Свершилось“
Слышали все со креста.
Гром загремел, небо тьмою покрылось,
Лик исказился Христа.

В храме порвалась завеса тяжелая,
В входе в Святое святых.
В грудь себя била толпа невеселая,
Каясь в проступках своих.

Кончено все. Разошлись любопытные,
Нечего здесь им искать...
Плачут лишь те, чьи надежды разбиты,
Плачет страдальца-мать.

Утром воскресным в слезах и волнении
Женщины к гробу пришли.
Но никого, к своему удивлению,
В гробе они не нашли.

Ангел, сидящий на камне отваленном,
Голосом нежным сказал:
„Нет Его здесь, Он воскрес“. Взором пламенным
Души он их пронизал.

Чувства смешались их. Радость, смятение,
Вера с неверьем сплелись,
Теплые слезы души облегчения
Непроизвольно лились.

Что б это значило? В гробе оставленном
Нет Иисуса – воскрес.
Многим явился Он в теле прославленном,
Много свершилось чудес.

Радость воскресная, радость победно
Силу для жизни дает.
Смерть не забрала из жизни бесследно,
Он победил, Он живет.

Годы промчались, но в душах искупленных
Нет происшествий новых,
Ведь во Христе искупил Бог возлюбленных,
Преданных Сыну людей.

Светлое, ясное утро пасхальное
Радости Божьей полно!
Снято с души покрывало печальное –
Больше не нужно оно!

ОТЕЦ

Был Голиаф убит в сражении Давидом,
Израиль ликовал и юношу хвалил.
А царь позвал его к себе с серьезным видом.
„Кто твой отец?“ – Давида он спросил.

Отец – глава семьи и должен быть примерным,
Отца достойного на небе ждет венец.
Да, матери любовь бесценна и безмерна,
И мать нам всем нужна, но нужен и отец.

„Кто твой отец?“ – вопрос звучит поныне,
Творим ли мы добро, иль сеем ложь и зло.
Коли сын добр, отец восхвален в сыне,
Коль зол, хулы клеймо и на отца легло.

Мир скор на суд и медлен на хваленье,
За зло детей винит отца всегда.
Мы дети Бога, мы Его творенье,
Да не забудем это никогда!

„Вы – миру свет“, – сказал Христос однажды.
Да светит свет ваш всюду для людей,
Чтоб, видя свет тот, ощутили жажду
Хвалить Отца отцов, любить Царя царей!

Мне Господь посылает беспросветные ночи,
 Мне Господь посылает безнадежные дни.
 Я во мрак устремляю утомленные очи,
 И мой взор напряженный видит тени одни...

„Протяни ко мне руки, – я тогда умоляю, –
 Боже мой, помоги мне, я не вижу пути!“
 И, не видя во тьме, я несмело шагаю,
 И стараюсь на ощупь Его руку найти...

И в измученном сердце одно лишь стремленье:
 Только б не оступить, не упасть от тоски,
 Только б не оробеть, не утратить терпенье,
 Дотянувшись, коснуться Господней руки.

И тогда – о, блаженство! Снова свет освещает
 Путь мой узкий, как утром посветлевший восток.
 Благодарность, любовь всю меня наполняет
 И нет сил удержать слез обильных поток.

Мне Господь посылает спокойные ночи,
 Мне Господь посылает лучезарные дни...
 Они быстро бегут – час минуты короче,
 Незаметно и тихо проходят они.

И тогда я молю: „Дай мне помнить, мой Отче,
 О том мраке, который меня окружал,
 Чтобы в ясные дни, как и в темные ночи,
 Голос мой постоянно Тебя призывал!“

Чтобы я, как в безвыходном горе, так в счастье,
 Постоянно тянулась всем сердцем к Тебе.
 Верю я, в этом мире не дашь Ты пропасть мне,
 Через все проведешь, очищая, к Себе“.

ТВЕРД В СЛОВЕ БОГ

Закон незыблемый рукой Творца заложен
В природу и зверей.
Природа осенью не умереть не может –
Закон сильней!

Порою летнею зерном налитый колос
Свою главу склонил.
В него заложенный неумолимый голос
В нем победил!

Зимой холодною под снежным покрывалом
Природа крепко спит.
Закон Творца сказал земле, чтоб спала –
Она молчит!

Весною солнышко пригреет землю снова,
Не смея возразить.
Земля пробудится, не прекослова зову,
Чтоб снова жить!

Мы в срок положенный не умереть не можем,
Как осенью цветок.
Но воскресения закон и в нас заложен –
Тверд в слове Бог!

ГОЛГОФСКАЯ ЖЕРТВА

Руки, ноги пронзенные,
Залила кровь лицо...
И в груди от копья черной бездною рана,
А душа без изъяна...
Много ль их, вот таких мертвецов?

Ко кресту пригвожденные
Преступленья людей
Над толпою висят, над безумной толпою...
Там поник головою
Бог в любви непонятной Своей.

Там свершилось спасение,
Жертву принял Отец.
Кучка верных людей там безмолвно стояла,
А толпа надевала
На Спасенье терновый венец.

Но безумным прощение
Теплой алой струей
Истекало из ран, как ручей средь пустыни.
Истекает поныне
И прощается грех твой и мой.

Совершил искупление
На Голгофе Христос.
Ты подумай об этом в минуты покоя.
И тебя Он омоет
Кровью жертвы, что там Он принес.

НАУЧИ УМИРАТЬ

Господь, Ты жить меня учил
Не год, не два, а много лет,
Ты тайну не одну открыл,
Открыл мне не один секрет.

Но я хочу, чтоб научил
Меня Ты так же умирать,
Когда не станет больше сил,
Ты помоги не унывать.

Не плакать о минувших днях,
Лишь помнить о Твоей любви,
Чтоб сердца не коснулся страх,
Когда закончу мои дни.

Пусть в теле – хижине земной –
Живет здоровый, крепкий дух.
И пусть огонь любви святой
Изгонит из души испуг.

Чтоб я не стала говорить:
„Господь, ведь я еще нужна,
Дай для Тебя еще пожить,
Я сделать многое должна...“

Господь, я поняла давно:
Незаменимых в мире нет,
И поколение не одно
Для смены явится на свет.

О, дай, чтоб не смущал вопрос:
„Как будет там, за той межой?“
Там будешь Ты, о мой Христос!
А там, где Ты, там хорошо!

Я верю, что в последний час
Свою Ты явишь благодать,
Как помогаешь жить сейчас,
Тогда поможешь умирать!

УЕДИНЕНИЕ

Бывает иногда такое настроение,
Когда ничто тебя не веселит.
В груди не сердца мерное биение,
А что-то твердое трепещет и болит;

Когда все люди кажутся фальшивыми,
И говорить не хочется ни с кем,
И разговорчивые кажутся болтливými,
И слыша их рассказ, ты думаешь: „Зачем?“

И хочется бежать, схватив себя за голову,
Куда-нибудь подальше от людей,
И сердца боль, тяжелую, как олово,
Тихонько выплакать прочь из груди своей.

Побыть совсем одним и чтоб никто не спрашивал,
Пытаясь понять тоску твоей души.
Кто сердца скорбь давно в груди вынашивал,
Тому приятно быть наедине в тиши.

Ведь только в тишине ты можешь Бога чувствовать,
И только в тишине ты видишь сам себя.
Наедине с Творцом ты ни хитрить, ни мудрствовать
Не станешь, как с людьми, хвалу и лесть любя.

И потому Сам Бог дает тебе стремление
Уединиться, быть с самим собой.
Без тяжести в душе не вкусишь облегчения –
Бог посылает все, Он хочет быть с тобой.

И знай, когда приходит настроение,
Когда тебе весь опротивит мир,
Господь зовет тебя в уединение,
Там для тебя готов духовный пир.

И с пира ты уйдешь и сытым, и напоенным,
Забьется сердце ровно и легко,
Польется песнь хвалы со струн души настроенных,
И грудью полною вздохнется глубоко.

ВЕРА

Когда я родилась, был скорбный, тяжкий час
Для родины моей. Она вперед рвалась
И лозунги какие-то кричала,
А новая неведомая власть
Для многих смерть иль ссылку означала.
Бог души верных ставил на весы,
И мелким ситом сеял свое стадо.
И люди ради хлеба, колбасы
Несли на рынки кольца и часы,
А отреченья сыпалися градом.
В те дни доносов, арестов, борьбы
Зло сеял дьявол нагнетенной мерой...
И мать моя меня назвала Верой,
Взирая на лжецов и лицемеров,
Поняв, что ей без меры нужно веры,
Чтобы глядеть в глаза своей судьбы.
Казалось бы, что с именем таким
Мне жить бы только и гордиться им,
Мне только воплощеньем веры быть бы,
А я как раз, как раз наоборот,
Как моя мать, в тот страшный, скорбный год,
Когда я родилась, нуждалась только в вере,
Нуждаюсь в ней не меньше, чем она,
И, может, даже больше и больна
Бываю часто, жизнь свою проверив.
И чтобы не ударить в грязь лицом,
Ведь стыдно ж пред людьми в конце концов
Мне с именем таким жить с верой столь убогой,
Я в тишине прошу смиренно Бога:
Пошли мне веры, ну совсем немного
(Ведь имя „Вера“ мне не зря дано),
Дай веры мне с горчичное зерно!

МОЛИТВА

Молитва – не всегда пространный монолог,
Иль длинный перечень затейливых прошений,
Иль в храме губ беззвучное движение,
Или умелое склоненье слова „Бог“.

Она души безмолвная тоска
И к ближнему любовь без принужденья,
И жажда – хоть на миг с Творцом соединенья,
Протянутая ввысь просящая рука;

И просто зов во тьме потерянной души,
Без лишних слов, без мысли выраженья,
Глубокое до слез благоговенья
В присутствии Творца в ночи, в тиши;

И песни задушевной грустный звук
Или из строф души стихотворенья,
И сильное желанье – заверенье
Любви Отца принять из Божьих рук;

Желанье красоты и вечного добра
И видеть их во всем стремленье и уменье,
Безропотное, тихое смиренье
С утра до вечера и с ночи до утра.

Часть естества, что в нас вдохнул Сам Бог,
Вся тянется к Нему и ищет с Ним общенья,
И совершает дивные моления,
Каких придумать человек не мог.

ЛЮБОВЬ

*„Весь закон в одном слове заключается:
любви ближнего своего, как самого себя“*

Мы у Бога о многом просим,
А просить об одном лишь надо,
О любви, что все переносит,
Что чужому успеху рада.

Когда любишь, легко прощаешь,
Когда любишь, не мыслишь злого,
На обиды не отвечаешь
Злобным взглядом и едким словом.

В милосердье границ не знаешь,
Сердце к жертве всегда готово,
Недостатков не замечаешь,
Не сквернишь себя клеветою.

Если любишь, себя не помнишь,
Всем желая добра и счастья.
Жизнь – Христос, мысли в Нем одном лишь,
А в душе теплота, участие...

Если любишь, совсем не важно,
Что не все тебя почитают.
Та любовь, что зажглась однажды
Негасимым светом сияет.

И огонь этот ярко светит,
И о нем говорить не нужно.
Его всякий и так заметит,
Там где он, там любовь и дружба.

Если ты ее проявлений
В моей жизни не замечаешь,
Значит, я ее не имею,
Я о ней понаслышке знаю.

И напрасно просить о многом –
Мне по сути одно лишь нужно:
Я любви прошу у Бога,
О других не заботясь нуждах.

ЯЗЫК

Мы друг друга раним без меча –
Наш язык страшнее и острее,
Словом рубим ближнего с плеча,
При размахе силы не жалея.
Зло от слов прочнее, чем от дел.
Дело часто ранит только тело,
А язык взял душу на прицел –
Ранит сердце метко и умело.
Кто язык обуздывает свой,
Мудр тот перед людьми и Богом.
Если поразмыслишь головой,
Языком навряд ли скажешь много.
О, как много лишних, праздных слов!
И не только грозных, злых, обидных...
Много мнимых „добрых“ языков,
Льстивых, лживых, хитрых и бесстыдных.
Час, когда умолкнут языки,
Будет часом высшего блаженства,
Как же от него мы далеки?!
Как мы далеки от совершенства...

БОГУ

Ты мне близок, словно берег морю,
Ты мне дорог, словно детям мать.
Ты пришел, чтоб сладким сделать горе,
Ты пришел, чтобы, простив, обнять.
Без Тебя и жизни мне не надо,
Без Тебя я только что дышу...
Ты один мне в жизни здесь улада,
Будь всегда моим, Тебя прошу.
Там, где небо встретится с землею,
Чтоб принять из рук ее меня,
Там впервые встречусь я с Тобой,
И глаза мои узрят Тебя.
А теперь надеждою живую
Я живу, пока в свой час умру...
Ты мне ближе, чем песок прибою,
И дороже, чем вода в жару.

Господь, мы спим,
Пора нас пробудить.
Призвать к труду, молиться научить.
Начни учить, начни, Господь, будить —
С меня начни.

Господь, мы злы.
Не можем мы любить,
Творить добро, зла в сердце не таить.
Начни, Господь, нас всех любви учить —
С меня начни.

Господь, мы прах,
Но непослушны мы,
Нас привлекает царство зла и тьмы.
Начни ломать сердца наши, умы —
С меня начни.

Господь, Ты вновь
Придешь, чтоб нас забрать!
Мы ж грех не научились побеждать.
Начни готовить нас Тебя встречать —
С меня начни.

Господь, веди,
Веди к победам нас,
Чтоб были к небу ближе каждый час.
Веди, чтоб веры пламень не погас, —
Меня веди.

Господь, прости,
Прости нам лень и зло,
Что в наших душах прочно залегло.
Прости, омой, очисти врагу назло, —
Меня прости.

Не параллели и меридианы,
Не континенты и материки –
Мир делят не моря и страны,
Он разделен Голгофой на куски.

На два куска, на две неравных части,
По обе стороны распятого Христа,
Где два преступника рукой законной власти
Были прибиты крепко ко крестам.

Один налево, а другой направо...
Достойны смерти за свои дела.
И оба гибли, но струей кровавой
С креста Христова благодать текла.

Один злословил Бога без стеснения.
Другой в смиренье голову склонил.
Один погиб, отвергнув дар спасенья,
Другой жизнь вечную, покаясь, получил.

И с той поры до наших дней лукавых
Мир делит надвое голгофский крест Христов:
Один налево, а другой направо,
Один хулить, другой хвалить готов.

Мы, как те воры: все достойны смерти
По обе стороны голгофского креста.
Друзья мои, задумайтесь, проверьте:
Отвергли вы иль приняли Христа...

ОТЕЦ

Звучит, как траурный псалом:
„Сын мой, сын мой, Авессалом!
О, кто бы дал мне умереть
Вместо тебя, мой сын, мой сын?“
Царь плачет в тишине один,
От слез не может вдаль смотреть:
„О, кто бы дал мне умереть
Вместо тебя, Авессалом?“
Он в этот час забыл о том,
Что на отца войной шел сын.
„Мой сын, мой сын...“ – отец один
В тоске о землю бьет челом.
„Мой сын, мой сын... Авессалом!“
Любовь отца покрыла все,
Забыла все, простила все.
Так Бог Отец скорбел о нас,
Когда в паденья страшный час
За грех изгнать был принужден
Из рая человека Он.
За человека человек
Не может умереть вовек,
Но Бог в любви Своей к сынам
Сошел на крест и умер там.
И мы навеки не умрем,
Мы на кресте распялись в Нем,
Мы из гробницы со Христом
Восстали к новой жизни в Нем.
Свершила то Отца любовь.
Хвала за пролитую кровь!
За жизни радужный венец
Хвала Тебе, наш Бог-Отец!

Есть один только путь и одна только жизнь,
И одна только правда на свете.
И одна лишь любовь – к ней душою стремись,
Ею связаны Божии дети.

Есть один только мир и одна только скорбь,
И один только крест – крест голгофский.
И к нему ты шаги свои, странник, ускорь,
Если тягостен путь тебе скользкий.

Есть один только путь, что Христос проложил,
И одна только жизнь в Божьем Сыне.
И одна есть любовь – ею Бог возлюбил
Человека в безводной пустыне.

Есть один только мир, мир, что Бог нам дает
После плача души – покаянья,
Есть одна только смерть – ею каждый умрет
И получит за жизнь воздаянье.

Есть одно воскресенье, и суд есть один –
Верный суд – и не будет другого.
Верь в спасенье, что нам даровал Божий Сын!
Верь в могущество Божьего слова!

Есть один только Бог! Всею душой прилепись
К Его истине, свету и жизни!
Исполняйся любовью и к миру стремись –
И воскреснешь в небесной отчизне!

РОДИНЕ

Нам, наверное, больше не встретиться,
Дорогая моя сторона!
Вихрем бешеным жизнь наша вертится,
И дорога к тебе не видна.
Я, тебя покидая, все думала:
„Я, конечно, вернусь, не беда“.
А колеса стучали: „Безумная,
Никогда, никогда, никогда...“
Я к чужбине привыкла, как к мачехе
Привыкает дитя-сирота:
Сыт, одет и обут – все же плачет он,
Потому что, хоть мать, да не та.
Где-то в сердце остались любимые
Очертания рук и лица,
Звуки голоса неповторимые
И во взгляде любовь без конца.
Так и я на чужбине, в скитании,
Всем довольна, одета, сыта...
Ты же в памяти, в сердце, в сознании,
А чужбина, хоть мать, да не та.
Мне б хотелось с тобой еще встретиться,
И пройти по знакомым местам...
Только в встречу мне что-то не верится,
Видно, так суждено уже нам.
Если я не вернусь и исполнится
Предсказание стука колес,
Будет больно, и очи наполнятся
Теплотой облегчающих слез.
Но мы обе – Господне творение,
И недаром Он нас разлучил.
Все имеет свое назначение,
Только мало терпенья и сил.
Я молюсь о тебе, незабвенная,
Ты же старых обид не таи,
И тогда мы с тобой постепенно
Позабудем печали свои.

У ЕГО НОГ

Я в жизни часто Марфою была,
И суета была моей стихией,
Но иногда, пот отерев с чела,
Я становилась мудрою Марией.

И обратясь спиною к пирогам,
И фартук сняв, как тяжкий груз, постылый,
Я шла к святым Спасителя ногам
И виновато возле них садилась.

Его слова, как свежая вода,
Лились без осужденья и укора,
И было стыдно мне, что не всегда
Я здесь у этих ног, под этим взором.

У ног Его покой и благодать,
И я убеждена, что очень скоро
Мне было б просто нечего писать
Без этих встреч и этих разговоров.

Ведь здесь источник мудрости и сил,
И жить нельзя без этого общенья.
Здесь Он меня любить и жить учил,
И здесь дарил святое вдохновенье.

И каждый стих, и даже каждый слог
Рождались после незабвенной встречи.
Я получала их у Его ног,
И мне хвалиться абсолютно нечем.

Ему хвала за то, что вдохновлял
На труд и славословье мою душу,
Ему хвала за то, что позволял
Он мне сидеть у ног Его и слушать.

ХЛЕБ

В хрустальную вазу на полке
Не ставлю фиалок и роз я,
Ни ландышей с запахом тонким,
Но ржи золотые колосья.

Пучок колосящихся злаков
Мне роз и жасмина дороже –
Он служит таинственным знаком
Заботы и щедрости Божьей.

Нам дорог был хлеб в голодовку,
Его мы ценить научились.
Колосьев созревших головки
Во сне нам тогда только снились.

Христос, милосердный Сын Божий,
Небесным назвал Себя хлебом –
Нет пищи полезней, дороже
Для духа и тела под небом.

Я была пустырем,
Целиною, поросшей бурьяном,
Рос он буйно на мне
И душил своим запахом пьяным.

Он тянул мои соки,
Был сильным, а я все слабела,
Я жила, чтоб питать
И растить его гнусное тело.

Но пришел Земледелец,
Взрыхлил меня плугом глубоко,
Вырвал с корнем бурьян
И склонился ко мне, одинокой.

И из сумки Своей,
Что с плеча Его низко свисала,
Он зерно положил в меня –
Жизни и счастья начало.

Солнце грело меня,
Орошал меня дождик весенний,
Проросло то зерно,
Стало стройным, прекрасным растеньем.

Я следила за тем,
Как на нем показались почки,
Как набухли они,
Как из них распустились листочки;

Как цветы расцвели,
(Я дышала их запахом нежным!)
Как плоды показались
Совсем не такие, как прежде;

Как срывали их дети
И взрослые люди, и старцы,
Как их лица потом
Покрывались здоровым румянцем...

И мне так захотелось
Еще стать щедрей и любезней,
И для блага людей
Стать еще плодоносней, полезней.

И чтоб снова пришел
Земледелец с сумою и плугом,
Чтоб Он сеял в меня,
Чтоб навек моим сделался Другом.

НУЖНО ЗНАТЬ

Жить на земле и не знать, зачем?
Смотреть вперед – ничего не видеть?
Ведь счастье, мы знаем, дается тем,
Кто ищет его хоть в каком-то виде.

И мир расступается перед тем,
Кто знает, куда направляет шаги.
Жить на земле, нужно знать, зачем,
И видеть цель, хоть кругом ни зги.

Достойную жизнь и смерти цель,
Дающую смысл и значение такое,
При котором, что б человек ни терпел,
Его душа оставалась в покое.

Твердо знать, что в конце пути
Отдых ждет и за труд награда.
Иначе нет смысла вперед идти,
Иначе ни жизни, ни смерти не надо.

Христос пришел, чтобы путь открыть,
Ведущий к счастью, к души покою.
К счастью, ради которого жить
И умирать очень даже стоит.

Ты ищешь путь, которым идти,
Зачем живешь, хочешь знать, наверно?
На земле нет вернее Христова пути,
Пути служенья, любви и веры.

На нем узнаешь, живешь зачем,
Перед смелым прочь уйдут враги.
Ведь мир расступается перед тем,
Кто знает, куда направляет шаги.

БЛАГОДАРИЮ

За ветвь в окне и кошку на заборе,
За южный фиолетовый закат.
За тишину, за близость гор и моря
Благодарю сто тысяч раз подряд.

За то благоговейное смирение,
Что наполняет душу каждый раз,
Когда я слышу птиц свободных пенье
Или гляжу в невинность детских глаз.

За теплое руки прикосновение
Того, кто все со мною пережил
И злое все легко предал забвению,
А доброе признал и оценил.

За то, что Бог великий мне позволил
Душою прикоснуться на земле
К Его следам, к Его словам и воле,
К Его огню, светящему во мгле.

За песнь в душе, за мир в семье и ласку,
За чуткое внимание друзей,
За эту, так похожую на сказку,
Земную жизнь со множеством стезей.

За молодость, за зрелость и за старость,
За тот, быть может, тяжкий переход,
Который так, как сон целит усталость,
Из этой жизни к лучшей приведет.

БОЖИЙ ДОМ

В нашей жизни, где столько труда и усталости,
Столько боли в груди, столько слез на очах.
Для усталой души одно место осталось,
Это Божьего дома уютный очаг.

В этом доме, где слышится весть о спасении,
Возвещается смело Христа благодать,
Еще слышны молитвы и дружное пение,
Еще, падая, люди умеют вставать.

В этом месте поныне душой сокрушаются
И еще не забыли о слове „прости“,
Еще в память о Господе хлеб преломляется
И погибшему можно спасенье найти.

Здесь далекое прошлое с тайнами вечности
Сочетается просто в прозревших сердцах,
Люди помнят о дружбе, любви, человечности,
Еще к Богу поднять не стыдятся лица.

После мира, в котором невольно вращаешься,
Так ценить начинаешь собранье святых,
Смыслом Божьего Слова сильней наслаждаешься,
Смыслом вечным, глубоким глаголов простых.

И все наши болезни, паденья и слабости
Так ничтожны в сравненье с недугом мирским.
Здесь так много еще утешенья и радости,
И внимания чуткого к душам людским.

В это место, под тихие своды церковные,
Я люблю приходить, как зимой к очагу.
Только здесь забываю я тучи греховные,
Только здесь отдохнуть я душою могу.

И на сердце так мирно в духовном общении,
Так тепло, что всех хочется крепко обнять.
О, как много дано нам в Христовом спасении!
О, как много дала нам Его благодать!

Пусть вся жизнь будет радостным благодарением –
Каждый день, каждый час, каждый прожитый миг –
За то самое сладкое в мире общение
В Церкви Божьей – в собрание Христовых святых.

ЧЕЛОВЕК

Здесь кем-то протоптана к морю тропинка,
Она односледна, узка...
Здесь кто-то прошел босиком, не в ботинках,
И сел там на камень, у скал.

Он долго глядел, как на воду спускались
Последние солнца лучи,
Как волны все ближе и ближе плескались,
Прибой ему ноги мочил.

Ему показалось – он только песчинка,
Прибитая к твердости скал.
Он мелко дрожал и лицом без кровинки
К холодному камню припал.

Сознал себя маленьким, жалким, ничтожным
Средь массы воды и песка...
„Кто я? – восклицал он, – что Ты меня, Боже,
Так долго, упорно искал?“

Нашел и обнял, как волна обнимает
Прибрежные груды камней,
И понял меня так, как мать понимает
Своих неразумных детей“.

Он долго сидел там. Заката сиянье
Сменилось сияньем луны...
Он знал, что такие вот с Богом свиданья
Нечасто нам в жизни даны.

Он вдруг осознал, что он полон значенья
И Богом возлюблен навек.
Взглянув на песчинки в бескрайнем творенье,
Он понял, что он – ЧЕЛОВЕК!

Он встал и, расправив широкие плечи,
Пошел в предрассветную тьму...
Я с Богом имела подобные встречи,
За них благодарна Ему.

БОЖЕ МОЙ

Когда сердце болит и тоскует порой,
Непосильным покажется путь,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
Дай мне сил у Тебя почерпнуть.

Если в сердце сомнений войдет целый сонм
И унынье заснуть не дает,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
Иними с меня тяжкий мой гнет.

Если слышишь, что я недовольна судьбой
И ропщу на себя и других,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И избави от мыслей плохих.

Если видишь меня в тишине Ты ночной
На коленях в слезах пред Тобой,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И услышь, и прости, и омой...

Когда время придет мне расстаться с землей
И оставить всю жизнь позади,
Ты склонись надо мной, Боже мой, Боже мой,
И в покой меня вечный введи.

Пожалей меня, Боже, молю, пожалей!
Я хочу, чтобы жизнь моя стала светлей.

Я хочу, чтобы совесть была, как кристалл,
Я хочу, чтоб покой в моем сердце настал.

Я с самою собой на войне много лет,
Не смирюсь со своею судьбою я, нет!

Я не верю, что жизнь поражения – „судьба“,
Я не верю, что тщетна, бесплодна борьба.

Твое Слово гласит, что, кто ищет, найдет,
Что Ты силу даешь тому, кто упадет.

Что Ты любишь того, кто Тебя возлюбил,
Что победа в Тебе, что Ты мир победил!

Потому я к Тебе за подмогой иду,
Знаю, отклика в душах людей не найду.

Знаю, святость в Тебе и победа над злом,
Знаю, счастье в Тебе – я уверена в том!

Потому Ты всего в этом мире милей,
Пожалей меня, Боже, молю, пожалей!

МОЛИТВА

С такой любовью, как мать,
С таким доверием, как дети,
Ты помоги мне принимать
Все, чем Ты путь мой здесь отметил.

Без „почему“ и без „зачем“,
Не прекослова и не споря,
Как я дышу, и пью, и ем,
Так дай мне принимать и горе.

В надежде, что когда-нибудь
Откроешь все, что скрыто тайной,
И что пройденный мною путь
Мне ранил ноги не случайно.

Что каждый миг и каждый шаг,
Прискорбный стон или улыбка
В моих путях – в Твоих руках
Большая цель, а не ошибка!

Что каждый камень на пути,
И каждый шип, и каждый узел
Мне помогал к Тебе дойти,
Не расширял мой путь, а узил.

Чтоб каждой новою бедой
Ты пробуждал от сонной лени,
Когда сажал на „хлеб с водой“
Иль ставил в „угол на колени“.

Что нужды все мои подряд
Ты восполнял с большим стараньем.
Не Ты ж ведь в том был виноват,
Что я нуждалась в наказанье!

Позволь мне жить и умирать
На сей земле, под небом этим
С такой любовью, как мать,
С таким доверием, как дети.

ОН МОЛИЛСЯ О НАС

Он на гору молиться один уходил,
Он с Небесным Отцом там общенья искал.
Ветер листья олив, шевеля, серебрил
И склоненную голову тихо ласкал.

Камни слышали звуки божественных слов,
Слезы молча впитала сухая земля,
И кривые ряды узловатых стволов
Знали все, о чем Сын там Отца умолял.

И до нас донеслись чрез седые века
Духом Божьим хранимые эти слова.
Я читаю, что чья-то писала рука,
И склоняется низко моя голова.

В свете Слова Его виден каждый пробел,
Каждый промах и каждый уродливый грех:
Мог кому-то помочь – не хотел, не успел,
Поощрить мог, но свой был важнее успех.

Потому-то Спаситель молился о мне,
Знал, что трудно мне будет бороться с грехом,
И я вижу Его на горе в тишине...
И хоть больно и стыдно, я радуюсь в Нем.

Он как будто бы тихо со мной говорит:
– Не спеши, не заботься, ведь время не ждет,
Посмотри, как сияет на солнце гранит,
Посмотри, как вечерний горит небосвод.

Наклонись на пути, чтоб понюхать цветок,
Чтоб головку ребенка погладить рукой.
Не гаси Мной зажженный в тебе огонек,
Пусть течет твоя жизнь полноводной рекой.

На земле Я трудился не меньше тебя,
Все же время имел отойти от забот
И колени склонить перед Тем, Кто, любя,
Нам так много прекрасного в жизни дает.

И я плачу, когда говорит Он со мной,
Непривычная ласка – для сердца елей,
И на „гору“ свою с тишиною ночной
Ухожу для молитвы с тоскою своей.

Через Слово Свое Он ко всем говорит:
– Пробудитесь, покайтесь, придите ко Мне!
Отзовитесь, пока Его голос звучит...
Он молился о всех на горе в тишине.

ВОЗЬМИ КРЕСТ ТВОЙ И СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ

Мне хотелось идти за Христом без креста,
Налегке, по дороге земной.
Но, призвав меня, Он мне сказал неспроста:
„Возьми крест твой и следуй за Мной“.

Я сказала Ему, что боюсь я креста,
И призналась, что им тягощусь...
Но я подняла взор и во взгляде Христа
Увидала глубокую грусть.

„Без креста ты не сможешь за Мною идти –
Крест всегда неразрывно со Мной.
Поношенья, насмешки – на узком пути,
На широком же – мнимый покой.

На добро твое мир будет злом отвечать
И пример твой поднимет на смех.
А паденье твое будет жадно встречать
И приветствовать каждый твой грех.

Будет истинность слов твоих враг извращать
И порывы святые твои
Будет смешивать с грязью, ногами топтать,
Как когда-то порывы Мои.

Он расставит капканы и сети вокруг
И окрасит все в розовый цвет,
Чтоб не видела ты, кто твой враг и кто друг,
И вокруг тебя тьма или свет.

Будет всюду порочить он имя твое
И в труде будет бить по рукам.
Ты уйдешь на молитву в жилище свое,
Он терзать тебя будет и там.

Это все неизменно сопутствует тем,
Кто за Мною решится пойти.
Это крест... Но духовный имеет успех,
Кто его не боится нести.

Расплавляясь в огне, закаляется сталь,
Очищается золото в нем.
Знаю, в радость твоя превратится печаль,
Если путь твой пройдешь ты с крестом.

Крест неся до конца, победишь, как и Я,
Себя свяжешь с Моею судьбой".
И сказала я: „Господи, ради Тебя
Возьму крест и пойду за тобой!“

ТЕРПИ, ДУША

Терпи, душа, осталось так немного
Терпеть и ждать: Христос придет опять.
Терпи еще, держись за руку Бога,
Надейся, жди, душа, хоть трудно ждать.

Он знает: ты давно Его заждалась,
Что и в среду святых закралась зло и лень,
Что никогда еще так церковь не нуждалась
В Его любви, единстве и тепле;

Что мир лежит в растленье и разврате,
В нем больно жить и часто невтерпеж,
Когда глядишь, что даже сестрам, братьям
Знакомы стали лицемерье, ложь...

К кому пойдём? Глаголы вечной жизни
Лишь во Христе, и в Нем на все ответ.
Мы ослабели на пути к отчизне,
Мы охладели. Это не секрет.

Мы это чувствуем, мы это понимаем,
Мы говорим об этом и поем,
Мы молимся об этом, унываем
И волочим свой крест, а не несем.

Не страшна боль, не страшны испытанья:
Они ведут к сердечной чистоте,
Из мертвого, пустого состоянья –
К победе, совершенству, полноте.

Пусть Дух Святой огнем повеет с неба
И выжжет все, что дьявол насадил,
Чтоб стали мы душистым свежим хлебом
Из зерен, что Сам Бог обмолотил.

ЦАРЬ ГРЯДЕТ

Мы живем в Содоме и Гоморре –
Зло достигло крайнего предела,
Разлилось, как яростное море,
А земля себя недоглядела;

Отдалась нахлынувшему валу,
Пала, как „великая блудница“,
Так, как будто бы она не знала,
ЧТО в том мутном омуте таится.

Ведь по ней прошел Спаситель кроткий,
Все сказал ей, все, что нужно, сделал.
Но она забыла те уроки,
Истиною жить не захотела

И пришла к концу своих блужданий,
Докатившись, так сказать, „до ручки“, –
Не сбылось волненье ожиданий,
Обманул лукавый на толкучке.

Близятся намеченные сроки,
Все приметы предвещают грозы,
Не Младенец в яслях светлоокий –
Царь грядет уверенный и грозный.

Царь грядет своих забрать от мира.
Все короче благодати лето.
Плачь, земля! Сжигай свои кумиры!
Кайся, пока песнь твоя не спета!

Царь грядет на радость ожидавшим.
Пой, ликуй, спасенный и прощенный!
Царь грядет! Не будь же опоздавшим
Путником у двери затворенной.

ЭТО ТЫ

Как прекрасно все то, что Твое!
Мне повсюду Твой слышится голос:
Ветром в листьях звенит и поет,
В сердце шепчет, как зреющий колос...

Эти горы, покрытые мхом,
Эти волны, покрытые пеной,
Этот берег с горячим песком,
Это солнце в бескрайней вселенной!

Боже мой, это – Ты, это – Ты!
Я с Тобою повсюду встречаюсь,
Когда рву мимоходом цветы
Иль на чей-то поклон отвечаю.

Мне повсюду видна Твоя кисть,
Твой резец и Твой почерк с размахом:
В детском взоре, что светел и чист,
И в мужских пропотелых рубахах.

Это Ты нам даруешь детей,
Это Ты научил нас трудиться,
Потому я хочу все сильней
И все чаще, усердней молиться.

Боже мой, это Ты окрылил
Мою душу нетленной надеждой
И отрепья земные прикрыл
Своей новой и чистой одеждой.

Это Ты меня петь научил,
Потому моя песнь не смолкает.
Это Ты в меня свет Свой пролил,
Он и в вечности не угасает.

Как прекрасно все то, что Твое!
Пред величием Твоим я немею.
Это Ты, это Ты мне даешь
Все то доброе, что я имею.

ГОСПОДИ, ГРЯДИ!

Мне хочется порой забыть, забыть навеки
О том, что злоба есть и зависть, и вражда,
И верить лишь в добро, что в каждом человеке
Горит, как отдаленная звезда.

Не видеть взглядов злых, не слышать слов обидных,
Самой свободной быть от грустных дум моих.
В общении с людьми искать почти невидных
Крупниц добра, любви и видеть только их.

Но зло живет везде, во всех, во всем от века,
И лишь в одних оно виднее, чем в других.
И делает оно несчастным человека,
Держа его всегда в когтях своих.

И я его в себе нередко ощущаю,
И больно мне тогда, когда друзей моих
Вдруг тоже иногда как будто прорывает –
И горечь на устах, и зло во взоре их.

И я бегу в себя, бегу в уединенье,
И горько жалуясь на общую судьбу;
И плачу пред Творцом, прошу освобожденья,
Ответа на мою насущную мольбу.

И чувствую душой – Творец мне отвечает,
Что скоро все пройдет, что скован будет враг.
И зло, что нас гнетет и дух порабощает,
Рассеется, как дым, как предрассветный мрак.

И свет, что был таким ничтожно-незаметным,
Заполнит все собой и злобу победит..
И я с надеждой жду свершенья слов заветных
И с верой говорю: „О Господи, гряди!“

ТЫСЯЧА МИЛЬ

Между мной и новым поколением –
Тыща миль!
Я рассказываю им с волнением
Сказку? Быль?

Говорю, мои глаза сверкают,
А они – молчок!
Незаметно, вежливо зевают
В кулачок.

О войне, о бегстве, о чужбине,
Лагерьх...
О вещах, которые поныне
Нагоняют страх,

Говорю им с чувством, чуть не плачу –
В горле ком,
Как в село ходили наудачу
Мы пешком.

На морозе нос алел, как клюква,
И мечтой
Были пироги с промерзлой брюквой
Кормовой!

Трудно слушать нашим сытым детям
Про беду.
Знаю, что в их души словом этим
Не войду,

Не преодолею расстоянье
В тыщу миль!
Только б их не стала достояньем
Моя быль.

Только б Бог их от пути страданий
Сохранил.
Жить бы и без тяжких испытаний
Научил.

Может, жизнь прожить без горя можно?
Может быть...
Но без бури тишину возможно ль
Оценить?

Мы слышим голос. Он мягче моха,
 Он легче пуха, нежнее вздоха.
 Он шепчет тихо: „Вот это плохо,
 А это делай, вот это нужно...“
 Тот голос в сердце, а не снаружи.
 Когда мне было лет, может, двадцать,
 Тот голос начал ко мне стучаться
 И звать куда-то и беспокоить:
 „Иди за Мною... Иди за Мною...“
 Ни на чей голос был непохожим
 Всех звуков в мире стал мне дороже,
 Когда узнала в нем голос Божий.
 Но голос сердца, бывало, все же
 Я заглушала порой... И что же?
 Он становился сильней и громче,
 Как будто лодку покинул Кормчий,
 А всюду буря, и гром грохочет,
 И сердце плачет и крикнуть хочет:
 „Прости мне, Боже, что голос тихий
 Я заглушала себе на лихо“.
 Хочу сказать я всем тем, кто молод:
 – Не заглушайте духовный голод!
 Зовет вас голос средь бури воя:
 „Иди за Мною... Иди за Мною...“
 Не отвергайте тот голос нежный,
 Ведь встреча с Богом всем неизбежна.
 Пока вы юны, пока вы свежи,
 Не заглушайте тот голос нежный!

МОЛОДЕЖИ

Когда в поле колосится рожь,
 Ветер гонит в небе облака,
 Ты земной дорогою идешь,
 Твоя поступь молодо легка.

Пред тобой открыты все пути,
У тебя энергии запас –
Только пой, влюбляйся и шути,
Планы строй, что не включают нас.

Это все присуще молодым,
Этот путь как будто бы хорош,
Но известно многое седым –
То, чего не знает молодежь.

Мы уже прошли твоим путем,
Закалились, опыт обрели.
Нам беда любая нипочем,
Мы искали счастье и нашли.

Хочется тебя предупредить,
Что на розах место есть шипам,
Хочется соломки подстелить,
Руки подложить то здесь, то там.

Ты ж горда, упряма, молодежь,
Хочешь до всего сама дойти,
Думаешь, что все сама найдешь,
Сможешь личный опыт обрести.

Выслушай родительский совет:
Ты не пожалеешь ни о чем,
Если в цвете твоих юных лет
Встретишься в дороге со Христом.

Будет новый путь тебе открыт,
Если свою жизнь Ему вручишь,
Если, когда Он заговорит,
Ты, склонившись низко, помолчишь.

Будет в поле колоситься рожь,
Будет ветер тучи в небе гнать...
Ты ж в беседе со Христом поймешь,
Что пытались мы тебе сказать.

ВСЕХ ВЫШЕ

В наши дни снова люди хотят
Растоптать, уничтожить,
Умалить и из жизни прогнать,
Поразить Сына Божья.

– Он мешает! Не нужен! – кричат,
Как тогда перед Пилатом.
Но столетья молчать не хотят
Об Иисусе распятом.

Прогоняют из жизни Того,
Кого Бог прославляет,
Унижают Христа своего,
А Отец возвышает.

– Самозванца Иисуса распни!
На свободу Варавву!
Только двери тюрьмы распахни,
Угодишь нам на славу...

– Вот Он, в Нем я не вижу вины,
Распинайте Святого... –
И Пилат, пряча взор от жены,
Не сказал ей ни слова.

Озверела, бушует толпа,
И Варавва ликует.
Кто-то там к Иисусу припал,
Ему ноги целует...

Но уже подхватили, ведут.
Крест на плечи взвалили...
Вдалеке потаенно идут,
Кто с Ним явно ходили.

И летит Ему ругань вослед
(Так уж, видимо, нужно),
Дал добро – получил зло в ответ
И враждебность за дружбу.

Подбегают и бьют по щекам,
И плюют, и хохочут...
А глаза в глубине черных ям,
Голова кровоточит...

Спотыкается, падает Он,
Ослабел, нету мочи...
И знакомый бесшовный хитон
Его кровью промочен.

А потом на вершине холма
Изможденное тело...
Там, сводя своим видом с ума,
Над толпою висело.

Так пыталися с грязью смешать,
Не видать и не слышать...
А когда на кресте был распят,
Оказался всех выше.

Высоко-высоко на гвоздях –
И вот, хочешь не хочешь,
Сверху вниз не посмотришь никак –
Подымай кверху очи!

ЭДЕЛЬВАЙС

„Возвожу очи мои к горам...“

С загорелым лицом, смело поднятым ввысь,
К небесам, где орлы лишь дерзают летать,
Человек поднимался по склону горы,
Чтобы редкий цветок на вершине сорвать.

Эдельвайс – благородный, пушистый цветок,
Что растет, где ручьи ледяные бегут.
Путь к вершине горы крут, извилист, далек.
Там цветок тот, красуясь, цветет на снегу.

– Серебристый, особенный, редкий цветок
Я найду, я сорву... – повторял человек, –
Он своей красотой мою душу привлек,
Эдельвайс на снегу, у источников рек.

Если я поскользнусь, если я упаду,
Ночь настигнет меня... отдохну, поднимусь
И цветок на вершине горы я найду,
И в долину домой без него не вернусь!

Как прекрасен Христос на вершине холма
На кресте, что спасение людям дает!
Мир объяла густая, гнетущая тьма,
Возведи свои очи к горам, пешеход!

Пусть, как редкостный, горный, прекрасный цветок,
Твою душу плéнит красотой Христос.
Пусть напоит тебя вечной жизни поток.
Пусть стопы твои станут на твердый утес.

Будет трудно – крепись, будешь падать – вставай.
То, что в Нем ты найдешь на вершине крутой,
Во сто крат превосходит ценой эдельвайс,
И ничто не сравнится с Его красотой.

И когда ты взойдешь, ты на крест погляди
С покаяньем в груди, с лицом, поднятым ввысь,
Драгоценную вечную жизнь там найди
И с пустою душою домой не вернись!

ОН И МЫ

Посмотрим на Того, Кто жил
Здесь, на земле, для нас с тобой.
Как вел Себя, что говорил,
Мирился ли с Своей судьбой.

От Вифлеема до креста
Он был примером простоты,
Но неземная красота
Светилась сквозь Его черты.

Всегда открытый, светлый взор
Бывал и строгим, но не злым,
С глубоким смыслом разговор
Неоспорим, неотразим.

Он ласков, добр и чуток был,
Он твердо знал, зачем живет.
Он жизнь дарил, питал, целил,
Учил и наставлял народ.

И поношенья принимал,
Как принимают похвалу:
Склонивши голову, молчал
В ответ на явную хулу.

Он был Любовь и Жизнь, и Свет.
В том сердце, где Он пребывал,
Сомнений нет и злобы нет,
Нет бурь, найден души причал.

Он предан был, но твердо снес
Позор, оставленность Свою
И на Голгофу Сам отнес
Вину тяжелую мою.

Он всех любил и всем прощал,
За всех молился и за всех
На страшном древе умирал,
Распяв Собою мира грех.

Он все терпел и все сносил,
И вывел нас во свет из тьмы.
Он мудро жил и свято жил,
И нас учил тому.
А мы?..

ТАЙНА ИСКУПЛЕНИЯ

Руки на крестовой поперечине,
Ноги притянул гвоздями брус,
Лик, венка шипами изувеченный,
На груди повис, как тяжкий груз...

За какие злые преступления
Обречен Он на такую казнь?
Почему молился о прощении
Палачей Своих в последний час?

Почему, как в светопреставление,
Под ногами почва затряслась,
И завеса – храма разделение –
Надвое сама разодралась?

Почему могилы многолетние
Возвратили к жизни мертвецов?
Почему сильнее и заметнее
Исказилось на кресте Лицо?

Кто Он, осужденный на распятие
За провины чьи-то, не Свои?
Не мое ль вознес на крест проклятие,
Преступленья распял не мои ль?

Не о мне ли просит умирающий,
Не мою ль вымаливает жизнь?
И не для меня ли, погибающей,
Струи слез и крови там лились?

И на голос совести, карающий,
На вопросы строгие души
Я ответ, сомненья разрушающий,
Получила как-то раз в тиши:

– Это за твои провинны многие
Жертвою любви стал Иисус,
Чтоб нашла души спасенье в Боге ты,
Чтоб бессильным смерти стал укус...

Не вмещая это откровение,
Благодарность принесла Ему.
Знаю я, что тайну искупления
Не сейчас, а в вечности пойму.

ЕСЛИ НЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ...

Если нет воскресения, тогда не должно быть весны,
Ни травы молодой, ни подснежников нежных, прекрасных.
И те зерна, что пахарем были земле отданы,
Умирили бы в ней навсегда, бесполезно, напрасно.

Но с надеждою сеет крестьянин сухое зерно,
Веря в жизнь, что сокрыта в его неживой оболочке.
Знает он, что в свой час непременно воскреснет оно,
Оживет, как на дереве голым набухшие почки.

Человек – не зерно, не цветок, не сиреневый куст,
И не плоть он и кровь, и не только он кости и кожа,
Сам Творец из Своих животворных, божественных уст
Жизнь вдохнул ему в грудь, на Себя его сделав похожим.

И ту жизнь, что вдохнул Он, не в силах никто победить,
Не над нею победу трубит, торжествуя, могила:
Только тело – ее, а душа, как жила, будет жить,
В ней сокрыта Творцом навсегда воскресения сила!

ОН МОЙ

Он к ним пришел, они Его ждали,
Веками обетованного Богом.
И с криком на Голгофу отвели,
Избили, осмеяли, извели,
К публичной казни присудили строго.

А я не чаяла пришествия Его,
Не знала, что обещан Избавитель,
Но из пучины горя своего
Взмолилася, не зная ничего,
И Он ответил мне, ко мне пришел Спаситель!

Он стал моим не так, как человек,
Что может изменить и передумать,
И, мимо проходя израненных, калек,
Взор пряча свой в тени прикрытых век,
В протянутую руку камень сунуть.

Он стал моим не так, как президент,
К которому не так легко пробиться;
Я для него – безличный инцидент,
А письменная просьба – документ,
Где подписей, печатей вереница.

Он стал мне Другом, Братом и Отцом,
Отдавшим жизнь, чтоб я жила вовеки.
Увенчанный из терния венцом,
Он смотрит на меня святым Своим лицом,
Мой Бог, Он для меня стал Человеком!

„Господь и Бог мой!“ – в душу мне вошли
Слова Фомы и снова в ней ожили,
Как Магдалины плач в саду Святой земли:
„О, моего Иисуса унесли,
Не знаю, господин, где положили...“

Он их, Он мой, Он ваш. Он равно близок всем.
О, глубина и полнота отдачи!
Как отблагодарить Его и чем?
Я жизнь свою хотела бы совсем
Отдать Ему без жалости, без сдачи.

И пусть недаром Он ко мне пришел,
Когда к Нему я руку протянула,
И Он меня в число спасенных ввел.
Пойду за Ним, куда б Он ни повел,
Куда б дорога та ни повернула.

СПРОСИ МАТЬ

Что значит впервые дитя ожидать,
Первым движениям под сердцем внимать,
„Кто же родится?“ – думать, гадать,
В муках рожденья страдать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит впервые ребенка держать,
Крик его первый родной услышать,
Сходство с отцом и собою искать,
Грудью своею питать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит раз десять средь ночи вставать,
Когда так безудержно хочется спать,
Носить на руках, колыбельку качать,
За жизнь молодую дрожать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит из школы ребенка встречать
И первую с кляксами видеть тетрадь.
И в знак поощренья за чуб потрепать,
Уроки учить помогать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит на жизненный путь наставлять,
О разных опасностях предупреждать,
Когда придет время гнездо покидать,
Последний урок преподавать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси любую мать.

Что значит сына с войны ожидать,
И с сердцем у горла навстречу бежать,
С трудом дотянувшись до шеи, обнять
И слезы друг друга смешать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси солдатскую мать.

Что значит родное дитя потерять,
Над гробом любимым, склоняся, стоять,
И сердцем разбитым к Творцу вопиять,
Горькие слезы глотать?
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси страдалицу мать.

Что значит о детях Творца умолять,
С верой просить, чтоб Его благодать
Спасла их? Что значит их нужды понять,
Любить и прощать, и прощать...
Что это значит, ты хочешь знать?
Спроси христианку мать!

* * *

Мать во взгляде ребенка искала тот будущий взгляд,
Что присущ возмужавшему в бурях житейских мужчине.
Ведь в ребенке-мальчишке зачатки мужчины лежат,
Не по-детски серьезным бывает порой этот взгляд,
Что так близок и мил, и открыт его матери ныне.
Но когда возмужает мальчишка, мать будет искать
Улетевшего птицею детства следы в его взгляде,
И напрасно пытаться в мужчине дитя увидеть,
Что к груди прижимала когда-то счастливая мать
И мечтала о том, как мужчиной он сядет с ней рядом.

В колени матери ребенок положил
Все то, чем он безмерно дорожил,

Все то, что потихоньку он стяжал:
– На, мама, сохрани... – и убежал.

Довольный, с верой твердой, как гранит,
Что мать, как есть, все свято сохранит –

Кусок резинки, крылья мотылька
И ржавую головку молотка,

Два-три гвоздя и птичье пол-яйца
С присохшим перышком какого-то птенца.

И тем, что ей „сокровища“ принес,
Растрогал он родимую до слез.

О, если б мы могли вот так, как он,
Все принести перед небесный трон

И в руки Божьи молча положить
Все, чем мы научились дорожить:

Надежды и стремленья, и родных,
Всех, кто нам дорог на путях земных.

Доверить все заботливым рукам
Того, Кто жизнь Свою нам отдал Сам.

И легче будет жить, исчезнет страх,
Когда богатство наше в небесах,

ДУШИ ДЕТЕЙ

Доверчивая, чистая, простая
Душа ребенка Богом вручена
Родителям, как вазочка пустая,
Открытая от краешка до дна.

Неосторожно сказанное слово,
Которое, как птицу, не вернешь,
Доверья может потрясти основы,
Как самая отъявленная ложь.

Сказал одно, а делаешь другое
И ближнего при детях осудил...
И этим сердце чистое, простое
Ребенка своего же засорил,

И, применив не к месту осторожность,
Предвзятое понятие навязал
И тем сужденья личного возможность
И выбора свободу отобрал.

Характер у детей податлив, гибок,
Но можно, перегнув, его сломать.
Не перечить родительских ошибок,
И все ж их часто можно избежать.

Цветник духовный – Библия Господня,
Мед мудрости в ней льется через край,
И тем, что для себя собрал сегодня,
Ты своим детям души напитай.

Доверчивые, гибкие, простые,
Не знающие истинных путей...
Чем наполняешь вазочки пустые?
Что сеешь в души чистые детей?

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ГЕРОИНЯ

Ночь. Сирены тревожно воют,
Так, как выли давно в войну.
Не пойму, что случилось со мною,
Я лежу и никак не усну...

Вой сирены меня встревожил,
Далеко мои мысли унес,
И в душе один образ ожил,
Что не раз меня трогал до слез.

Образ женщины, что растила
Под бомбежками малышей,
И в убежище их носила,
Прикрывая спиною своей.

Все одна, все одна, без мужа.
Он на фронте, и нет вестей...
С каждым днем ей трудней и хуже,
С каждым днем он нужнее ей.

Как могла, добывала пищу
И делилась последним куском
С малышами, с соседом нищим,
Овдовевшим в войну стариком.

Часто мерзла она, голодала,
Но с надеждою шла вперед.
На ручонки детей дышала
И пихала им что-то в рот.

И дождалась конца ненастья.
Уберечь удалось детей,
Но прислали военные власти
В черной рамке „послание“ ей.

И народ вышел, рот разиня,
Чтоб героев войны встречать.
Незамеченной героиней
Тихо вышла и эта мать.

Там кого-то толпа качала
И кому-то кричала „ура“,
А она в стороне стояла
И у ног ее детвора...

Вой сирены меня встревожил
И унес мои мысли вдаль,
И в душе этот образ ожил,
Я подумала: ей бы тоже
За геройство выдать медаль.

СТЮАРДЕССА

Самолет приземлился благополучно,
По дорожке без шума бегут колеса.
Стюардесса весь путь с людьми неразлучна:
Заботится, помогает, приносит, относит...

Вдруг страшный удар. Тормоза отказали.
Запахло едко бензином и дымом.
Стюардесса с мягкими карими глазами
Промчалась быстро людей всех мимо.

Приоткрыла дверь: самолет над оврагом,
Футов восемь под ними земля и жизнь...
Спасайся, прыгай! Но быстрым шагом
Побежала обратно, не желая спастись.

Могла бы прыгнуть, и никто на свете
Не упрекнул бы за желание жить,
Но была в ней любовь сильнее смерти,
И любовь должна была победить!

В самолете люди: женщины, дети...
Паника, крик в дымовой завесе.
Десять раз через дверное отверстие
Спускала кого-то, но мало десять!

Бегала, спасала больших и маленьких,
Повторяла: „Не бойтесь, прыгайте в двери,
Ничего нет опасного, только без паники...“
И каждый смотрел на нее и верил.

Где-то внутри в огне и дыме
Ребенок кричал, и на помощь бросилась
Одиннадцатый раз... Думала, подымет
И в двери спустит легко и просто.

Одиннадцатый раз... И в остывших обломках
Нашли ее с ребенком вместе.
Руками к груди прижимала голову
Стюардесса с сознанием долга и чести.

Я о ней читала в горле со спазмой,
Погибла девушка, ушла без возврата.
Люди умирают, но только по-разному:
Одни просто так, а другие за брата!

Слова Христа вечно непреложные
Так подходят к девушке сей:
„Нет больше любви, чем если кто положит
Жизнь свою за своих друзей“.

ЗАВТРА

Нам кажется, завтра мы будем прилежней
И лучше, полезней, добрей.
Сегодня мы грубы, но завтра мы нежны,
Ведь завтра мы будем мудрей.

Мы завтра поедем в далекие страны
Туземцам о Боге вещать.
И завтра начнем перевязывать раны,
В больницах больных посещать...

Мы завтра проведем старого друга,
И завтра напишем родным.
И завтра кому-то окажем услугу –
Не только своим, но чужим.

Мы завтра пожертвуем крупную сумму.
(С деньгами опасно шутить!)
Ведь деньги – не шутка, здесь надо подумать...
Нужда ж никуда не сбежит.

Мы завтра друг друга простим без упреков
И завтра друг друга пойдем;
И завтра весь опыт духовных уроков
Применим и в жизнь проведем!

Мы завтра покаемся в жизни бесплодной –
В последнем предсмертном бреде.
Оденем раздетых, накормим голодных,
Разделим чужую беду.

Мы завтра пойдем, что такое спасенье,
И завтра пойдем за Христом;
И завтра преклоним пред Богом колени,
Не ныне, а завтра, потом...

Так в планах на завтра, что скрыто в тумане,
За годом уносится год...
А что если завтра возьмет и обманет?
Что если совсем не придет?

ПОМОЩНИЦА

Мужчины, даже сильные и смелые,
В борьбе устав, слабеют и скорбят.
Но дома жены, верные, умелые,
Утешат их, как маленьких ребят.

Ведь для того, чтоб высказать все трудное,
Что так скрывалось от других, от всех,
Им нужно не собранье многолюдное,
А самый близкий сердцу человек.

Когда в душе тоскливо по-кладбищенски,
Женою начинают дорожить.
Им хочется по-детски, по-мальчишески
Ей голову в колени положить.

Ведь для того, чтобы о нем заботиться,
Дана ему хозяйка и жена,
От плоти плоть – подруга и помощница –
Кость от кости его сотворена.

Как много может сделать слово кроткое,
Молитва и беседа по душам,
Которая, и самая короткая,
Взаимным пониманьем хороша.

Не исполняя это назначение,
О женщины, не грех ли мы творим,
Когда мужьям несем не утешение,
А камнем преткновенья служим им?

СЕРДЦА БИЕНИЕ

Когда остановится сердца биение
И небо последнее примет дыхание,
Умолкнет язык, и замрет песнопение,
И мозг навсегда потеряет сознание,

И дух бестелесный вернется к Создателю,
С собой унеся, что ему было вверено,
А тело родные, друзья и приятели
Земле предадут, попечалюсь умеренно,

Там кто-то найдется (я в этом уверена),
Кто скажет, что знал нас, как фразу избитую.
Но я б утвержденьям таким не поверила:
Есть тайны души, никому не открытые.

Мы сами, себя не познав, уж прощаемся
С землею и телом своим этим временным.
Как ближних нам знать, тех, с кем только
встречаемся,
Как те корабли, что в тумане потеряны?

Сигнал... и ответ на сигнал... и мгновенные,
Во мраке едва уловимые призраки...
Но если и были друзья откровенные,
Им были знакомы лишь внешние признаки.

А слез и молитв наших тайных и чаяний
Никто не заметил здесь, кроме Всевышнего.
Никто не заметил ни воплей отчаянных,
Ни трепета сердца немого, неслышного,

Ни дел наших тайных, ни злых и ни праведных,
Ни жертв наших тайных, лишь Богу доверенных,
Но внешние признаки, рамки и правила
Служили мерилom надежным, проверенным

И создали образ, как сон, как видение,
Который останется людям как „знание“,
Когда остановится сердца биение
И небо последнее примет дыхание...

* * *

Силуэты деревьев на фоне вечернего неба,
А в уютных домах тут и там загорелись огни...
А я думаю: сколько людей не имеют насущного хлеба,
Сколько жизнь доживают, как перст, в этом мире одни.

Скольким нужно не то, чтобы полного счастья,
Но чтоб только, когда уж совсем нету сил,
Кто-то искренне, в знак доброты и участия
Просто руку к согбенным плечам приложил.

Человека душа, его внутренний мир – откровенье.
Людам нужно в их неповторимой судьбе,
Чтобы кто-то, кто полн неподдельной любви и терпенья,
Просто выслушал их, позабыв, хоть пока, о себе.

Чтобы кто-то делил в простоте их беду и удачу,
И не ради награды, которая ждет в небесах,
А с открытой душой, поступать не умея иначе,
Раз Христос у них в сердце, в словах и делах.

Мне так часто встречаются люди, которым бы нужно
Лишь немного вниманья, немного участия, добра,
Поощренья немного, немного хоть признаков дружбы –
И они расцветут, как цветы пред приходом утра.

День склонился к концу, все короче и жизни дорога...
Помоги мне, Господь, излучать теплоту на ходу.
Я в пути и спешу, а нужды в этом мире так много!
И пройденным путем я уже никогда не пройду.

КРЫЛЬЯ

У дикого гуся могучие крылья,
В далеком полете широк их размах.
Немного старанья, немного усилья –
И гусь высоко-высоко в облаках.

У ласточки крылья, у голубя тоже,
А я человек – не умею летать.
Но крылья молитвы Ты дал мне, мой Боже,
Они меня могут над миром поднять.

Я много богаче, счастливее птицы,
На крыльях молитвы лечу высоко.
Те светлые крылья не знают границы,
Несут мою душу неслышно, легко.

Когда человек начинает молиться,
У птиц перелетных растерянный вид,
Ведь птицам приходится посторониться,
Дорогу молитвам людей уступить.

Бесшумные крылья, могучие крылья
Мой дух поднимают над грешной землей.
Немного старанья, немного усилья...
В полете молитвы для сердца покой.

СЛЕЗЫ

Древние греки сказали,
Что слезы нужны глазам:
После большой печали
Видно яснее нам.

Мудрые греки люди,
Этого скрыть нельзя.
Пусть же меня не осудят
За слезы в моих глазах.

За то, что мне их не стыдно,
Если текут ручьем,
Если душе обидно,
Радость тогда ни при чем.

Лучше поплакать тихо,
До десяти посчитать,
Чем, разругавшись лихо,
Совесь свою запятнать.

Слезы – души отрада.
Прятать не нужно слез.
Плачут Господни чада,
Плакал Иисус Христос.

Плачем о том, что слабость
В души святых вошла,
Плачем о том, что сладость
Первой любви ушла...

Бог надоумил греков
Правду сказать о слезах.
Чище душа человека,
Когда слезы в его глазах.

ДЕРЕВЬЯ-ГИГАНТЫ

Есть деревья, которым по пять тысяч лет,
Но стволы их сильны, а не ломки.
Наши предки глядели на них, и глядеть
На них будут и наши потомки.

Они были, когда на земле был Христос,
Современники дивных событий.
На них глядя, нельзя удержаться от слез.
Есть ли что-нибудь их знаменителей?

Поколенья народов пришли и ушли,
А они чрез века устояли
И все скорби, и радости грешной земли,
Как друзья, как родня, разделяли.

У их ног вся история наша прошла:
Инквизиции, войны, погромы...
Славу сильных земли в вечность смерть унесла,
Славу их достижений огромных.

Корни их у глубоких источников вод,
Кроны их в небеса устремились.
Здесь наглядный пример нам Творец подает,
Чтобы жить мы у них поучились.

Глядя здесь на гигантские эти стволы
И величье Творца созерцая,
Как ничтожны мы люди, слабы и малы,
Я яснее еще понимаю.

И, как в храме, стою среди этих немых,
Но кричащих свидетелей Божьих.
И трепещет мой дух от свидетельства их,
И мороз пробегает по коже.

Кого-то любили, кому-то писали,
О ком-то молились, о чем-то мечтали,
Какие-то письма в шкатулках хранили,
Какой-то цветок меж страниц засушили...

А теперь вы в могиле,
Теперь вы в могиле...

Я также люблю, и пишу, и молюсь,
Мечтаю о чем-то и плачу, смеюсь
И письма храню, над стихами тружусь,
И тело мое в цвете жизни и в силе.

Но будет когда-то в могиле,
В могиле...

Зачем же мы любим, смеемся и плачем,
И письма в шкатулках какие-то прячем,
О чем-то тоскуем, о чем-то мечтаем
И в памяти строчки стихов сохраняем?

Неужто напрасно?
Неужто для тленья?

О, нет, не напрасно! Пройдут поколенья,
И правнук правнучке вдруг скажет: „Послушай,
Взглянем на цветок, что в той книжке засушен,
На письма взглянем, что в шкатулке, стихи.
Вся жизнь здесь пред нами – победы, грехи,
Посмотрим, прочтем, углубимся в тиши...

Она уж в могиле,
О ней позабыли...

Остался лишь след от бессмертной души...

Душой мы любили, молились, писали,

Душою мечтали, стихи сочиняли.

Душою движимы, мы письма хранили,

Душою движимы, цветок засушили...

Бессмертно все то, что душой мы творили...

Лишь тело в могиле,

Лишь тело в могиле...

РАВНОДУШИЕ

Можно жизнь прожить и просто так,
Налегке, шутя, как говорится,
Пролететь чрез жизнь, как тот сквозняк, —
Ни за что ничем не зацепиться.

Мимо всех пройти, как ни при чем,
И не приласкав, и не обидев,
Не задев ни мыслью, ни плечом,
Словно не заметив, не увидев.

Может быть, так жить и хорошо,
Меньше, мол, и горечи, и боли.
Только что же станется с душой,
С мыслями, и чувствами, и волей?

Человек для ближних сотворен,
Хоть и сам в себе оригинален,
И без ближних жить не может он —
Это Бог решил еще в начале

И такую тягу заложил
В сердце человека, что невольно,
Где б ни жил он, как бы он ни жил,
Одному ему тоскливо, больно.

Даже и подножки, и пинки
Нам нужны и пользу причиняют,
И о том, что люди нам близки,
Неизменно нам напоминают.

На душе неизгладимый след
Нам оставлен каждой новой встречей:
Друг прошел здесь, родственник, сосед,
Причастив к семье нас человечьей.

Есть еще и совершенный путь –
Беззаветной ближнему отдачи.
Только им немногие идут,
Да и не для всех он предназначен.

Там идут два поприща, когда
Только об одном их попросили;
Грош последний могут там отдать,
Посетить, не только на могиле.

Там паденье ближнего – беда,
Чистого сочувствия основа,
Для святого спорого труда
Там друг друга поощрять готовы.

Нам же еще нужно дорасти
До того святого состоянья,
Нам хотя бы только не пройти
Мимо наших ближних без вниманья.

Только б через жизнь не пролететь
Налегке, шутя, как говорится,
Никого собою не задеть,
Ни за что ничем не зацепиться.

БАМБУК

(Притча)

Он был ничтожной маленькой былинкой
В высоких зарослях бамбуковой родни.
И если кто-то проходил тропинкой,
Он видел небо в солнечные дни.

Он видел над собой Божественное око,
И взор всевидящий все время ощущал.
Он полюбил тот взор душою одинокой
И, радуясь, чего-то ожидал...

Однажды тихим днем Господь ему явился.
– Бамбук, – спросил Он, – любишь ты Меня?
– Люблю, – сказал бамбук и низко наклонился.
– Доверься Мне, Я поведу тебя.

Господь лопатой выкопал с корнями
И бережно его пересадил.
Затосковал бамбук. Часы казались днями,
И день ему, как месяц, проходил.

Но укрепились корни в новой почве,
И начал он расти красивым и большим.
– Как ты красив, – шептали звезды ночью.
Днем ветер с солнцем любовались им.

И он блаженствовал в своем великолепье,
О, как он Господа за все благодарил!
Господь пришел однажды в вечер летний
И, взяв топор, под корешок срубил.

Ему казалось, ничего больше
Он в своей жизни не переносил:
– Теперь бы умереть, да только поскорее,
А жить нет ни желания, ни сил...

Но ты... Хотя себя Мне сам доверил,
В тебе самоуверенность была.

И так сказав, Господь напор усилил.
И из трубы, хотя не без труда,
Большая жаба выползла, и с силой
Забилась снова чистая вода.

Бамбук душой склонился низко, низко,
Склонился, как былинка на лугу,
И прошептал: – Хочу, чтоб Бог был близко,
Я ничего без Бога не могу...

НОВОЕ СЕРДЦЕ

Мы недавно читали в газетах, что в Африке Южной
Сердце очень больное врачи заменили здоровым.
Стало старое сердце негодным, опасным, ненужным –
Человек стал нуждаться тогда в сердце новом.

Операция эта нова в медицинской науке.
На весь мир закричали об этом событье газеты
Мир не знает о том, что святые Спасителя руки
Производят удачно давно операцию эту.

Бог однажды сказал: Я завет заключу с вами новый,
Из груди выну сердце, которое твердо, как камень,
И на место его Я вам сердце вложу плотяное...
Совершу операцию эту Своими руками.

Я поверила в то непонятное мне обещанье
И пришла к Нему с сердцем безбожным, разбитым,
усталым.

И пока я стояла пред Ним вся в слезах покаянья,
Он совершил пересадку, дав новой мне жизни начало.

Перемену такую врачи не свершили б земные.
В их руках только тело, телесное все им возможно.
Но сердца нелюбовные, злые, духовно-больные
Заменить, исцелить может только вмешательство Божье.

– Дай Мне сердце твое, – говорит милосердный
Спаситель, –

Сокрушенное, грешное, старое сердце, больное.
Я твой любящий Врач и сердце утомленных Целитель,
Я небесным хочу заменить твое сердце земное.

ВОСПОМИНАНИЕ РОЖДЕСТВА

В моей душе растет и к горлу рвется
Рождественская песнь хвалы Тому,
Кем нам спасенье дивное дается –
Спасителю и Богу моему.

И мысленно я вижу ночь святую,
Уснувший Вифлеем и пастухов,
Солому в яслях жесткую, простую,
Кормушку для овец и для волов

И Мать Пречистую, и тихое смущенье
В лице Иосифа, и тайный его страх
Пред явным чудом Боговоплощенья,
Свершившимся здесь на его глазах;

И первый крик небесного Ребенка,
Раздавшийся в столетиях седых,
Для Матери такой родной и звонкий,
Как первый крик детей наших земных;

И пенье ангелов, и пастухов тревогу,
Когда они, не понимая слов,
В благоговенье поклонились Богу,
В хлеву, как в храме, шапки сняв с голов;

И яркое небесное сиянье
Звезды, склонившейся над хлевом в знак того,
Что здесь земли и неба сочетанье:
Бог отдал миру Сына Своего;

Пророчество святого Симеона,
Когда Младенца он благословил
И Матери счастливой, облегченной
Уже о крестных муках говорил.

И старицы свидетельство простое,
Дождавшейся Того, Кого ждала
В посте, в молитве на коленях стоя
Годами в храме, где почти жила...

О, каждый год, когда я вспоминаю
Рождение Спасителя Христа,
Я мысленно все это повторяю
И песнь родится на моих устах.

Ведь в этой самой чудной из историй,
Которой вот почти две тыщи лет,
Утеха для всего людского горя,
Для нашей тьмы земной – небесный свет!

В ту ночь Спаситель был подарен людям!
Ту тайну как плотским умом понять?
Но Истина живет и спящих будит,
И верою дает себя принять.

И верой только оценить мы можем
То, что для нас свершилось в эту ночь.
И верою принять подарок Божий
Сам Бог готов всем грешникам помочь.

Есть годы, которые хочется
Навеки из памяти вычеркнуть.
Но есть и такие, которые
Приятно потом вспоминать.

Не будем вдаваться в подробности,
Каким прошлый год был для каждого.
Но будем Творцу благодарными
За то, что нам жизнь сохранил;

За то, что дает еще время Он
Тому, кому нужно покаяться,
Тому, кому нужно исправиться,
Тому, кому нужно спастись;

Что день благодати не кончился,
Хоть люди в своем отступлении
От истины, мира и святости
Гнев Божий влекут на себя.

И мы, хоть и чадами Божьими
Зовемся, но образ Спасителя
За „я“ нашим где-то скрывается,
Не светит заблудшим во тьме.

Давайте же в ночь новогоднюю,
Неся благодарность за милости,
Попросим от сердца Спасителя,
Чтоб год нам прошедший простил.

Чтоб сердце нам новое, мудрое,
Простое и любвеобильное
Вложил на то место, которое
Заполнено чем-то другим.

Кто-то рискует жизнью где-то за правду Божью,
Борется с суевьем, предубеждением, ложью.
Кто-то со Словом Божиим едет, не зная испуга,
Прямо в котел людоедов. Мы же съедаем друг друга!

Кто-то по уши занят тихим трудом для бедных,
Щедро делясь запасом вечных богатств заповедных.
Кто-то с артритом в пальцах что-то сшивает туго.
Мы же, от нечего делать, стали терзать друг друга.

Кто-то со станций мощных людям о Боге вещает,
Мыслями, сердцем, молитвой вести приготавливает.
Кто-то за труд огромный часто унижен, обруган.
Мы же (от скуки что ли?) жизнь отравляем друг другу.

В сердце моем молитва: „Боже, прости безрассудных.
Боже, заполни жизнь нам массой занятий трудных,
Чтобы в труде полезном не было места досугу,
Чтобы нам некогда было боль причинять друг другу“.

ОБЩЕНИЕ

Я слышала о том, что где-то в заточенье,
Вдали от родины, от близких и родных,
Где так болит душа без братского общенья
И чахнет, сохнет в горестях земных,

Войдя в барак, измученный, усталый
Прилег на нары ссыльный за Христа,
Вдруг вслух сказал строку из песни старой
И сразу в страхе сжал свои уста.

Но кто-то в дальнем уголке барака
Закончил песнь последнею строкой,
И оба вышли и, под ночи мраком
Обнявшись, плакали от радости тайком.

Возможно, был один из них ученым,
Другой был мужиком, недавно от сохи.
Но здесь забыто все, два брата заключенных
В общении святом не помнят дней лихих...

Мы все из разных мест, происхожденье разное,
Один богаче и умнее, чем другой.
И все же мы одно, слились своеобразно
В одно собрание детей семьи родной.

Один у нас Отец, один у нас Спаситель,
Одни стремления, одни у нас мечты,
Учение одно нам преподавал Учитель,
И песнь в душе одна – нездешней красоты.

Куда бы жизни океан мятежный
Ни бросил нас волнами вод своих,
Внутри, в душе, какой-то голос нежный
Нас будет побуждать везде искать своих –

Своих по Духу, тех, кто Агнца кровью
Искуплены от мира, как и мы,
Чье сердце бьется неземной любовью
И к свету тянется из царства зла и тьмы.

При встречах с полуслова понимаем,
Что мы одно, что перед нами брат,
И, как родного, крепко обнимаем
Того, кто был чужим лишь пять минут назад.

Мы часто говорим, что наша жизнь, как пар,
Как утренний туман, что с солнцем исчезает,
Что дорог нам спасенья вечный дар,
Христа пришествия всяк жадно ожидает.

Во время мирное в стране, где нет гоненья,
Мне кажется, остыла в нас любовь:
Мы мало дорожим минутами общенья,
И Слово Божие нам мало греет кровь.

Неужто нужны нам расстрелы, ссылки, тюрьмы,
Неужто будем ждать, чтоб больно бил нас Бог?
Перенесли немало в жизни бурь мы,
Исколесили множество дорог.

Давайте потесней вокруг Христа сплотимся,
Научимся любить и верить, и прощать.
Давайте духом нашим обновимся
И будем, бодрствуя, Христа явленья ждать!

Давайте вспомним всех, кто в заточенье
За дело Божие, за стенами тюрьмы,
Чтоб лучше оценить свободное общенье, –
Ведь мы одна семья, ведь братья, сестры мы.

ДВЕ СМЕРТИ

Мать молодая лежит, утомленная,
Рядом ребенок лежит.
Первый ребенок... Она, облегченная,
С тихой улыбкою спит.

Чувство любви материнской нахлынуло,
В сердце теплом разлилось,
Грудь всю наполнило, все отодвинуло,
Все удалилось, смелось...

Вдруг пробудилась. Глядит с удивлением:
Рядом ребеночка нет.
И разгадала во взгляде смущенном
Доктора страшный ответ...

Щечку холодную, нежно любимую
Поцеловать поднесли.
Ангелы смерти подкрались незримо,
В вечность дитя унесли.

Слышит: „От Бога все это, Он праведный,
Жизни и смерти сильней.
Путь указать тебе хочет Он правильный,
Близок Он в скорби твоей“.

„Где Он бесчувственный? Где Он безжалостный?
Где ваш неведомый Бог?“
Камнем холодным в груди сердце сжалось:
„О, как Он мог, как Он мог?“

Если Он есть, пусть открыто мне явится,
Я говорить буду с Ним.
С горем душевным не в силах я справиться,
С горем тяжелым моим.

Я буду спорить, доказывать, спрашивать
О накипевшем в груди.
И ничего не скрывать, не прикрашивать
Я не начну перед Ним“.

И Он явился. Речей приготовленных
Не было даже следа.
Видя лишь грех свой, очей переполненных
Не подняла от стыда.

Гордость исчезла, исчезло тщеславие,
Стала понятней любовь.
Сердце, покаясь, хвалило и славил
Бога за Крест и за Кровь.

Время прошло... Та же мать горемычная
Вновь у могилы стоит.
Люди вокруг, и священник обычное
Для похорон говорит.

Снег только стаял, и тучи тяжелые
Низко плывут над землей.
Стонут деревья безлистые, голые,
Ветер холодный и злой.

Все, как обычно: бросают прощальные
Пригоршни мерзлой земли.
Слышны слова утешенья печальные...
Люди пришли и ушли.

Тихо стоит над могилой открытою
Мать и на гробик глядит.
Очи без слез, хотя сердце разбитое
Плачет, рыдает, скорбит...

Чуть шевелятся уста пересохшие:
„Воля да будет Твоя...“

В скорби Ты близок, люблю Тебя, Отче,
Все теперь поняла я.

Если б не скорбь, я б Тебя не увидела,
Если б не скорбь, не пришла...
Все Твоя мудрость святая предвидела,
Скорбью от смерти спасла“.

...

Повесть из жизни правдивую эту
Я записала, друзья,
И под конец вам скажу по секрету:
Мать та прозревшая – я.

ЕСЛИ...

Если никто тебе крепко руки не жал,
Если никто тебя с плачем не провожал,
Если никто тебе не говорил „люблю“,
Не доверял тебе скорбь хоть одну свою,
Значит, ты не имел части в семье людей,
Значит, ты не сумел сжиться и слиться с ней.

Если никто тебя кровно не обижал,
Если, тебя сбив с ног, кто-то не убежал,
Если не плакал ты явно, не пряча слез,
Когда твои мечты кто-то в щепу разнес,
Значит, ты не имел части в семье людей,
Значит, ты не сумел сжиться и слиться с ней.

Если ж ты был любим, сам от души любил,
Плакал, смеялся, жил, досыта ел и пил,
Видел сиянье звезд, слышал жужжанье пчел,
Но ни одной строки в Библии не прочел,
Значит, ты не искал сущности бытия,
Значит, пустой была жизнь и борьба твоя.

Если душе твоей чужд и неизвестен Бог,
Если Его найти ты на земле не смог,
Если молитвы звук мало знаком устам
И не склонялся ты в прахе у ног Христа,
Значит, ты не нашел самую суть вещей,
Значит, искать ее нужно скорей, скорей!

УХОДИТ ВРЕМЯ

Вчера ушло. Осталась только память,
Но и ее прикрыла пыль забот.
Ведь человек все время чем-то занят,
И жизнь его течет рекой вперед.

Мне о вчера нет времени подумать.
(И это, может, даже хорошо.)
Ведь стоит только пыль заботы сдунуть,
И, Боже мой, что станется с душой!

Ведь не забыты пройденные тропы
И лица милых, искренних друзей.
Их не зальют всемирные потопы
И не засыплет пылью сухостей.

Иду, иду ... и тот кусок, что сзади,
Уже длинней того, что впереди,
И иногда не знаю, как мне сладить
С той болью, что на дне души сидит.

Мне говорят, что боли не должно быть,
Что больше, мол, для радости причин,
Что в мире больше доброты, чем злобы,
И смерть не окончанье, а почин.

Я это знаю и не тем болею,
А тем, что жизнь уходит из-под ног,
Я ж ничего исполнить не успею,
Что поручил мне милосердный Бог.

И потому, когда вчера уходит,
А завтра, может, вовсе не придет,
Делам своим душа итог подводит,
И боль тогда со дна ее встает.

Я понимаю, что спасенье даром,
И я хочу с Иисусом жить вовек,
Но не как головня из-под пожара,
А как венца достойный человек.

ЗА ПОВОРОТОМ

За поворотом прячется дорога,
Но не пугают душу перемены.
Она давно доверилась лишь Богу,
Чье имя Вездесущий, Неизменный.

Куда б ни вел Он, всюду будут люди,
И, значит, будут радости и слезы.
И труд какой-то непременно будет
(Я делаю по опыту прогнозы).

Я сделала немало поворотов
И новых мест немало увидала,
И всюду находилась мне работа,
И всюду сердце к людям привыкало.

И боль разлуки врачевали время
И новые волнующие встречи,
И новое какое-нибудь бремя,
Которое ложилось мне на плечи.

Но мой Господь, мой вечный Провожатый,
Шел впереди в неведомые дали.
И повороты, что вели куда-то,
Поэтому мне душу не пугали.

СОН

Дождь моросил с утра, косой и хлесткий,
Вершины гор исчезли в тучах серых.
Мне склотили шаткие подмостки
Из старой, перекошенной фанеры.

Я шла пешком на это выступленье.
Вода текла по волосам за ворот,
Подол промокший бился о колени,
Промок в руках стихов неровный ворох.

Я думала: „К чему затея эта?
Кому стрельнула в голову идея
Устроить вечер чтенья для поэта
Вот так, под небом, под дождем... Да где я?

И неужели соберутся люди,
И будут слушать созданное мною?“
И мысль пришла уместно о простуде,
Лишь ощутила, что все тело ноет.

Я поднялась несмело на подмостки,
Окинула гостей тревожным взглядом –
У всех блестели лица мокрым лоском,
Решили все, что им зонтов не надо.

И я, забыв убогость обстановки,
Забыв про дождь, про ветер, лужи, тучи,
Раскрыла ворох свой привычно, ловко,
И начала читать как можно лучше.

В слова и строчки вкладывая душу,
Читала чуть не до изнеможенья.
И мне казалось, что никто не слушал
Так, как тогда, мои стихотворенья.

В них говорилось о любви Христовой,
О жизни, правде, людях, о спасенье...
И дождь прошел, и солнце вышло снова,
Когда с подмостков я сошла в волненье.

Я всю дорогу, тихо улыбаясь,
Просохший ворох к сердцу прижимала...
О, если б наяву мне так читалось,
Чтоб непогоду солнце прогоняло!

О ВОДЕ

Я воду пила из граненых стаканов,
Из глиняных кружек, кувшинов и жбанов,
Из носика чайника, горлышка фляги,
Пила языком капли радужной влаги,
Что в рот мне из тучи обильно катились,
Пила из пруда, где лягушки водились,
Из речки пила и пила из ручья,
Где слаще вода, потому что ничья.

И просто губами пила из-под крана,
Из мохом покрытой бадьи деревянной,
Что билась о стенки глубокой криницы.
Пила кипяток у последней границы,
Когда наш состав из товарных вагонов
Нас вез из России со свистом и звоном...

Бывало, я воду пила в ресторане
Со льдом и соломинкой в узком стакане.
Пила из ладони... Пила и ценила!
Но с новою силой ее полюбила,
Когда услышала про вечные воды,
Что душу несут под небесные своды,
Про жизни Источник и слово любви:
„Пей воду живую и вечно живи!“

В лужице с зеленою водой
Днем весенним небо отразилось.
И вода вдруг стала голубой,
Драгоценным камнем заискрилась.

В моем сердце, грустном и пустом,
Луч любви Христовой отразился.
И сухой, безводный водоем
Вдруг в родник живящий превратился.

Потекла река воды живой
В вечность, в неизведанные дали.
Лужица вдруг стала голубой
От любви, что Божьи руки дали.

ВЕРНУЛАСЬ

Давно, давно в один из сентябрей,
Когда еще война не отшумела,
Я распрощалась с родиной моей,
И свои слезы спрятать не сумела.

Они лились-катились в три ручья,
И ветер пыль прикладывал к их следу...
Прощай навеки, родина моя!
Навряд ли я назад к тебе приеду.

Покрылись пылью все пути домой,
Ни одного, казалось, не осталось...
Сквозь слезы я сказала: „Боже мой,
Я не вернулась. Ах, какая жалость!“

Вдруг распахнулось у души окно.
Пришло, как свет во мраке, откровенье:
Вернулась ты на родину давно
В твоих программах и стихотвореньях!

Вернулась с большей пользой, чем без них.
Вернулась в более глубоком смысле.
И слезы счастья на глазах моих
На кончиках ресниц, блестя, повисли...

Я ЕСМЬ...

Свою природу, вечно сокровенную,
Христос в простую речь преобразил
И вкладывал в слова обыкновенные,
Каких никто, как Он, не говорил.

„Я есмь свет!“ Мы знаем света функции,
Но кто на них посмеет притязать?
Был Магомет, был Будда и Конфуций был,
Но „Я есмь свет“ мог только Бог сказать!

„Я есмь жизнь!“ – три слова всем знакомые,
Понятные, кому их ни скажи.
Но жизнь – загадка с строгими законами,
Христос – разгадка ей: Он Сам есть жизнь!

„Я есмь путь!“ Каких путей запутанных
Ни исходили мы, ища, где суть,
Где жизни смысл, вуалью тайн окутанный.
Христос дает ответ: Он Сам есть путь!

„Свершилось!“ – слово будто обиходное.
Мы многое свершаем на пути,
Но не всегда свершаем благородное,
И никого не в силах мы спасти.

А со креста Христом произнесенное,
Оно дает спасенье грешным, тем,
Чье сердце пожелало быть спасенным
Через то, что „совершилось“ на кресте.

Враг нам шепнет: „Подумаешь, спасение!
Умрешь, зароят – и конец мечтам!“
Христос сказал: „Я жизнь и воскресение,
Куда иду, спасенный будет там!“

„Я и Отец – одно, а вы – творение“ –
Простые и короткие слова.
Их глубины бездонное значение
Вместить не в силах наша голова!

„Я есмь Сущий!“ – это просто сказано.
Не был, не буду, а вовеки есть!
И только тот, кто хочет быть наказанным,
Дерзает отвергать Благою Весть.

ОН И Я

Я хлеб делю и рыбу режу,
И четверым кладу в уста,
А Он берет пять хлебцев свежих,
Две рыбки – и толпа сыта!

Мечусь по лодке. Буря воеет.
Кричу: „Спасите, утону!“
А Он встает – и все в покое,
Он словом укротил волну!

Ломаю руки над могилой,
Но бесполезны плач и стон.
А Он идет ко гробу с силой –
И слышно: „Лазарь, выйди вон!“

Я мажу раны лучшей мазью,
Но толку нет от всех хлопот.
А Он, слюну смешавши с грязью,
Слепому зрение дает!

И так во всем, куда ни гляну:
Земля и небо – Он и я.
Когда же, Господи, я стану
Похожей больше на Тебя?

СТРАХ И ЗНАНЬЕ

Еловая ветка скребется в окно,
Как будто бы кто-то стучится.
И бледно лицо мое, как подотно,
И сердце трепещет, как птица.

От шорохов внешних тревога в глазах,
Мерещется что-то плохое...
Откуда берется немой этот страх,
И это дрожанье глухое?

Но стоит зажечь в своей комнате свет,
Заняться шитьем иль вязаньем,
Сейчас же приходит логичный ответ:
Все страхи у нас от незнания!

Не знаешь, что ждет за могильной чертой,
И страх тебе душу тревожит.
Не знаешь, что вечный Господь над тобой,
И путь твой неровен и сложен.

Но если прольется евангельский свет
И душу охватит сияньем,
И страхов, тревог вдруг простынет и след —
Ведь страх побеждается знаньем!

ВЕТЕР

Все имеет в мире цвет и вкус,
Ощутимо все и уловимо,
Только ветер невидим и пуст,
Только ветер пролетает мимо.

Ни схватить, ни языком лизнуть,
Есть он так, как будто его нету.
Может крепким деревом тряхнуть,
Может в космос проводить ракету.

Может листья желтые кружить
И прическу спутать, как мочалу...
Мы привыкли с ним на свете жить,
Хоть не знаем, где его начало,

Хоть не знаем, где его конец
И куда он путь свой направляет...
Точно так Небесный наш Отец
Своим Духом души посещает.

Прикоснется нежно и умчит
Невидимкой в вечные пределы,
И сильнее сердце застучит,
Запоет, как никогда не пело.

Отчего-то повлажнеет взор,
Легче жить покажется на свете...
Он меня коснулся, и с тех пор
Я люблю неуловимый ветер.

УТЕШЕНИЕ

Море сегодня туманное, серое,
Как у меня на душе настроение.
Счастье мое, что в Иисуса я верую,
Он и в унынье мое утешение.

Ветер сегодня холодный, пронзительный,
Кружатся листья сухие осенние.
Тихая гавань – объятья Спасителя.
В Нем забываю свои настроения.

Луч из-за тучи прорезался солнечный.
Волны его отразили, как зеркало.
Ласка Иисуса мне душу наполнила –
Дум моих грустных как будто и не было.

СВЕТ И ТЕНЬ

Свет и тень на горах по утрам,
И в полуденный час, и под вечер.
Свет и тень и во мне пополам.
Переход только мною замечен.

Вот вчера еще смех собирал
Вокруг глаз, как на нитку, морщинки,
А сегодня, искрясь, как кристалл,
На ресницах сверкают слезинки.

И душа переходит черту
По известному мне лишь сигналу.
Свет горел и внезапно потух,
Тень неслышным легла покрывалом.

Если радуется что-то одно,
То другое до слез огорчает,
Потому то светло, то темно
В моем сердце, родные, бывает.

Так, наверно, дойду до конца,
До последнего в жизни предела.
Свет и тень не встревожат лица,
Не изменят уснувшее тело.

И когда совершу переход
В ту страну, куда сердцем стремлюсь я,
Всю меня тогда светом зальет
От сияния славы Иисуса.

Я забуду навеки про тень,
Мне ничто не нарушит покоя...
Вечный Бог! Вечный свет! Вечный день!
Мне во сне только снится такое.

ЕСТЬ...

Есть узлы, которых не развяжешь,
Есть пути, которых не пройдешь,
Тайны есть, которых не расскажешь,
Песни есть, которых не споешь.

Горе есть, которое скрываешь,
Радость есть, которую таишь,
Слезы есть, которые глотаешь,
Думы, от которых плохо спишь.

Чувства есть, которых не желаешь,
Речи есть, каких не говоришь,
Вещи, о которых лишь мечтаешь,
Люди, пред которыми дрожишь.

Но Христос узлы мои развяжет,
И со мной пути мои пройдет.
Тайны все душа Ему расскажет,
Песни все она Ему споет.

Горе все она Ему откроет,
Радость всю она разделит с Ним.
Он один поймет и успокоит,
Он не зря стал Господом моим.

МОЛИТВА

Из размяклой земли легче вырвать бурьян,
Из размяклой души легче вырвать плохое.
Размягчи мою душу и вырви изъян,
Сделай мягким, податливым поле сухое.

Разрыхли, ороси благодатным дождем,
Положи в него чистое семя живое.
Охраняй от врагов его ночью и днем,
Отгоняй от него воронье полевое.

Знаю, Боже, чтоб почву души размягчить,
Нужен плуг и нужны борона и лопата.
Знаю, сердце мое будет кровоточить,
Как Твое на кресте на Голгофе когда-то.

Но из мягкой земли легче вырвать бурьян,
И из мягкой души легче вырвать плохое.
На взрыхленных Тобою сердцах христиан
Пусть плоды принесет Твое семя живое.

КТО Я?

„Несправедливость жизни!“ – я кричала
И, негодуя, громко возмущалась
Тем, что меня не поняли, забыли,
Мой труд не по заслугам оценили,
Обидели, лишив достойной славы...
Как все несправедливы и не правы!
Меня! Меня! Обидели меня!
И вдруг вопрос: „А что такое я?!
Что я за птица или что за цаца,
Что все должны со мною здесь считаться?
Ведь не таких, как я, нещадно били,
Изгнали, осмеяли, оскорбили,
Не оценили и оклеветали,
И честное их имя в грязь втоптали.
Они несли полезное, святое,
И в массе мир подошвы их не стоил.
А я в грехах от головы до пят,
Но чувства к справедливости вопят.
И гасит горечь мирный дух прощенья,
И в сердце шевелится змей отмщенья...
И тут встает перед глазами профиль
Того, Кого распяли на Голгофе.
Висит Он на пронзенных сухожилиях
И шепчет что-то, делая усилие.
Чело в проколах частых и глубоких,
Глаза полузакрыты, впали щеки
В плевках засохших, что смешались с кровью,
А Он глядит на палачей с любовью
И просит нежно: „Отче им прости,
Не знают Твоего они пути...“
Когда я услышала этот голос,
Мое негодование расколосось!
И я теперь сама себя стыжусь:
Неужто я безгрешней, чем Иисус?

ЕСЛИ ДУМАТЬ...

Если думать только хорошее,
Если видеть только прекрасное,
Легче будет с житейскою ношею
По дорогам земным странствовать.

Если тучи на небе черные,
Если думы на сердце серые,
Вспомни ткань из лучей парчовую,
Вспомни почки на ветках первые...

Если люди полны враждебности,
Если планы у них зловердные,
Вспомни очи, полные нежности,
Вспомни руки Христа милосердные.

Если рвы пред тобой широкие,
Если горы непроходимые,
Вспомни: ангелы светлоокие
Сохраняют нас невредимыми.

Если смерть над тобою скалится,
Если дух замирает в теле,
Вспомни: имя Христово славится,
Если славишь Его на деле.

В человеке ищи хорошее,
В каждом сердце ищи прекрасное,
И нетрудно с житейскою ношею
По земле тебе будет странствовать.

„ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ“

(1 Фес. 5:18)

„За все благодарите...“ Боже!
Уж не ошибка ль тут какая?
Когда тоска нам сердце гложет,
Благодарить не умолкая?

„За все благодарите...“ Боже!
Ты никогда не ошибался.
Ты хочешь, чтоб земной прохожий
Благодарил и улыбался?

„За все благодарите...“ Боже!
За доброе – еще понятно.
Благодарить за злое тоже –
И тяжело, и неприятно.

Благодарить, когда обидно
И слезы давят спазмой горло,
Когда на нас глядят ехидно,
Глазами острыми, как сверла?

Когда ближайšie из близких
Не верят больше нам на слово
И за спиною нашей низко
На клевету и зло готовы?

Благодарить, когда недуги
Одолевают ежечасно,
Когда дела не только туги,
А просто-напросто ужасны?

„За все всегда благодарите“ –
Кому сказал Ты это, Боже?
Тобою избранной „элите“,
Тем, кто вместить такое может!

Искупленным Твоею кровью
Сказал слова Ты эти мудро.
Исполненным к Тебе любовью
Понять легко их, а не трудно!

Что наши временные слезы
В сравненье с будущей славой?
Обиды, горести, угрозы –
Ничто во время переправы!

Нам берег виден в отдаленье.
Там нас Спаситель ожидает,
Открыв объятия с нетерпеньем.
Глядишь, и сердце замирает.

Он нас от ада спас навеки!
И потому не говорите,
Что бурны и опасны реки,
Плывя по ним, благодарите!

Опасней вечная погибель,
Страшнее вечность без спасенья!
Извилист путь наш, но изгибы
Имеют смысл и назначенье.

Все, что случается в дороге,
Конечной, славной цели служит:
Ухабы, кочки и отроги,
Колдобины, канавы, лужи...

Ты не ошибся, мудрый Боже!
Ты прав, Ты прав, о наш Спаситель!
И вызывают дрожь по коже
Слова: „За все благодарите...“

КЛЕВЕТА

Туманом сизым клевета
Ползет, к земле прижата.
Ее впускают тут и там,
Хоть злом она чревата.

Она порочит имена,
Плюет святыне в очи,
Но принимается сполна,
Как список полномочий.

А правда скромненько молчит,
Застенчиво краснеет.
Оправдываться не спешит,
Буяннить не умеет.

Ее и лучшие друзья,
Пожалуй, не проверят:
„Всему же верить ведь нельзя...“
Но клевете поверят.

Так до кладбищенской плиты
Она тянуться может.
Избавь меня от клеветы,
Прошу, избави Боже!

НЕ СУДИ

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот плетется по дороге нищий.
Ты о нем от жалости рыдаешь,
Он же прячет нож за голенищем.

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот живет в дворце своем богатый.
Ты в уме добро его считаешь,
А ему темно в его палатах.

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот у брата на лице веселье.
Ты, ему завидуя, вздыхаешь,
Он же ночь проплакал на постели.

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот лицо суровое у брата.
Ты его за это порицаешь,
У него ж душа мягка, как вата.

Не суди о том, чего не знаешь.
Всех люби, о всех молись сердечно.
Ты сейчас всего не понимаешь,
Все тебе откроет только вечность.

ЛЮБИШЬ ЛИ МЕНЯ?

Я поняла за много лет
Хождения со Христом,
Что жизни истинной секрет
В вопросе скрыт простом.

Что от ответа на него
Зависит все и вся.
Не отвечая ничего,
Не буду знать, кто я.

Не буду знать, куда иду
И для чего живу.
Душе покоя не найду,
Цепей не перерву.

Вопрос тот задан был Петру
У моря на камнях.
Господь спросил, склонясь к костру:
„Ты любишь ли Меня?“

Он трижды это повторил,
Петр трижды отвечал...
И здесь мерило всех мерил,
Начало всех начал.

Я сердцу задала вопрос:
„Люблю ли я Его?
И для чего молюсь до слез,
Тружусь я для чего?“

Кому служу, за кем иду,
Чьей похвалы ищу
И у кого на поводу
Свой груз с трудом тащу?

И снова „Любишь ли Меня?“
Врезается в мозги...
О Боже, не щади огня,
Насквозь меня прожги!

И пусть от боли закричу,
Очищусь я до дна;
И пусть пойму, что „я хочу“
Важней, чем „я должна“;

Что из любви свершенный труд
Ты только признаешь.
Вопрос, что задан был Петру,
И мне Ты задаешь.

Ты знаешь, что не избегу
Очей Твоих огня.
Нигде укрыться не смогу
От „Любишь ли Меня?“

И мне смущение Петра
Знакомо, как ладонь, –
Прохлада раннего утра,
И берег, и огонь...

Вопрос тот, душу теребя,
Меня к Тебе влечет.
Ты знаешь, что люблю Тебя,
Ты знаешь все, Господь!

ПРОСТИ

Короткое, двусложное „прости“
Бывает тяжелей подъемов горных.
Как тяжело его произнести,
Как часто застревает оно в горле.

Но с ним связал прощение Свое
Отец Небесный и Творец прощенья:
Прощает прегрешение твое,
Когда другим прощаешь прегрешенья.

Еще в раю, где согрешил Адам,
Приняв жены пустые заверенья,
Отец любви „прости“ за них сказал,
Принесши жертву умиловленьея.

А на кресте кровавое „прости“
Сказал Собой Отцу за нас Спаситель.
Весь грешный мир в Иисусе Бог простил,
А вы принять прощенье не хотите?

Не давит грех? Еще не надоел?
Иль на себя надежду возложили,
На шаткую опору „добрых дел“,
На временное, что сгниет в могиле?

Но если тяжело тебе в пути
И со грехом бороться нету силы,
Приди к Христу, скажи Ему „прости“,
Его любовь тебя уже простила.

Скажи „прости“, перебори себя,
Всем обижающим скажи „прощаю“.
Спаситель ждет, Он умер за тебя,
Скажи ж Ему „прости“, я умоляю.

ЧТО ЕСЛИ?

Господь говорил: „Я иду приготовить вам дом,
Чтоб там, где Я буду, и вы навсегда со Мной были“.
И заповедь новую дал, чтоб друг друга любили,
Чтоб не было тесно нам там, где мы будем потом...

Он нашу природу уже на земле возродил,
И времени уйму нам Сам уделил для раздумий,
Чтоб каждый мозгами прикинул и крепко подумал,
Что в вечность пойдет с ним тот брат, что здесь
рядом ходил.

И если нам трудно ужиться с ним здесь, на земле,
И кажется нам, что служенье его неуместно,
Боюсь, что в обителях неба нам будет с ним тесно,
Боюсь, что нога наша не на Христовой скале.

Так труден наш путь! Нас друг другу Христос поручил,
Чтоб брату мог брат помогать к светлой цели добраться,
Чтоб слабому сильный помог при паденье подняться,
Чтоб слезы отер, чтобы руки свои подложил...

Хрупка наша жизнь! Может, завтра туда перейдем,
Где ждет нас Спаситель в обителях вечных, желанных.
Быть может, мы брату чинили здесь зло постоянно,
Что если его там в объятьях Иисуса найдем?..

НАУЧИ

Стройный, молодой, широкогрудый
Любящий Христос
Молча принял поцелуй Иуды,
Тот, что смерть принес.

Молча принял Ирода угрозы,
Плети и допрос.
И пошел по улочкам раскосым –
Тяжкий крест понес.

Умирал без ропота и плача,
Смерти Сам хотел.
И считал, что жизнь была – удача:
Все свершить успел!

Гром гремел, и впитывала глина
Алые струи.
Распустила тихо Магдалина
Волосы свои.

Ради Магдалин и Вартимеев
Столько перенес!
Мы ж любить друг друга не умеем –
Научи Христос!

„НО ЛЮБОВЬ ИЗ НИХ БОЛЬШЕ...“

Вера верит в то, чего не видит,
И надежду носит на груди.
А любовь их греет и обиде
Говорит с улыбкою: „Уйди“.

Бережет, заботится, лелеет
Младших эта старшая сестра.

И глядят уверенней, смелее
Сестры в ожидании утра.

Утром оправдается надежда,
Вера все увидит и умрет.
А любовь, сильнее став, чем прежде,
Двух сестер своих переживет.

ЛЮДИ

Мне сказали, что люди жестоки и злы,
И людей не отыщешь хороших,
Так, как в стоге соломы не сыщешь иглы,
Как тропинку не сыщешь в пороше.

Мне сказали: бояться не нужно зверей.
Звери много добрее, чем люди.
Нету твари вредней и опасней людей —
Каждый жест подозрение будит.

Я почти что поверила этим словам
И решила, как ежик, свернуться,
Чтоб колючие иглы достались друзьям,
Если только ко мне прикоснутся.

Но... пришел человек с нежной лаской в глазах,
И мне стало яснее, чем ясно,
Что неправду о людях мне кто-то сказал.
Посмотрите: все люди прекрасны!

НЕПОВТОРИМЫЕ

Говорят, мы все заменимы.
Я согласна с молвой такой
И со смертью неумолимой,
Что крадет наш ночной покой.

Говорят, мы все пилигримы,
Что куда-то толпой идут.
Мы судьбы одной побратимы,
Крылья времени нас несут.

Говорят, что мы все любимы
Кем-нибудь и когда-нибудь.
Рано ль, поздно ль найдем в пути мы
Луч любви, преградивший путь.

Говорят, мы несокрушимы,
Если в Боге покой нашли,
И душою невозмутимы,
Если в жизни к Христу пришли.

Но среди этих заменимых,
Сокрушимых, несокрушимых,
Возмутимых, невозмутимых
И любимых, и нелюбимых
Я встречала неповторимых!

Я ЛЮБЛЮ СТАРИКОВ

Я люблю стариков,
Их годами согбенные плечи
И осанку с наклоном вперед,
Серебро в волосах
И в глазах огоньки, словно свечи,
Что погаснут вот-вот...

Я люблю стариков,
У которых в душе сохранилось
Все, чему их учили отцы,
Что учило их жить
И так крепко в их сердце привилось,
Что остались рубцы.

Я люблю стариков,
Не брюзжащих, сварливых, угрюмых,
Оттого, что их „била судьба“,
Но глядящих вперед
С затаенною тихою думой
Под морщинами лба.

Я люблю стариков,
Их степенную неторопливость,
Их умение вполне отдыхать.
Их молитв прямоту,
Слов разумных святую красоту
Я хочу перенять.

Я люблю стариков,
Совершивших земное скитанье
Там, где след был оставлен Христов.
И учусь я у них,
И ценю их умение и знание...
Я люблю стариков!

РИЦПА

(2 Цар. 21:1-16)

Семерых повешенных качая,
Ветер плакал жалобно о них.
Разостлала вретнице дочь Айя,
Рицпа, – мать повешенных двоих.

День и ночь сидит у страшной сцены,
Изнуряет днем ее жара,
Ночью сна лишает лай гиены,
Вой шакалов мучит до утра.

Жалкая, согбенная старуха,
Бывшая наложница царя.
Злая весть достигла ее слуха,
На горе сидит она не зря.

Ни за что погибли оба сына,
В умилоствление врага.
У подножья виселицы длинной
Матери и смерть их дорога.

Обесчестил враг тела сыновьи –
Память об их царственном отце.
Проливает Рицпа слезы вдовьи,
Но решимость на ее лице.

Пусть смеются над ее позором
Те, кому беда ее смешна.
Мать обходит бдительным дозором
Виселицу день и ночь, без сна.

Отгоняла хищников руками,
Берегла казненные тела...
Долг любви, как долг последний мамин,
Детям своим Рицпа отдала.

И когда благословенья воды
На тела казненных Бог пролил,
Царь, что выдал их врагу в угоду,
С честью кости их похоронил.

О любовь, не знающая меры!
Ты смогла растрогать и царя.
Этот дар любви, надежды, веры
Бог земным вручает матерям!

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Для одного готов в огонь и в воду,
Последнюю рубашку с плеч долой!
Другого ж в дом не пустит в непогоду
И разразится на него хулой.

Знакомой даме преподнес конфеты,
Букетик роз к ним присовокупив,
Другому ж ни ответа, ни привета,
Проходит мимо, нос отворотив.

Да, что ж это за двойственность такая!
Деление людей на „нас“ и „вас“.
Как хорошо, что, в муках умирая,
Христос и „нас“, и „вас“ от смерти спас!

Он всех любил, греху не потакая,
И всем готов был помогать в беде.
Как хорошо, что двойственность людская
Чужда была Спасителю людей!

„ИЕГОВА-ИРЕ“ – БОГ УСМОТРИТ

Почему-то печально лицо Авраама с утра,
Почему-то ложбинка легла меж густыми бровями.
Ночь провел на дворе, пренебрегши уютом шатра,
И тревожно шумел над ним дуб на рассвете ветвями.

Все в дорогу собрал, погрузил на осленка дрова,
Разбудил не спеша, глядя нежной рукой, Исаака.
Мать велел не будить... Но седая его голова
Как-то странно тряслась... Неужели он сдавленно плакал?

Может быть... Иногда и мужчина роняет слезу,
Если горе его велико, если боль его невыносима.
Бог велел Аврааму заклать не овцу, не козу,
А родного, единого, Саррой рожденного сына!

Шли три дня по пустыне. Утром молчал Авраам.
И доверчиво шел Исаак за отцом и осленком.
И под вечер вдали показалась гора Мориа,
Где Господь повелел заколоть Аврааму ребенка.

У подножья горы, где источник пустыню прорыл,
Был оставлен осел под присмотром двух отроков верных.
И понес Исаак сам дрова на вершину горы,
По уступам взбираясь легко, с грациозностью серны.

Терла вязанка дров непривычное к ноше плечо,
И сверлили мозги надоедливо мысли о многом...
Нож несет Авраам, и рукам от огня горячо...
„Где же агнец, отец?“ – „Агнец, сын, предусмотрится Богом“.

До последнего мига не дрогнула вера отца,
До последнего мига не дрогнуло сердце у сына.
Дал связать себя молча и лег на дрова, как овца,
И глядел Исаак, как сверкал над ним ножик недлинный.

Но в момент роковой чей-то голос с небес прозвучал:
„Авраам! Авраам! Вижу Господа ты устранился!
Исаака не тронь. Жертва есть. Опустит твой кинжал,
Видишь, овен рогами в кустах зацепился?“

Снова бледен рассвет... Снова путь чрез пустыню далек...
Только сердце отца облегченно, уверенно бьется.
Старый дуб у шатра. Над колодцем с веревкой валок.
Чья-то тень оторвалась неслышно от сруба колодца.

Это Сарра бежит, задыхаясь, навстречу своим.
Матерям нет нужды говорить о мужьях и о детях.
Знало сердце ее, что нелегкое выпало им,
Знало сердце ее, что вернутся вдвоем на рассвете.

„Иегова-ире“ – так назвал место то Авраам.
„Бог усмотрит“ – он верил, и вера его победила.
Мать бежала навстречу пришельцам с горы Мориа
И упала в слезах в их объятия родные без силы.

НОЕМИНЬ И РУФЬ

Ноеминь собралась в путь идти далекий –
От полей Моава в Вифлеем родной.
Больно на чужбине жить ей, одинокой,
Без сынов, без мужа трудной ей одной...

Две невестки милые, две вдовы красивые
Вновь себе отыщут молодых мужей.
Ноеминь стареет, на душе тоскливо,
И домой вернуться захотелось ей.

Плачут Руфь и Орфа – добрые невестки,
Две моавитянки, вдовы сыновей:
– Мы с тобой, родная, навсегда, навеки;
Забери с собою бывших дочерей.

Ноеминь их долго, нежно наставляла
И просила кротко не идти за ней.
Уговорам мудрым Орфа лишь внимала,
Возвратилась с плачем к хижине своей...

У прекрасной Руфи кроткий нрав и добрый,
У прекрасной Руфи смуглое лицо,
Узелок с вещами на дорогу собран,
На руке сверкает мужнино кольцо.

Есть родство сильнее общей в жилах крови.
Есть любовь, что шире всех морей и суш.
Руфь тянулась сердцем к пожилой свекрови –
Есть ли что дороже единенья душ?

Твердая решимость на лице у Руфи,
И любовь сквозь слезы светится в глазах:
– Не неволь мне душу, дай мне твою руку,
Я не возвращуся, не гони назад.

Только смерть разлучит пусть меня с тобою.
Я пойду, родная, куда ты пойдешь.
Я судьбу готова слить с твоей судьбою,
Умереть хочу я там, где ты умрешь.

Пусть народ твой будет и моим народом,
Бог пускай твой станет Богом и моим.
Не гони обратно, не лишай свободы,
Забери с собою в Вифлеем – к своим.

Ноеминь склонила голову седую.
Травы шелестели тихо на ветру...
И взяла с собой невестку молодую,
Дочь полей Моава, преданную Руфь.

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Когда тоска крадется, как пантера,
И кажется, того гляди, проглотит,
Тогда на помощь прибегает вера,
Любовь и упование на что-то.

Без упования, без надежды светлой,
С тоски взаправду можно удавиться.
Вот почему так часто в жизни этой
Тоскливые встречаются нам лица.

В глазах у них растерянность, волнение,
Испуг таится в уголках прищура.
А спросишь: „Как живешь?“ – „Мое почтенье,
Живу, как все“, – ответят на смех курам.

Как все? Но все ли в страхе прозябают?
У всех ли так тоска из взора брызжет?
Иные все встречают, улыбаясь,
Хотя живут в условиях таких же.

И к ним тоска крадется, как пантера,
И кажется, того гляди, проглотит.
Они же прогоняют ее верой,
Любовью и надеждой на Кого-то.

ИАКОВ И РАХИЛЬ

Красавица, прелестная Рахиль
Пасет стада на пастбищах Харрана.
Ее друзья, другие пастухи,
Венок ей подарили из шафрана.

Венок душистый сохнет в волосах,
И овцы по холмам гуляют низким.

Рахиль сидит, забывшись, вся в мечтах,
Среди перистых веток тамариска.

Предчувствие волнует ее грудь.
Овец пошла доить перед закатом.
И странник, преградивший ее путь,
Двоюродным ей оказался братом.

„Иаков!“ – опустились враз глаза.
„Рахиль!“ – румянец по щекам разлился.
И ни один другому не сказал
О том, что с взгляда одного влюбился.

В глазах Рахили светится ответ.
Она любовью другу отвечала.
И он готов служить семь долгих лет,
Чтобы Рахиль его женою стала.

Он чувства не неволил своего.
Не многие Иакову подобны.
Не потому ли о любви его
Нам повествует Библия подробно?

Не потому ли Бог благословил
Иакова, как праотца Христова?
Иосифа Рахили подарил –
Прообраз воплотившегося Слова.

Под тамариском смуглая Рахиль...
Иаков к ней спешит из Ханаана...
И мне легко писать о них стихи,
И петь хвалу любви их постоянной!

МАМА

Земля родная нам не мать, а мама,
Так человек родившую назвал.
Я видела, как землю целовал,
Домой вернувшись, пленный из Вьетнама.

Бывает трудно выразить словами
Свою любовь к той женщине родной,
Которой мы принадлежим одной,
Которую мы называем МАМА.

Переступив порог родного дома,
Мы в жизнь ушли, не поглядев назад,
Едва заметив слезы на глазах,
Едва коснувшись локона седого.

Но почему-то в странствиях далеких,
В смешенье лиц, событий, разных встреч,
Нам помнился изгиб любимых плеч,
И слезы на глазах, и этот локон...

Я знаю, когда жизни панорама
На склоне лет пред взором промелькнет,
Душа земное все переберет
И остановится на слове „МАМА“.

В одном ряду с небесными словами
Земное слово то со мною шло,
И сердце счастье вечное нашло
И Божию любовь по слову мамы.

ЗОВ

На грани великих свершений
Трепещет, волнуясь, душа.
Творит ли великое гений
Иль делает первый свой шаг

Дитя годовалое шатко,
Не зная, что ждет за углом...
Нам радостно, больно и сладко,
Когда в неизвестность идем.

Творю незаметное дело,
Но вот напряженье до слез!
И мысли не знают предела,
И все принимаю всерьез.

Не знаю ни сна, ни покоя,
В работу иду с головой...
Да что ж это, люди, такое?
Что гонит меня, как конвой?

Не это ль незримое „что-то“
Толкало Колумба вперед?
И в небо толкает пилота,
И в битву солдата ведет?

Не ради почета и славы,
Не ради лавровых венков
Творит человек величаво
Великое много веков.

И если отнять у нас это,
Незримого зова лишить,
Ничем станет наша планета,
И незачем будет нам жить.

ЖИЗНЬ

„Я есмь путь, и истина, и жизнь“ (Ин. 14:6)

Что отдам тебе, жизнь?
Чем тебя осчастливилю я, нищая?
Что отдам тебе, жизнь?
Сердца стук и дыханье – твое!
Я твоей стала отроду,
Жизнь, ты была моей пищею,
Ты была моей школой,
Скитальческим скромным жильем.

Ты пришла не по воле твоей,
Не по выбору.
Отдала себя мне
По веленью Дающего жизнь.
Я тебя приняла...
Но порою тяжелою глыбою
Ты давила меня,
Не давая очам глянуть ввысь.

Но зато иногда
Ты бывала нежнее и ласковей,
Чем ребенок
На коленях у матери милой своей;
Иногда ты сияла
Святыми, нездешними красками
И манила вперед
Переливом далеких огней.

Я прощала тебе
Вероломство твое неуклюжее
И цеплялась опять за тебя,
Как живучий репей.
Жизнь моя, я нашла
Что-то самое-самое нужное,
Что срывает с тебя и меня
Кольца рабских цепей.

Я нашла Человека по имени Жизнь,
Понимаешь ли?
Что же ты тогда, жизнь?
Отголосок и отблеск Его.
Ты намек на Него,
Но блажен, твой намек принимающий,
Слейся с Ним, моя жизнь,
Поселись у Творца твоего!

Что отдам тебе, жизнь?
Возвращу только то,
Что дала ты мне.
Что отдам тебе, жизнь?
Возвращу, что нашла на пути,
Что поставила ты
Пред лицом моим грустным, заплаканным,
Что должна я была у тебя поискать и найти, —
Жизнь!

НОВОЕ И СТАРОЕ

Мне новый день, как дар неожиданный,
Как первый вздох,
Как мир Адама первозданный,
Как в яслях Бог.

Все поражает новизною,
Когда вперед
Иду дорогою земною
За годом год...

Гляжу на небо, как впервые,
Который раз!
Мне переливы голубые
Ласкают глаз.

Мне облаков пушистых клочья,
Как первый снег,
Как первый зуб во рту молочный
И первый смех.

И смерть мне будет чем-то новым,
Но не чужим,
Как гость, что приходил к знакомым,
К родным моим.

Когда же там, за жизни гранью,
Где смерти нет,
Приду на вечное свиданье
В небесный свет,

Там даже тело будет новым,
Но только вдруг
Там голос Пастыря знакомый
Уловит слух.

Я руки там к рукам Христовым
Тогда простру,
И для меня не будет новым
Мой старый Друг.

МУЗЫКА

Музыки оттенки и тона,
Мириады звуков и созвучий!
То слышна морская в них волна,
То раскатов грома звук могучий,

Щебет птиц, журчанье ручейка,
Бури вой и плач ночной сирены,
Писк в тупик попавшего зверька,
Туш финала с цирковой арены.

Музыки беззвучный язык
Всем понятен, всеми ощущаем,
Как ребенка плач, от боли крик,
Как тепло в груди, когда прощаем.

Как любовь в глазах, как смерти явь,
Как греха всеобщее проклятье...
Музыка, как тайна бытия,
Все народы превращает в братьев.

Музыка искупленных сердец,
Пение возвышенных хоралов –
Звуков съединившихся венец,
Самой лучшей музыки начало!

Жизнь пройдет, умолкнут все уста,
Перестанет биться в скалы море.
Мы же в небесах у ног Христа
Будем вечно петь в небесном хоре!

ДА И НЕТ

Что медлишь? Чего ждешь?
Каких еще громов и молний
На жизнь свою дерзко зовешь?
Иль ждешь, пока будешь виновней?

Ты думаешь, тучи грехов
Нужны, чтоб в аду очутиться?
Ты слышишь ли голос Христов
Зовет, в твое сердце стучится?

Он жизнь предлагает, а ты
Жеманишься, медлишь, кичишься?
От слов Иисуса простых
Бежишь, как огня их боишься?

„Но вы не хотите прийти...“ –
С печалью Спаситель вздыхает,
Зовет тебя с злого пути
И вечность в раю обещает.

Но слово короткое „нет“ –
Вот грех твой великий и грубый.
В нем смерти и ада секрет,
Один этот грех тебя губит.

И если сменишь ты на „да“
Холодное „нет“ твое честно;
Ты будешь с Христом навсегда,
Как здесь, так и в Царстве Небесном.

ПОЧЕМУ?

В бесконечной вселенной атомы
Незаметные – ты и я.

Восхищаемся здесь закатами
И восходами бытия.

Копошимся по-муравьиному,
Что-то тащим себе под кров.
Рады пению соловьиному
И мычанию в хлеву коров.

Мы романтики и философы,
Мы поэты и косари,
Мы красавицы русокодые,
Мы лихие богатыри.

Только все это в рамках узеньких,
Только все это там, где нос.
А земля наша – это бусинка
В ожерелье несметных звезд.

Но кипят наши страсти бурные,
Зло вцепилося в горло добру.
И светила небес, как дежурные,
Стерегут эту мишуру.

Почему из такого множества
Солнц, галактик, миров, светил
Нашу землю, в ее ничтожестве,
Бог всеведущий полюбил?

Почему эти жалкие атомы,
Неприглядные ты и я,
Можем сделаться вдруг крылатыми
И подняться в Его края?

Я, пылиночка незаметная,
Эту тайну едва ль пойму.
И в края те Его заветные
Понесу свое „почему“.

С ГОДАМИ

С годами жизнь мне сделалась дороже,
Острее ощущение ее.
А от пройденных „стежек и дорожек“
Остался след на опыте моем.

Мне стал ценней и ближе миг, который
Вот здесь сейчас я провожу с тобой.
Сегодняшние наши разговоры
Близки мне так, как берегу прибой.

Я не хочу остановить мгновенье
И вспять пустить ход стрелок на часах,
Но я ценю мое с людьми общенье
И пониманья свет у них в глазах.

Руки друзей ценю прикосновенье
И их добро, оказанное мне.
Быть может, завтра смерть пошлет забвенье
И передаст меня иной стране.

И потому слышнее и заметней
Мне пенье птиц, цветение мимоз,
И тишина, что тише на рассвете,
И ночью разбудивший паровоз...

Я думала, что охладею к людям
И притупится чувства острота.
Но сердце с каждым годом больше любит
И не за что-то, а вот просто так!

Путь стал прямым и целеустремленным,
А не как речка, что течет в песок.
И Бог стал близким, а не отдаленным,
Как некий в облаках живущий рок.

В душе светлей, чем на лесной лужайке.
Ей небо ближе, чем вершинам гор.
Мне кажется, квадратики мозаики
Вдруг улеглись в осмысленный узор.

Жизнь стала проще, слаще и понятней,
Сердечней отношения с людьми.
С годами стал дороже и приятней
Не то что каждый час, а каждый миг!

ТЫ И Я

Мы все в одном великом плане,
В разумной тайне бытия.
Как звезд предвечное сиянье,
Так мы с тобою: ты и я.

Мы не случайны, как приливы
На берегу морской волны,
Как горький плач и смех счастливый,
Как первый признак седины.

Из вечности протянут в вечность
Невидимый широкий мост –
Неизмерим, как бесконечность,
Как счет неисчислимых звезд.

Мы по мосту шагаем браво,
Под солнцем ищем лучших мест.
И вдруг... не слева и не справа,
А впереди – голгофский крест!

Он вдруг встает, как пробный камень
И как скрещенье всех дорог.
Здесь испытанья душ веками
Производил премудрый Бог.

Здесь совершилось искупленье
И смерть навек побеждена.
Здесь боль и тяжесть осужденья
Удалена, пригвождена!

Здесь исчезает самомненье
И прекращается борьба.
Здесь принимается решенье,
Определенная судьба.

И мы пришли сюда толпою,
Как нераздельная семья.
Но мысль неведомой тропою
Прокралась в сердце: ты не я;

И я не ты, и что решенье
Никто не сделает за нас...
А Крест стоял. С него спасенье
Давал всем даром добрый Спас.

Я приняла, и путь открылся
Передо мной из темноты.
А ты принять его решился?
Ведь ты ж не я, и я не ты!

ТИРЕ

Сойдут на нет житейские дороги,
Закончим жизнь когда-то я и ты –
В газетах и журналах некрологи,
А на могилах свежие цветы.

Цветок прильнет к холодному надгробью,
Где высечены раз и навсегда
Две даты и, как мостика подобье,
Тире, соединившее года.

Тире, черта, штришок едва заметный –
Земной наш путь с начала до конца.
Вся наша жизнь, весь бег наш эстафетный
В одном коротком росчерке резца.

Что кроется за этим знаком малым?
Пустое прозябанье, суета?
Погоня за обманным капиталом?
Безделье, бесполезность, маята?

Что шепчет, глядя на тире, потомок:
„Зачем ты умер иль зачем ты жил?“
Штришок короткий, неглубок и тонок.
Каким был тот, кто здесь под ним почил?

Весь год, читая чьи-то некрологи,
Задумалась невольно над собой.
Проходит жизнь, но как? Всецело в Боге
Иль как попало – с Богом вразной?

Божественный нектар или снадобье
Давала близким и далеким пить?
Меж датами тире... Мое надгробье
О чем потомкам будет говорить?

Была ли жизнь моя теплом иль светом?
И идеалы были ль высоки?
Возьмут ли дети их как эстафету
Из тихо опустившейся руки?

ПРЕКРАСНЫЕ МЕСТА

Мои ноги прошли по прекрасным местам.
Отзови меня ныне Господь,
Не скажу, что жила я с бедой пополам,
Что замучены дух мой и плоть.

Он мне прелесть земли и небес показал,
К тихим водам водил Он меня.
„Я люблю тебя!“ – Он мне однажды сказал,
И душа ожила с того дня.

Мне прощения сладость известна вполне
И знаком очищенья огонь.
И я знаю, что Бог мой сказал сатане:
„Отойди, Мое чадо не тронь!“

Я в сладчайшем общенье бывала с Христом
В тишине, при закрытых дверях.
Он мне был над бурлящим потоком мостом,
Маяком на бездонных морях.

Он послал мне сердечных и верных друзей,
Ввел в семью моих братьев, сестер.
Жизнь прекрасной была, потому что Он в ней
Мне объятья Свои распростер.

Он дорогу мне в небо Свое указал,
И я знаю, что буду с Ним там.
Он был пищей душе, Он был светом глазам...
Я прошла по прекрасным местам!

НЕПОНЯТЫЙ ЦАРЬ

„Множество же народа постилали одежды свои по дороге, другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге...“ (Мф. 21:8)

На ослике, на сыне подъяремной,
Христос въезжает в Иерусалим.
Толпа шумит в восторге неумном,
Одежды, ветви стелет перед Ним.

Так мягко стелет... и кричит: „Осанна!
Блажен грядущий ради Бога Царь!“
И сладки те слова, как Божья манна,
Что падала с небес в пустыне встарь.

„Блажен Мессия! Славный Сын Давидов!
Осанна в вышних! Слава и хвала!“
О Иерусалим, ты видел много видов,
Но эта сцена все их превзошла.

Изменчиво народа настроенье –
Сегодня: „Слава!“, а на завтра: „Прочь!“.
Тверды сердца врагов, как те камня,
Темны глаза их, как в безлунье ночь.

Под праздник Пасхи к смерти присудили,
За город увели под крик: „Распни!“
И там с ворами ко кресту прибили
Мессию-Бога, что Царем был им.

Не поняли и недооценили,
Не помнили, что жизнь Он мог давать!
А как стелили! Мягко как стелили...
Да только жестко предложили спать...

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Перед рассветом утихают птицы,
Которые и ночью не смолкают.
Перед рассветом людям крепче спится,
Перед рассветом люди умирают...

Земля в молчанье новый день встречает,
Всецело ожиданью отдается.
Роженица о часе своем знает,
Когда ребенок в ней почти не бьется.

Перед рассветом, преданный Иудой,
Христос судим был тайно, спозаранку.
Под петушиный крик, что спящих будит,
Петр от Христа отрекся пред служанкой.

Христос восстал из гроба пред рассветом,
И пред рассветом рыбакам явился,
Петра утешить и другим, как детям,
Сказать о том, чтоб каждый обратился.

Петр, обратившись, братьев наставляет
И ко Христу зовет идти, как к Свету,
Что тьму греха Собою освещает,
Доколе ночь приблизится к рассвету.

В последних строчках Нового Завета
Христос назвал Себя Звездой ранней,
Звездой, грядущей в мир, живой и светлой.
И, может быть, земле известно это,
И потому смолкает пред рассветом,
И замирает в сладком ожиданье!

ПОБЕДА ЖИЗНИ

Ничем не остановишь жизнь –
Гони в окно, стучится в двери!
Остановись, насторожись,
Вглядись, прислушайся, поверишь!

Нужны мужчины на войне –
Она берет их безвозвратно.
Конец войне – и по весне
Мальчишек жизнь дарит вдвойне,
Чтоб возвратить земле утраты!

Одно пшеничное зерно
Падет в распаханную почву.
Пойдут дожди, и вот оно
Сгнило, но больше не одно,
Дав колос, полный зерен сочных.

В бетон закована земля.
Машины мчат, режут моторы.
Но густо зелены края,
Кусты, деревья и поля
О жизни говорят, бесспорно.

Слабеет тело, гаснет взор,
Смерть непреклонно наступает.
Но Бог расширил кругозор,
Нам показав небес простор,
Где тот, кто в Нем, не умирает!

Навеки смерть побеждена:
Воскрес Христос и с Ним Христовы!
Смерть христианам не страшна.
Жизнь будит мертвого от сна
И рвет могильные оковы!

Я ХОЧУ

Я хочу, чтоб не линяла
Краска шелка, щек и неба.
Я хочу, чтобы не вяла
Хризантема под окном.
Я хочу, чтоб всем хватало
На столе воды и хлеба,
Чтобы люди упивались
Счастьем жизни со Христом.

Я хочу, чтоб каждый друга
Видел в ближнем и соседе.
Я хочу, чтобы испуга
Вовсе не было у нас.
Я хочу, чтобы подругам
Улыбались при разъезде,
Чтобы вежливым услугам
Уделялся каждый час.

Я хочу, чтоб мир навеки
Воцарился на планете.
Я хочу, чтобы калеки
Навсегда перевелись.
Я хочу, чтоб наши веки
Не смыкали лапы смерти,
Чтоб греха и злобы реки
Не текли чрез нашу жизнь.

Я хочу, и я мечтаю
О несбыточных свершеньях.
Я прошу, хотя и знаю,
Что не сбудутся они
До тех пор, пока Христа я
Не увижу появенье,
Пока Он не будет с нами
В те обещанные дни.

ВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

Если корочкой льда затянулись осенние лужицы
И снежинки беззвучно по мгlistому воздуху кружатся,
А дорожную слякоть морозы застали врасплох,
Значит, осень прошла и зима к нам пришла на порог!

Если тают снега и в проталинах видны подснежники,
И в саду, под забором, проснулись вдруг крокусы-
неженки,

Если звонкие капли буравят под окнами льдинки,
Значит, зиму опять победила весна в поединке.

Если солнце печет и деревья фруктовые клонятся,
Если мед собирает с цветов золотая поклонница,
Если рожь колосится и лен в лиловатом дыму,
Значит, лето к разгару пришло своему.

Если падают листья и ветер их носит по улице,
То спокойна душой и ничуть ни о чем не волнуюсь я,
Если низкие тучи цепляют макушку у сосен,
Значит, лето прошло и теперь надвигается осень.

Если вдруг на висках у тебя седина показалась,
А тебе все казалось, что жизнь лишь-лишь начиналась,
Значит, ценного времени мало, так мало осталось,
Значит, старость к тебе незаметно, тихонько подкралась.

И не нужно быть умным, не нужно быть даже поэтом,
Чтоб о жизни читать по вот этим надежным приметам.
Нам газеты рисуют последних событий картину,
И мы знаем, что Бог Свой Израиль ведет в Палестину!

Нет приметы верней: у смоковницы ветки мягчают,
Оживает Израиль и Мессии приход предвещает!
Он сказал: „Я приду!“ Что нам старость, усталость
и жалость!
Он грядет! Это то, чего сердце спасенных заждалось.

Что зима и весна, что нам осень и жаркое лето!
Нам на Ближнем Востоке важнейшая светит примета:
Полным ходом сейчас возрожденье Израиля идет,
Значит, скоро Спаситель во славе на землю придет!

ПОД СМОКОВНИЦЕЙ

У смоковницы вновь распустились листочки.
Скоро спрячет в них серые ветки.
Солнце сыплет сквозь листья ее и почки
На траву золотые монетки.

Станет крупной листва ее в апреле
И прикроет лиловость смокв.
Чтобы лучше росли они, зрели,
Чтоб прохладным был сладкий сок.

Пусть растет она под солнцем ярким,
Под туманом и под дождем.
Долго ждать от нее плодов-подарков –
Ничего, как-нибудь подождем!

Хорошо, что покрылась не только листьями,
Как ее прабабушка древняя,
Что во всех народах прослыла исстари
Пустотой своей непомерною.

Приходи, посети меня, Учитель,
Загляни мне в душу – смоковницу.
Горе мне, если голод не утолить Тебе
И в тени моей не успокоиться.

ПРИДУ ОПЯТЬ

„Не оставляю вас сиротами; приду к вам“ (Ин. 14:18)

Сколько раз нам в пути приходилось прощаться,
И, давясь слезами, на вокзалах стоять.
С дорогими душе навсегда расставаться,
Без надежды на встречу родных провожать.
Горьким было во время войны расставанье,
Паровозный свисток боль разлуки сгущал.
Нам хотелось тогда говорить „до свиданья“,
Но само по себе получалось „прощай“.
А потом чрез года нас несло упование,
И никто нам не мог убежденно сказать:
„Я приду, я вернусь, я сдержу обещанье...“
Кто из нас мог такое уверенно знать?
Только добрый Спаситель, Своих покидая,
Перед страшным, кровавым голгофским крестом
Говорил, их жалея, любя, утешая:
„Я приду к вам опять непременно потом“.
Это слово Того, Кто сдержал все обеты,
Кто чистейшую правду всегда говорил
На страницах святого живого Завета,
Кто с Отцом от начала творения был.
Он сказал: „Я приду“. Разве можно не верить,
Когда Бог говорил слово истины Сам?
Мы могли Его слово на деле проверить,
Ведь оно проложило нам путь к небесам!
Хоть горьки на вокзалах земные прощанья,
И надежда на встречу теплится едва,
Знаем, сдержит Спаситель Свое обещанье –
Он на ветер Свои не бросает слова!
Будет много еще в жизни встреч и прощаний,
Будут вдаль поезда навсегда уходить...
Близок светлый приход! Бог сказал: „До свиданья!“
И душа отвечает: „Ей, Боже, гряди!“

СЛЕДЫ И ПЛОДЫ

Христос пришел и след неизгладимый
Оставил за Собою на земле.

И потянулись мы, как пилигримы,
Тот след однажды разглядев во мгле.

А он то вырисовывался четко,
То вдруг совсем почти что исчезал.
Тогда мы шли неровною походкой,
На ощупь и куда глядят глаза.

Но снова путь в тумане находили,
Рельефными вдруг сделались следы.
И дальше шли мы в обновленной силе
Сквозь бури жизни и военный дым.

И так дошли до новой в жизни вехи.
И снова в праздник жатвы, как в былом,
Считаем неудачи и успехи,
Все то, что время в вечность унесло.

Я не знакома с вашим урожаем,
А о своем нехорошо кричать.
Я знаю: в Царстве Божьем уважаем
Тот, кто умел трудиться и молчать.

И если, проходя земные дали
Указанным Спасителем путем,
Его неизгладимыми следами,
Мы зерна правды сеяли пудами,
Тогда и плод обильный соберем.

КАПЛИ ЖИЗНИ

Каплей малой в море вечности
Растворился прошлый год.
Говорю с чистосердечностью,
Что назад он не придет.

Не вернется капля малая,
Но навек не пропадет.
В той стране, где не бывала я,
Кто-то каплям счет ведет.

Велика Его вселенная,
Края нет ни вширь, ни ввысь.
Все ж хранит Он драгоценную
Человеческую жизнь.

За нее Он Сына чистого
На распятие отдал,
И ее течение быстрое
По Его пустил следам.

Наши годы – капли звонкие.
Новый год опять грядет...
Неужели же сторонкою
Человек опять пройдет,

Не заметив, что спасение
Для него свершил Христос?
Неужели капли времени
Станут капельками слез?

Бог с любовью и терпением
Капли жизни бережет.
Может, кто-нибудь спасение
Примет в этот новый год?

ПЕРЕХОД

Тихий вечер. Удлинились тени,
Опустела улица моя.
Отдыхает от дневных волнений
У стола за ужином семья.

День ничем как будто не отмечен,
„Ныне“ не отлично от „вчера“.
Были вокруг стола такие ж встречи,
На дворе такие ж вечера.

Все же этот день особо важен.
Праздничную подаю еду.
Чуть дрожит рука, и взор мой влажен...
Это ж ведь последний день в году!

Поедим. Я приберу посуду.
Выйду в сад. (У нас ведь нет зимы.)
Буду вспоминать и плакать буду,
Глядя в год, что пережили мы.

Жалко, что ушел и не вернется.
Поздний вечер, как немой, молчит.
Утром новый день нам улыбнется,
Новый год нам в сердце постучит.

Сколько их, отмеренных отрезков,
Полных треволнений и забот!
Боже, не возьми из жизни резко,
Пусть спокойным будет переход.

Пусть в такой обыкновенный вечер
Удлинятся тени, как всегда.
Дух Святой подует, как на свечи,
И погасит все мои года.

ТЕ, КОГО ВЕСЬ МИР БЫЛ НЕДОСТОИН

Те, кого весь мир был недостоин,
Жили где попало, как попало.
Ели что-то скромное, простое,
Бодрствовали много, спали мало.

Верили в обещанное Слово.
И с надеждой твердой умирали,
А обетования святого
Исполненья так и не видали.

Но у них не опускались руки,
Не пугали их властей угрозы.
На кострах, крестах терпели муки,
Зная, что отрет Спаситель слезы.

Истины носители святые –
Дорого им путь тот узкий стоил.
На вершины вел Господь крутые
Тех, кого весь мир был недостоин.

И теперь они живут на свете –
Соль, что землю бережет от порчи.
Труд их кропотлив и незаметен,
Исполнять его не всякий хочет.

Нет им ни почета, ни привета,
Нет о них прекрасных песнопений.
Не дают им уголка в газетах,
Не дают им Нобелевских премий.

Ничего, что мир так низко ценит
Это стадо Божие, простое.
Ждет Господь и у Себя поселит
Тех, кого весь мир был недостоин.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

К холодному стеклу окна
Щекой горячей я припала.
И лист кленовый пятипалый
Осенний ветер мимо гнал.

Он словно знал, что я одна,
Что света нет в оконной раме.
К лицу через стекло окна
Прильнул, как пластырь к жгучей ране,

Как чья-то добрая рука,
Погладил, приласкал, умчался...
След теплый на стекле остался
И проседь на моих висках.

СВОБОДА

Кто во Христе, тот истинно свободен,
Спокоен, счастлив, радостен, богат.
Ведь к вечным благам путь ведет Господень,
Кто им идет, тот Иисусу брат.

Пускай в тюрьме чахоточное тело,
Пускай закрыт законом смелый рот.
Душа бы только ласточкой летела –
Свобода духа выше всех свобод!

Мы говорим о равенстве народов,
Мы за свободу – хоть на эшафот!
А истинная, вечная свобода
Та, что Христос спасенному дает!

НЕ ЛГИ

Смотри, никому не лги:
Ни себе не лги, ни другим.
Но более всех других
Ты мне никогда не лги.

Ложь – дьявола острый меч,
Что правду крошит в труху.
Мне легче под поезд лечь,
Чем спать на ее пуху.

Ты прямо в глаза гляди
Христу и друзьям, и мне
И правду в душе найди
На самом ее дне.

Найдя, выноси на свет,
От тьмы со всех ног беги.
Есть черный и белый цвет,
И белый значит – „не лги“.

ЕМУ ОТДАМ...

Когда темно вокруг и выхода не видно,
Отчаянье свое Спасителю предам.
И Он откроет путь, чтоб упилась я видом,
Представленным моим заплаканным глазам.

О вечная рука, надежная, как камень!
О вечная любовь, доступная всегда!
Я за Христа держусь обеими руками,
Охотно навсегда всю жизнь Ему отдам!

У РЕКИ В ДЕНЬ ОТДЫХА

Тихо шумит над водою тростник.
Ива концы своих веток полощет.
Ветер к воде невидимкой приник –
Мелкою зыбью поверхность топорщит.

Все бы вот так тут стоять и стоять –
С ивою рядом у берега речки, –
Слушать, как ветер ей будет шептать
Нежные, полные ласки словечки.

Слушать, как плещется звонко вода,
Видеть, как вьются над нею стрекозы.
Так хорошо, что беда – не беда,
Так хорошо, что и слезы – не слезы.

Все отступает куда-то назад...
Мирно, тепло на душе и спокойно.
Что мне, что где-то грохочет гроза?
Тут ведь и слезы мои – уж не слезы!

Тихо шумят у воды тростники...
Расшифровать мне их говор нетрудно:
„Ты лишь оценишь покой у реки
После, в работе загруженных будней...“

Зная, что к ним возвращусь я опять,
Дольше стою под плакучею ивой.
Боже, позволь здесь еще постоять!
Боже, как все здесь свежо и красиво!

ПЕЩЕРЫ ВЕЛИКОГО КАНЬОНА

Чуть-чуть в стороне от дороги,
На ровной, обветренной площади,
Стоит обрамленный кустарником
Невзрачный на вид флигелек.

Таблица из красного дерева
Гласит: „Здесь пещеры подземные“,
А рядом у входа в строение
Стоит голубой динозавр.

На нем штукатурка облуплена,
И краска облезла от времени.
Но статуя эта и вывеска
Туристов в домишко влекут.

Внутри магазин с сувенирами,
Изделия из кожи и дерева...
И столик в конце помещения,
Где ждет посетителей гид.

У нас на лице недоверие,
Подвох предвкушают сомнения.
А он нас спокойно, уверенно
Сажает в модернейший лифт.

И мы, возложив упование
На знания этого юноши,
Спускаемся в шахту бездонную,
Где что-то нас якобы ждет...

И чудо! Пещеры глубокие,
Громадные, светлые, тихие,
Кристалльные и известковые
Нас встретили там, в глубине.

Нам гид открывал их историю,
Водил по дорожкам с перилами,
И мы, затаивши дыхание,
Гуляли там сорок минут.

Гид свет погасил на мгновение,
И мы (не без трепета скрытого)
Узнали, что тьма есть крошечная,
Что полная есть тишина.

Лифт вынес наверх нас и высадил
На землю, где небо и солнышко.
И думы свои сокровенные
Мы каждый с собой унесли.

Не знаю, что думали спутники,
Но мне те пещеры глубокие,
Снаружи от взоров сокрытые,
Напомнили души людей.

Глубокие, тихие, темные,
В земные тела облеченные,
Они ожидают вторжения,
Того, Кто бы их осветил...

И светом Своим, и присутствием
В них вызвал бы самое лучшее:
Сиянье кристаллов на сводах их
И стен меловых белизну!

ПРОДЛИ...

Пс. 89:17

Где песенные взять слова,
Слова стозвучные,
Чтобы стихи из них слагать
Тебе певучие;
И сердца радость передать
Творцу спасения,
Кто жизнь дарил и благодать,
И вдохновение;
Кто много лет меня хранил
В Своем служении,
Елей на раны мои лил,
Смирял брожение;
Несчетно в горе утешал,
Прощал бесчисленно,
Не обижал, не унижал
Ни вслух, ни мысленно?!
А я то ровненько иду,
То спотыкаюсь,
Скольжу порою, как на льду,
Вновь выпрямляюсь.
Но как бы ни было со мной,
В одном уверена:
Своею оградит стеной
Мой Друг проверенный!
Благодарю, Господь, Тебя
За дар служения.
Ты сохрани его, любя,
Средь разложения.
Пусть будут пажити мои
Богаты злаками,
Чтоб души в небеса вошли
Живыми знаками,
Благослови усилье рук,
Их напряжение...

Во имя ран Твоих и мук
Продли служение!

ДОБРОТА

Простая доброта, внимательность простая
Желание добра во всяком вызывает.
Не бойся же добром твоим делиться с братом,
Делясь, не жди себе награды и уплаты.

ПИЩА СВЫШЕ

Рыжий птенчик топорщит пушок,
Клюв уставив в небесный простор.
Ждет: авось, упадет червячок
В его желтенький клювик пустой.

В мир придя на отмеренный срок,
Просим небо осмыслить наш бег.
Если в рот упадет „червячок“,
Не напрасно прожил человек.

Пища неба – дороже земной.
Дух в груди, как голодный птенец.
„Вечно живы живущие Мной“, –
Обещал нам Небесный Отец.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

1926 г.

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылось...
Я запомнила то, что полезным заполнила.
Остальное туманом забвенья покрывлось.

Я запомнила случай... Тот год был особенным.
Я девчонкой была восемнадцатилетнею.
Дождь осенний лупил по дорожным колдобинам
И по спинам у пленных хлестал, словно плетью.

Мне позволила жизнь улыбнуться тем пленникам,
Помахать им рукой, показать сострадание...
На них было клеймо: „Вы враги и изменники“.
К ним улыбка моя не пришла с опозданием.

В каждом взоре печаль и тоска беспросветная.
Юность лиц не видна под щетиной небритую.
Но улыбка девчонки улыбку ответную
Все же вызвала в них... никогда не забытую.

Это мелочь, пустяк, но такими моментами
Наши лучшие годы земные отмечены.
Они высятся в сердце людей монументами,
Только их мы считаем святыми и вечными.

Все они в нашу память легли и остались –
Кто-то хлеба просил, кто-то слов утешения,
С кем-то мы навсегда на земле распрощались
И в слезах перед кем-то просили прощения.

Я запомнила год... В безысходном страдании
Мне явился Спаситель звездой путеводною,
Подарил мне спасение чрез покаяние
И бесплодную жизнь превратил в плодородную.

Я запомнила годы, что были полезными,
Что в служении ближнему были проведены –
Благодарные взгляды и руки любезные
Тех, кто были в болезни и горе проведаны.

Я запомнила годы великих возможностей,
Годы юности трудной и годы супружества,
Материнства блаженство и горестей множество,
Сладость близости кровной и близости дружеской.

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылось...
Слава Богу за часть, что полезным заполнила!
Слава Богу за жизнь, что в Христе мне открылась!

ПЕРЕДЫШКА В ПУТИ

Я забыла, когда я бывала одна,
Я забыла, что значит „вокруг тишина“,
Что никто не нарушит желанья писать,
Ни желанья просто сидеть и мечтать,
Ни желанья молиться, хотя бы и вслух,
Не нарушит никто – ни противник, ни друг.

От давленья и шума устала душа,
Мозг устал оттого, что работал спеша.
Каждый мускул устал, каждый нерв и сустав –
Все об отдыхе просит, смертельно устав.
Как Ты милостив, добрый, понятливый Бог!
Только Ты на ходу придержать меня мог

И заставить склониться в тени на привал,
Зная, загнанный зверь все бы мчался и мчал...
И, расходуя сил не бездонный запас,
Подкосился б и пал в преждевременный час.
Ты помог мне замедлить убийственный ход,
Сам повел за Собою спокойно вперед.
Умудри, укрепи и пополни урон,
За покой же прими самый низкий поклон.

ПЕРЕМЕНЫ

За каждым поворотом что-то новое...
За дверью тайны новые видения.
Гляжу вперед восторженно, взволнованно –
Труда названье переименовано,
Но не переменилось направление.

Все та же устремленность назначения,
Все то же чувство срочной неотложности,
Все та же острота, как ощущения,
Так и единой цели посвящения,
Все те же безграничные возможности.

В пути не раз менялось окружение,
Среда менялась, люди и условия,
Но не менялось с Господом сближение,
Ни жажда до последних дней служения
Достойному и жертв, и славословия.

Я перемену принимаю радостно,
С благодареньем и надеждой новою.
И поворот пути с нерезким градусом
Толкую для себя небесной радугой –
И знаменьем того, что обетовано.

В ПЛЕНУ ЧАСОВ

В плену часов, рабами циферблата
Мы стали с ученической скамьи.
Вихрастые девчонки и ребята
Уже считали дни, часы свои.

Считали годы чуть ли не с пеленок:
Пять с половиной, шесть, почти что семь!
И рос в семье потомок-постреленок,
В расчеты лет запутанный совсем.

Календари в расчетах помогали.
На них всегда виднелись наперед
Все выходные, праздники... Кругами
Мы обводили их, ведя учет.

Потом часы назначенных свиданий,
Биению сердца вторя в унисон,
Пугали нас возможным опозданием
Или забвением, уносящим сон.

Часы томлений, долгих ожиданий,
Минуты счастья и блаженства миг
Слагались в жизнь из смеха и рыданий,
Улыбок, слез, разрывов и интриг.

Дни юбилеев, бракосочетаний,
Рождения и смерти дорогих
Оставили рельефность очертаний
Неизгладимостью следов своих.

И врезалась навек на сердце дата
Сладчайшей встречи на пути земном,
Когда, признав греховность, виновато
Мы на колени пали пред Христом.

Совсем иное летоисчисленье
Мы начали с того святого дня,
Когда душою приняли прощенье
И искру от небесного огня.

Но счет идет... Мы все еще под небом
С размеренным движением светил.
И близок день, единый на потребу,
Когда Господь нас снова посетит

И уведет в страну совсем иную,
Без циферблатов и календарей,
И без понятий, что теперь волнуют,
Без пресловутых „позже“ и „скорей“.

Утратят смысл часы, недели, годы,
И прекратится времени учет.
С надеждою на этот вид свободы
Еще один встречаем Новый год!

ОН ЖИВ!

Лк. 24:13

Бежали двое пыльной дорогой,
Волнуясь, задыхаясь, в Еммаус.
Душа болела, думая о многом,
Но центром дум был Друг их Иисус.

Событий потрясающих картины
Кружились в утомленной голове,
Но ярче всех – распяты Божья Сына
И мертвый взгляд полузакрытых век.

„Он умер. Нет Его. Он был изгнанник.
Куда пойдём? Как будем дальше жить?“
Вдруг к ним приблизился какой-то Странник
И тихо начал с ними говорить.

„О чем, волнуясь, громко говорите?“ –
Спросил спокойно, обращаясь к ним“. –
„Ты разве не слышал о тех событиях,
Какие видел наш Иерусалим?“

И повторили, но еще с одышкой,
Все то, что пережили только вот.
Был близок вечер и, достигнув крыши,
Спросили, может, Странник к ним зайдет?

И Он зашел. За ужин вместе сели.
Вино и хлеб, еще другая снедь...
Он поднял хлеб и преломил, чтоб ели,
И подал им, но так, как будут впредь...

И вдруг они Спасителя узнали
В движенье рук, в Вечере и в Лице...
„Он жив!“ – И в один голос закричали. –
„Он жив! Он здесь в бессмертия венце!“

Да, Он воскрес, и смерть не удержала
Того, Кто Путь и Истина, и Жизнь.
О смерть, скажи, где ныне твое жало?
Ад, от победы лучше откажись.

Он жив! Он жив! И мы Его узнали.
Мы приняли Его в свои сердца.
Хвала Ему! Нет места для печали.
Мы вечно живы! Жизни нет конца!

ЛИСТЬЯ И СЕМЕНА

Нам осень раздает не только листья –
Она нам рассыпает семена.
И рыжая окраска ее – лисья,
Как золото созревшего зерна.

Летят на парашютиках-пушинках,
Стреляют из коробочек, как дробь,
И падают на землю, как снежинки,
Беззвучную в ней вызывая дрожь.

Срываясь, листья на ветру кружатся,
Срываясь, тихо вьются семена –
Все ниже, ниже, чтоб к земле прижаться
И лечь в нее для временного сна.

И под давлением зерен невесомых
Покорно разверзается земля,
Чтоб выносить в своей утробе темной
И превратить в зеленые поля.

Бессмыслицы у Бога не бывает.
Сменяются у года времена.
Дожди весною землю поливают,
И плод приносят зерна – семена.

И знаю я, когда желтеют листья
И осень мне про старость говорит,
Что, сколько ни проси и ни молись я,
Зима придет и все преобразит!

И жизнь, что в сердце мне Господь посеял,
Когда-то расцветет и явит плод.
Ведь невесомое, невидимое семя
Во мне живет, живет, живет.

В ТУ НОЧЬ...

В ту ночь, когда на небе Иудеи
Звезды таинственной нездешний свет горел,
Слепец перевернулся на постели:
Ему приснилось вдруг, что он прозрел!

В ту ночь, когда до пастухов у стада
Донесся звук небесных голосов,
Глухой во сне дрожал от звуков града:
Ему приснилось, что он слышит вновь!

В ту ночь, когда в хлеву в объятьях мамы
Младенец льнул щекой к ее щеке,
Во сне калека шевелил ногами:
Ему приснилось – он бежит к реке!

В ту ночь, когда над только что Рожденным
Мария нежно наклонила стан,
Презренный улыбнулся прокаженный:
Ему приснилось, что он чистым стал!

В ту ночь, когда в руках Пречистой Девы
Младенец-Царь внимал ее устам,
Во сне еще не согрешившей Евы
Блуднице снилось, что она чиста!

В ту ночь, когда в убогих яслях лежа,
Небесный Сын глядел на звездный свет,
В холодном сне, уже на смертном ложе,
Больному снилось, что могилы нет!

(С. Б. с англ.)

ЖИВАЯ ВОДА ВИФЛЕЕМА

В плену филистимском лежит Вифлеем,
Давид в Одолламской пещере.
Давно не снимает доспехи и шлем,
Он доблестен в деле и в вере.

Но пить захотелось однажды царю.
Колодезь в руках филистимских...
„Кого в Вифлеем за водою пошлю –
Друзей ли вернейших и близких?“

И вызвались трое пойти в Вифлеем,
Пробрались в стан перелеском...
Авесса их вел настороженно, нем,
Движений не делая резких.

Колодезь во вражеском стане нашли,
Воды из него зачерпнули.
И той же дорогой царю отнесли,
Хоть знали, что жизнью рискнули.

Но выплеснул воду на землю Давид –
Всевышнему Богу во славу:
„Господь, сохрани, чтоб я мог ее пить –
Кровь воинов верных и храбрых.“

Они полагали там жизнь за меня.
Как мог бы я выпить их воду?
Все трое, как та головня из огня,
Вернулись с водой на свободу!“

О царь, полководец, поэт и певец
С душой благородно-сердечной!
В Священном Писанье Небесный Отец
Оставил портрет его вечно.

Псалмы его дивные выше поэм.
Я плачу, пою, торжествую:

Творец Всемогущий сошел в Вифлеем
Добыть для нас воду живую,

Купить ее кровью Иисуса для нас
Из вражеских лап преисподней!
Текут благодарности слезы из глаз
На землю для славы Господней!

КОРОТОК ПУТЬ...

„...Dans ce trajet si court de la branche a la terre...“

Cyrano de Bergerac-Edmond Rostand

Короток путь от ветки до земли,
Осенний день печален, сер и мглист...
Безжизненно, как будто из петли,
Сорвался и упал на землю лист.

Момент разлуки был неуловим –
От ветки отломился черенок,
Как будто бы незримый херувим
Слегка его коснулся, дав толчок.

И ветер, как прозрачный парашют,
Понес к земле плавней, чем два крыла,
И лист забыл родных ветвей уют,
Забыл, какую жизнь его была.

Он перешел в иное бытие,
Отдался измерениям другим...
Так кончу я здесь странствие свое.
Дух запоем освободенья гимн.

В какой-то день... осенний, может быть,
(Мне Бог на это света не пролил.)
Я оторвусь от жизни, чтобы жить!
...Короток путь от ветки до земли.

УЛЫБКА КАПИТАНА

Корабль прибит к скалистым берегам,
Как птица, что в силки попала, бьется.
А на борту и шум, и крик, и гам,
И усмирить народ не удастся.

Какой-то осмелевший пассажир
Решил пробраться к капитанской рубке.
Скользя пошел, едва от страха жив.
Лицо, как мел, и тошнота в желудке.

Добрался к цели дальней кое-как,
Качаясь, спотыкаясь непрерывно.
Ему кричали: „Возвратись, чудак!“
Но он хотел увидеть капитана.

А капитан, прикованный к рулю,
Спокойно направлял корабль в море.
Как будто буре говорил „люблю“,
Как будто людям не грозило горе.

И на один счастливый полумиг,
Одним движеньем шеи полугибким
К дверям, где бледный пассажир преник,
Оборотил лицо свое в улыбке.

И тот помчался, словно на пожар,
Под ветра вой по палубе отлогой
Туда, где страх все пассажиров жгал
В комок дрожащий перед силой Бога.

„Все хорошо! Не бойтесь! – он кричал,
Хотя корабль качало детской зыбкой.
– Нас капитан выводит на причал!
Он там стоит с широкою улыбкой!

Я видел капитанское лицо.
Он улыбнулся мне из рубки!“
И страх разжал смертельное кольцо,
Убрал свой трепет леденяще жуткий.

Нам во Христе улыбку дарит Бог.
В Его руках надежных судьбы наши.
Кто разглядеть улыбку Его смог,
Тому суровой бури вой не страшен.

ПРОЗРЕНИЕ

Нелегко путь. Унылый человек
Панелью шел, потупив очи долу.
Весь город жил, кипел, погружен в спех,
А он едва ступал от дома к дому.

И мысли все мрачней одна другой
Из темных тайников души всплывали.
Троллейбус посверкал ему дугой,
Из окон чьи-то руки помахали.

Он дальше шел и думал об ином...
Он верил в Бога, и в любовь, и в милость.
Но вот беда пришла в счастливый дом,
Незваной гостьей в нем расположилась.

„К чему, Господь? Что думаешь достичь
Вот этим страшным причиненьем боли?
Чему меня Ты хочешь научить?
Тебе на скорбь глядеть приятно, что ли?“

Он незаметно вышел на пустырь.
Строители там церковь воздвигали.
И он присел под пыльные кусты,
Чтоб хоть на миг забыть свои печали.

Невдалеке рабочий молотком
Ровнял и шлифовал какой-то камень.
Прохожий, этим зрелищем влеком,
Побрел туда несмелыми шагами.

„Что мастерешь? – рабочего спросил, –
Из этой неприглядной, серой глыбы?“
Рабочий с камня пыль рукой струсил
И обнажил все грани и изгибы.

„Гляди, вон там, под шпилем, высоко,
Отверстие открытое зияет.
А тут вот под зубилом, молотком
Простая глыба контуры меняет.

Своей рукой по мерке и на глаз
Я камень здесь, внизу, тешу-ваяю.
К отверстию, что там вверху, как раз
По форме и размеру пригоняю...“

И отошел прохожий не спеша,
Просвет найдя во мраке дум печальных...
„Так вот зачем болит моя душа!
Благодарю, Ваятель безначальный!“

О БОЛИ

„Муж скорбей и изведавший болезни...“ Ис. 53.3

„Болезни уже не будет...“ Откр. 21:4

„Боли не прекращаются...“ Р. Березов

Не знали мы, что ли, о боли?
Нас болью кормили, пугали.
Мы боль вместе с жизнью впитали.
Мы носим от боли мозоли!

На сердце, на теле, на духе
Остались, как борозды в поле,
Следы и нарезы от боли –
На вкусе, на зренье, на слухе...

Мы с болью бывали, как дома, –
Привыкли, сдружились, слюбились.
Как с мачехой грозной, ужились.
Оскома от боли знакома!

У всех у нас разные роли,
Порою и разные цели.
Порой мы от боли в постели –
„И не прекращаются боли...“

Когда-то они прекращались.
Бывали просветы безболжья,
Покоя, блаженства, раздолья...
Мы, болей не помня, смеялись.

А нынче они одолели!
Но есть и над ними победа:
Христос их до смерти изведал,
Чтоб в вечности мы не болели.

Сдадимся пред болями, что ли?
О, нет, никогда не сдадимся!

Мы в вечное Царство стремимся,
Где нет и помина о боли!

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Дождинки-капельки на землю падают,
Поля иссохшие их жадно пьют.
Нас люди добрые безмерно радуют,
Когда насущное нам подают.

На небе сумрачном вдаль тучи тянутся,
Им ветер северный – попутчик, брат.
Нам крепко дороги те, кто останутся
Друзьями-братьями среди утрат.

Деревья клонятся, трещат их веточки,
Подпорки ставятся, чтоб их сберечь.
Нам люди добрые родней, чем деточки,
Когда приятны их дела и речь.

Ручьями-струйками вода стекается,
Бежит по улицам, по стокам труб.
Так люди добрые в молитвах каются,
Души волнение слетает с губ.

Надежда-ниточка едва заметная.
Помочь бы нам ее не перервать.
Людьми быть добрыми – мечта заветная:
Не только брать уметь, но и давать.

КРЫЛАТЫЕ ПЕСНИ

Крылатые песни нужны человеку,
Крылатые чувства, крылатые мысли,
Чтоб он устремлялся не книзу, а кверху,
В небесные дали, в надзвездные выси.

Земля так прекрасна! Она нас чарует
Полями, лесами, озерною гладью...
Но вечную жизнь только небо дарует,
Поэтому небо гораздо отрадней.

Пусть мир обещает земли улучшение,
Устройство, порядок, отсутствие брани...
Не может он дать от греха избавленья,
А если грех будет, мир будет изранен.

Красивы печальные песни земные.
Сердечные струны дрожат от их звуков.
Небесные ж песни для духа родные –
Домой возвращают Адамовых внуков.

От песен земных часто слезы струятся,
Тоска пробуждается, тянет куда-то,
Какие-то мысли и чувства роятся,
И хочется мыслей и песен крылатых.

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ

У зависти зеленые глаза –
Змеиные, что видят даже ночью.
Мне говорят, что это, мол, буза,
Что, дескать, даром зависть я порочу.

Но опыт моей жизни показал,
Что я ничуть здесь не перегибаю.
Да, зависти зеленые глаза
Любовь и дружбу часто убивают.

Не раз дружить хотелось от души
С красивой и талантливой особой,
Дружить, как просто дружат малыши, –
Самозабвенно, искренне, до гроба!

Но разделять и радость, и успех,
И боль, и горе люди не умеют.
Таится зависть глубоко у всех,
И люди льстят, играют, лицемерят.

И гордостью приправленное зло
Завидует под маскою общенья.
Оно на Крест когда-то увело
Христа – любви и правды воплощенье!

Соперничества дух терзает нас
И разбивает дружбу, братство, браки...
Живет прищуренный зеленый глаз.
Не говорите мне, что это враки.

РУКА ЛИЦЕМЕРЬЯ

Нам хочется верить, и трудно не верить,
И дня невозможно прожить без доверья,
Но между людьми закрываются двери
Рукой лицемерья, рукой лицемерья...

Поступками правду опять распиная,
Хвостом заматают, что ртом говорится.
И жизнь их такая – кривая, двойная,
Как жало у змея, – двоится, двоится...

Окрашенным гробом, снаружи красивым,
Христос называл в Свои дни лицемеров.
И книжников, и фарисеев спесивых
Поставил для нас негативным примером.

Он много народ упрекал за неверье,
За гордость, что служит паденью началом,
Но больше всего отрицал лицемерье,
И слово Его очень строго звучало.

„О, горе вам! Горе вам!“ – слышится часто
По адресу тех, кто душою кривили,
Но черствая совесть была у горластых,
И правду они ко Кресту пригвоздили.

Так хочется верить, и трудно не верить.
И, кажется, дня не прожить без доверья.
Но часто в сердца закрываются двери
Рукой лицемерья, рукой лицемерья...

В ТЕНИ

Нельзя бояться черного труда,
Простейшего, скромнейшего служенья,
Бояться, что кому-то руку дал,
Помог кому-то в трудном положении.

Стакан воды кому-то протянул,
Подушку взбил, поправил одеяло,
Плечом к плечу усталому прильнул...
Великое всегда творится в малом.

Не всем дано за кафедрой стоять,
Провозглашая Божии глаголы,
И тысячной толпе благовещать,
Окончив курсы богословской школы.

Гораздо больше тех, кому дано
На побегушках быть у престарелых,
Есть хлеб простой, пить скромное вино,
Быть незаметным членом Церкви тела.

Пусть к колоску ложится колосок,
Пусть за зерном зерно ложится в землю,
Пусть еле внятным будет голосок,
Которому один Спаситель внемлет.

Без шума, показухи и фанфар
Твори свое во имя Бога дело.
Пусть невелик твой заурядный дар
И применение его несмело.

Не жди сиюминутного плода.
Посев и жатва не одновременны.
Другой пожнет – и это не беда,
Лишь было б качество семян отменным.

А то, что труд порой предельно прост
И сам ты скромно светишь, скромно греешь,
Пожалуй, даже умножает рост
Того, что ты в любви незримо сеешь.

РОКОВОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Кто-то сказал: „Через десять лет
Бога убьем, заживем на славу!“
Но оказалось: простыл их след,
А Бог живет, как ни в чем не бывало.

Кто-то сказал, что за жизнь его
Всякая память о Боге сотрется.
Но оказалось: Бог – ничего,
А о том не помнят, как и зовется.

„Мы популярней Иисуса Христа!“ –
Вдруг возомнили горластые битлы.
Но группа рассеялась дочиста,
А тот, кто сказал так, лежал убитый.

„Что нам пророчества? Бога нет.
Библию люди простые писали...“
Но оказалось, что в ней секрет
Жизни и смерти, а те не знали.

И повели слепые слепых,
Вместе направив шаги к обрыву.
Это психоз ослепленной толпы,
Эта болезнь подобна нарыву.

Пусть же прорвется и заживет,
Пусть ослепленные чудом прозреют.
Бог ведь живет, Он вовеки живет!
Пусть же народ это уразумеет!

НЕЗАМЕТНАЯ

В любой сезон, во всякую погоду:
В июльский зной, в сентябрьский туман –
Она с утра, не прихоти в угоду,
Выходит на дорогу „one-o-one“.

На голове бесформенная шляпа,
А на плечах бесцветное пальто.
Ей некогда хозяйничать и стряпать –
Ее призванье, видите ль, не то...

А может быть, она и поспекает
С домашними делами как-нибудь,
Но только никогда не забывает
Вот этот свой к дороге главный путь.

Там полулежа, сидя или стоя,
Отставив палец, просит подвезти
Себя куда-то в сборище густое,
К спасенью не нашедшее пути.

Она в своих ботинках старомодных,
С громадной сумкой прямо к ним идет
И в руки этих странников безродных
Брошюры о спасении кладет.

Народ этот не купан и не чесан,
И признает одних только своих,
Она ж равнодушна к их вопросам,
С улыбкой принимает ругань их.

Под ветром, под дождем, под солнцепеком
Она свои брошюры раздает.
И служит нам она живым упреком,
Тревожит душу и на труд зовет.

Как дорог сон бывает на рассвете.
Нам нужен завтрак, вовремя обед...
А ей дороже гибнущие эти
И им спешит нести спасенья свет.

Неблагодарен труд ее сердечный:
Бродяга взял брошюру и ушел...
Но ждет Христос ее с наградой вечной.
Он видел все, заметил и учел.

НЕПРИЗНАННЫЕ

Лк. 4:30

„Пророка нет в отечестве своем“,
Нас ценят больше те, кто нас не знает.
Велик в Израиле голода объем,
Но Бог в Сидон пророка посылает.

И прокаженных много знал Израиль,
Но Елисей очистил Неемана –
Сирийца, что пророка в нем признал,
Не видя ни подвоха, ни обмана.

И в синагоге назаретской люд
Шептался, переглядывался, злился
И вывел Иисуса на скалу...
А Он, пройдя меж ними, удалился.

Поступок Иисуса громче слов:
„Не признают, уйду к другим отсюда“.
А то, что удалился средь голов,
Ведь тоже было настоящим чудом.

МЫ ХРИСТИАНЕ

*„Мы в отчаянных обстоятельствах,
но не отчаиваемся“ (2 Кор. 4:8)*

Бог прошел впереди, засекая отметины,
Оставляя следы на дорожной пыли.
Мы на зов Его тихий душою ответили –
По следам и отметинам в вечность пошли.

Редко были в пути мы объятьями встречены.
Нас мочили дожди, зной полдневный сушил.
А огни, что для нас были Богом засвечены,
Враг лукавый умышленно в злобе тушил.

У надломленных скорбью мужчины и женщины,
Как у почвы, что все, что могла, отдала,
Мелкой сеткой морщины легли, словно трещины...
На лице и на выпуклой форме чела.

Мы никем не воспеты, никем не отмечены,
Нам „ура“ не кричала в восторге толпа.
Нам награды здесь не были даже обещаны,
Мудрость мира дала нам „бумажный колпак“.

Мы ненужные, лишние здесь и отсталые,
Мы идем через жизнь, как прохожий с сумой.
Наши лица обветренны, ноги усталые,
Как у странников в долгой дороге домой.

И никто перед нами здесь не извиняется,
Нас толкают и дальше спокойно идут.
Направление от этого не изменяется,
Издательства нам не меняют маршрут.

Нам чужды отклонения и ответвления,
Но страда и беда нам роднее родных.
Бог идет впереди – не грозят отвращения,
Мы с открытым презрением смотрим на них.

Никому не нужны мы своими советами:
В мире много и так, мол, своих чудаков.
Убеждения наши – как что-то отпетое:
Человек, говорят нам, пошел не таков.

Мы в молчанье свои переносим страдания.
Тихий свет нас манит в неземные края,
Где навек оправдание всем ожиданиям,
Где обнимутся с Богом Христовы друзья.

Мы туда доберемся дорогой отмеченной,
По следам, что для нас оставляет Христос.
Мы спасеньем Его навсегда обеспечены!
Ну а вы разрешили спасенья вопрос?

ЗЕМЛЯ СВЯТАЯ

Земля святая! Сколько знала я
О ней по книгам, слухам и рассказам.
Ведь ей посвящена вся наша Библия.
Она всегда перед духовным глазом.

Каких прекрасных нету в мире стран!
И каждый вправе родиной гордиться.
Но там стоял Иерусалимский храм,
И Иордан по той земле струится.

И только там Бог неба воплощал
В земные формы вышние идеи,
Израиля наказывал, прощал,
Спасенье обещал от иудеев.

Там Слово стало плотию для нас
И пребывало в Человеке с нами.
Там люди увидали в первый раз
Того, о Ком пророчилось веками.

Там Он ходил, молился и учил.
По тем камням ступали Его ноги.
Их зной палил, приборой озер мочил,
Им вход открыт был в хаты и чертоги.

Там на холме, за городской стеной,
Он был распят, чтоб я жила вовеки.
Земля святая! Ну с какой страной
Сравнима ты в сознание человека?!

И потому я даже не берусь
Ни за сравненья, ни за обобщенья.
Благоговею, трепещу, молюсь,
Благодарю и плачу от волненья.

Так много чувств! Я об одном молю,
Чтобы народ, который там ютится,
Мог от души сказать Христу: „Люблю“ –
И в Нем навеки с Богом примириться.

ПЛАЧ НАД ИЕРУСАЛИМОМ

Иерусалим! О Иерусалим!
Скорбит душа, и душат горло слезы.
Пришел к Своим, в любви пришел к Своим,
А получил насмешки и угрозы.

О, сколько раз хотелось Мне собрать
Детей твоих, как птице желторотых
Под крыльев пух... Теплом Своим объять,
Питать и греть, беречь при перелетах!

Хотел любить, хотел от зла спасать,
Хотел простить, а вы не захотели...
О Иерусалим, доколе будешь спать
На жесткой, горем устланной постели?

Се, остается ныне дом ваш пуст!
Для избранных такая жизнь позорна.
Зачем хула неслась из ваших уст
На Сына Бога вашего упорно?

Познай Меня, прими, Иерусалим!
Приди, вернись, давай вдвоем поплачем!
Отец и Я и Дух тебя простим –
Любовь не может поступить иначе!

Иерусалим! О Иерусалим!
Я вновь приду в Моем небесном теле.
Остаток твой Я назову Моим
И больше не скажу „не захотели“.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Прозри (Мк. 10)

Дорогой пыльной шел в толпе Христос,
Ничем не отличаясь от других:
Хитон, сандалии, невидный рост,
На лбу бровей крылатых две дуги...
Но под бровями светлый взгляд очей,
Всевидящий, пронзающий насквозь,
Речь на устах – живой воды ручей:
Чиста, светла, мудра, пряма, как ось.
До нищего с протянутой рукой
Донесся слух, что Сын Давидов там,
И он, слепой, стуча своей клюкой,
Прорвал толпу и пал к Его ногам.
– Хочу прозреть! – несчастный возопил.
– Прозри! Ты жизнь по вере получил!

Прощение (Ин. 8)

Склонившись низко в прах у Своих ног,
Христос перстом чертил слова в пыли...
„Учитель! Моисей был мудр и строг.
Мы женщину в грехе сейчас нашли.
И по закону следует побить
Ее камнями до смерти за грех.
Как повелишь Ты с нею поступить?
Закон распространяется на всех!“
Толпа толкала женщину к Нему.
Она дрожала, бледная, как мел...
Но луч любви пробил злорадства тьму.
И суд перед прощеньем онемел:
„Пусть первый камень бросит в нее тот,
Кто без греха“... И отошел народ.

„Возьми постель... и иди“ (Мф. 9:6)

Когда прикажет Бог, никак не удержаться –
„Возьми постель с собою и иди!“
Чего не мог поднять, с чего не мог подняться,
Несешь, оставив слабость позади.
Чего не мог нести, что было не под силу,
Что гнуло вниз, прижав тебя к земле,
Пушинкой легонькой, лебяжьей, милой
Несешь вперед во свете и тепле.
Все потому, что больше не один ты,
Что Бог твой руки подложил под боль.
Покрыв весь долг, все погасил кредиты
И дал взамен любовь, любовь, любовь!

БЛУДНЫЙ СЫН

Лк. 15:11-24

(Старая притча с новым концом)

Младший сын в доме отчем был неопытен, молод,
Но манила дорога в путь далекий юнца.
Звал, как горы, как море, тайным голосом город,
И покинуть решился сын родного отца.

Сжег мосты за собою, взял при жизни наследство.
Ничего, что прощанье старика огорчит,
Ничего, что всю душу он вложил в его детство,
Ничего, что теперь она кровоточит.

Он пошел по дороге с узелком без оглядки.
В легком облаке пыли постепенно исчез...
А отец еще долго стоял у ограды,
Пока кто-то не кликнул его под навес.

И с тех пор каждый день выходил на дорогу,
Становился у края, где деревьев ряды,
И молился украдкой вездесущему Богу,
Вытирая ладонью капли слез с бороды.

А ушедший мятежник, до свободы дорвавшись,
Пропускал между пальцев свое серебро,
Что, слезами и потом родимым доставшись,
Сохранялось отцом сыновьям на добро.

И когда расточил, промотал, растранижил
До последней монетки наследство свое,
Голод грянул в стране. Перспективы страшили,
И пошел блудный сын на работу внаем.

Пас свиней у хозяев сын богатого дома.
Напитаться готов был рожками от них,
Но ему не давали... и, бедою влекомый,
Вспомнил блудный о доме, об отце и родных.

Вспомнил с горя, что слуги в доме отчем счастливей,
Чем голодный и жалкий он в хлеву у свиней,
И сказал: „Возвращусь в дом отцовский красивый,
Поклонюсь и покажусь пред семьею моею“.

И пошел по дороге от свиного корыта...
Шел оборванный, грязный, с колтуном в волосах...
Слабо верил, что дверь ему будет открыта,
Все же шел – без надежды, на риск и на страх.

Но за тем поворотом, где деревья, вздымаясь
В два ряда, приглашали в свою тень беглеца,
Чьи-то руки навстречу ему простирались –
Милосердные руки родного отца!

Он бежал, задыхаясь, до рыданий волнуясь,
Полный жалости к сыну, все забыл и простил,
Пал на шею в слезах, обнимая, целуя,
Ничего не напомнил, ничего не спросил...

Сын сказал ему: „Отче, недостоин быть сыном!
Согрешил перед небом, согрешил пред тобой!
Пусть наемником буду в твоём доме отныне.
Управляй сам, как хочешь, моею судьбой“.

И отец был растроган, дал рабам повеленье:
„Дайте обувь на ноги и одежду на ять,
Дайте перстень на руку – знак любви и прощенья, –
Заколите теленка, будем все пировать!“

Бог велик в милосердьи! Сын пропал и нашелся,
Уходил и вернулся, мертвым был и воскрес!
Возвращеньем отцу он по сердцу пришелся.
В сердце отчем всегда у любви перевес!

Повторялись несчетно возвращения эти.
Этой притче Христовой не сулилось конца.
Но поверите ль, братья, что есть люди на свете,
Что за блудность сыновью обвиняют отца?

КАМНИ

„Взгляните на скалу, из которой вы иссечены...“
(Ис. 51:1, Иез. 11:19)

Камни. Камни. Дома из камня,
Улицы из камня, лестницы из камня,
Сердца из камня...

„И возьму из плоти их сердце каменное,
И дам им сердце плотяное...“

Когда, Господи?

На полях камни, на полах камни,
Стены из камня, могилы из камня.

В домах без лифтов ступеньки из камня,
Площадки из камня, балконы из камня.

В учреждениях за дверями, куда ведут каменные
ступеньки,

Чиновники с пейсами, в ярмоках,
Черных шляпах, черных пальто, черных галстуках.
Сердца из камня...

„И возьму из плоти их сердце каменное,
И дам им сердце плотяное...“

Когда, Господи?

Ступени из камня – вверх, вниз, с горы, на гору.

Между домами узкие проходы из каменных ступеней.

Лавчонки торговцев, как каменные пещеры в склонах гор.

Загоны для овец – груды камней.

Межи между полями – ряды камней.

Камни, камни, камни, скалы...

Во святом граде стена из громадных камней.

Люди у стены, с внутренней стороны ее,

Целуют стену, целуют камень, плачут у камня.

Каменная стена между ними и их Иешуа Хамашиах,

Их Спасителем и Искупителем.

Сердца из камня...

„И возьму из плоти их сердце каменное,

И дам им сердце плотяное...“

Когда же, Господи!

КОГО ВИНИТЬ?

Нам добрая рука Небесного Отца
Дает питье и хлеб,
Дает для жизни пищу.
Нам некого винить, когда мы нищи,
И глух наш слух, и взор почти что слеп.

Когда уходит сын в безводные места
От чистых родников,
Полей и рощ тернистых,
Кого ему винить за путь тернистый,
За то, что ног своих не вырвет из оков?

Когда до хрипоты почти доходит зов
Прийти, принять и взять
Спасенье даровое,
Кого винить, когда не ценим дорогое
И вечные дары дерзаем отрицать?

Не сам ли человек в несчастье виноват,
Которое кует
Своими же руками?
В своей беде большой мы виноваты сами,
А не благой Отец, Кто счастье нам дает.

Осудим же себя и истину поймем,
Что дверь открыта нам,
А мы все метим мимо.
Оставим лабиринт путей непроходимых
И упадем в слезах к Спасителя ногам.

МУЖ ПО СЕРДЦУ БОГА

Деян. 13:22

По сердцу Бога мужем был Давид.
Но как же так? Ведь он грешил ужасно!
Его привлек чужой супруги вид,
Велением его был муж ее убит,
Отправленный, где более опасно.

Но неужели Слово Божье – ложь,
И Бог на ветер произносит фразы?
Такое и подумать нам грешно.
Оно всегда правдиво и верно,
Раз породил его премудрый Разум.

Так в чем же смысл таинственных сих слов?
Не в том ли, что Давид не побоялся
Сам письменно для будущих веков
И поколений через слог псалмов
Открыть свой грех – подробно в нем признался?

Оплакал грех, открыл его Творцу
И ни минуты не имел покоя,
Пока все дело не привел к концу,
Его представив высшему Лицу,
Пока Сам Бог прощенья удостоил.

О, если б мы могли вот так, как он,
Без страха, оговорок, извинений,
Открыть свой грех, чтоб он мог быть прощен,
Хотя на нас глядят со всех сторон,
Склониться перед Богом на колени

И изложить в подробностях грехи
Отчаянным и сокрушенным слогом,
Хотя они, как у царя, плохи,
И мы давно не знаем глаз сухих...
Мы тоже были бы по сердцу Бога.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Быть благочестивой и довольной –
Высшее достоинство души –
В зимний холод, в летний полдень знойный,
В шуме городов, в лесной тиши...

Быть беспрекословно благодарной
В урожайный и бесплодный год,
В засуху, в пыли ее угарной,
В ведро, когда дождь без меры льет.

Удовлетворяться благодатью,
Когда жало во плоти сидит,
Радоваться и рукопожатию,
Когда шею хочется обвить.

Равно, как в здоровье, так в болезни,
Славить за дары небес Творца,
За скалою и над краем бездны
Не менять ни сердца, ни лица.

Благодарность – это не избранье
Дней в последних числах ноября.
Благодарность – это состоянье –
Идеал земного бытия.

Благодарность – это когда хочешь,
Как Христос в страдании Своем,
От души сказать: „Прославься, Отче,
В каждом деле на земле моем“.

ЗА НЕГО САМОГО

Вместо обычных конечных итогов,
Вместо подсчета плода своего
Хочется больше прославить мне Бога –
За Него Самого! За Него Самого!

Можно ль Творца уподобить творенью?
Можно ли солнце с лампадой равнять?
Пламя костра – с негасимым гореньем?
С подписью личной – сухую печать?

Иов столкнулся с величием Бога.
После вопросов и жалоб умолк.
Голос из бури, как звуки из рога,
Что на сраженье зовут целый полк.

„Где был ты, Иов, когда основанья
Клал Я земли и простер небеса?
Если ты знаешь, открой твое знание,
Может, проник ты в Мои чудеса?“

Кто положил ей предел и руками
Сам сотворил все, что видишь на ней?
Краеугольный кто вытесал камень
Под ликование звездных огней?

Знаешь ли неба уставы благие?
Можешь ли их утвердить на земле?
Знаешь, чьи руки и силы какие
Смысл дали разуму, свет дали мгле?“

Праведный Иов замолк, ступежался.
Руку решил на уста положить.
„Я говорил, как безумный, – признался. –
Буду отныне по-новому жить“.

Где я была, где был ты, где мы были
В дальнее, древнее время, когда
Руки Создателя мир сотворили,
Первая в небе зажглася звезда?

Воды от вод отделялися с шумом,
Горы дымилась, и лава текла...
Вспомни ты, жалкий, где был ты? Подумай...
Где были все вы, и где я была?

Я только помню, как мир из хаоса
Бог в моем сердце больном сотворил.
Не было больше забот и вопросов –
Только хвала и служения пыл!

Как Он велик, как в любви непонятен!
Сколько простил! Сколько дал ни за что!
Все в Нем прекрасно, ни тени, ни пятен –
Чистый, благой, совершенно святой!

Время подсчетов и время итогов.
А у меня – ничего своего!
Я приношу благодарность лишь Богу –
За Него Самого! За Него Самого!

ГОРШЕЧНИК И ГЛИНА

*„И сошел я в дом горшечника, и вот,
он работал свою работу на кружале...“ (Иер. 18:3)*

Вертелось кружало, скрипело, жужжало –
Горшечник работал над новым сосудом.
Вода из кувшина на глину бежала,
А глина лежала бесформенной грудой.

Но пальцы горшечника в глину вцепились
И бросили глыбу на блюдо кружала.
И странные формы из глины лепились,
И глыба причудливо облик меняла.

То вазой изящной она становилась,
То форму кувшина легко принимала,
Под пальцы умельца покорно ложилась –
Струилась, сгибалась, стелилась, пласталась...

Горшечник вставал, отходил от кружала
И, око прищурив, глядел на творенье.
Слеза в его опытном взоре дрожала –
Порой умиленья, порой восхищенья.

А если из глины не то получалось,
Что замысел мастера ей предназначил,
В бесформенный ком она вновь превращалась,
И новым сменялся сосуд неудачный.

Господь – наш Горшечник, наш Образователь.
И спросит ли глина Горшечника дерзко:
„Зачем меня создал таким, мой Создатель?
Внутри у меня часто мрачно и мерзко“.

Он создал тебя для служенья и славы –
Для славы Ему, для служения людям.
Чтоб жил в тебе Дух Его чистый и правый,
И тѣк через край бесконечно, повсюду.

И МНИТСЯ

„Они ушли, а мы остались здесь, где всё, что было, есть...“

На холмике домик моих старичков
Стоит, как ни в чем не бывало.
Дымок из камина течет ручейком,
Свет в окнах столовой и зала.

И мнится мне: только к дверям подойди,
Звоночек нажми – и услышу:
„Кто там? Заходи, поскорей заходи
Под нашу семейную крышу“.

Да, именно мнится... За дверью живут
Другие какие-то люди,
Пожалуй, откроют и руку пожмут,
Но в дом не введут без прелюдий.

Чужая я им, и чужие они.
К чему им моя ностальгия?
И я прохожу и на окон огни
Смотрю, как на те – дорогие...

Смотрю на дымок над высокой трубой,
На плотно закрытые двери
И дальше шагаю с дрожащей губой,
На миг в то, что мнится, поверив.

СЕМЕЙНЫЕ ВОПРОСЫ

*„Почитай отца твоего и мать – это первая заповедь
с обетованием“ (Еф. 6:2)*

Еще глаза не высохли от слез,
Еще у сердца мышца не разжалась
С тех пор, как самый близкий нам вопрос
Бросал нас то в восторг, то в жалость.

Мы в мае вспоминали матерей –
Хороших и плохих, и просто.
Мы не закрыли памяти дверей,
Ведущих на могилки на погостах...

Живых и мертвых вспоминали мы,
И тех, кто жизнь в себе незримо носит.
Но май прошел, и вот июнь с немым
Вопросом на лице ответа просит.

У месяцев начала и концы,
И праздники свои, и дни рожденья.
В июне вспоминаются отцы.
О них всегда серьезней рассужденья:

Без лишних слез, сентиментальных фраз.
Мы помним, что отцы, хотя любили,
Суровее наказывали нас,
Больней, чем мамы, нас порою били.

Меж тем, как мамы, не смыкая глаз,
Тряслися над детьми и трепетали,
Отцам, казалось, было не до нас –
До радости до нашей и печали.

Отцы боялись лишний раз сказать,
Что любят нас, что мы им дорогие.
Не знали, как тепло из слов вязать,
А нам казалось, их сердца тугие.

И все-таки, и все же, если вдруг
Отец по волосам провел рукою
Или прижал к себе, как лучший друг,
Его любовь в тот миг текла рекою.

И не было сомнений в том, что он
На все пойдет, за вас костями ляжет,
Если придется, бросится в огонь,
Иль прыгнет в воду, если жизнь прикажет.

И мы вдруг понимали, почему
Его виски седыми были в сорок.
С каким трудом давался хлеб ему,
Что каждый член семьи безмерно дорог.

И волновал навязчиво вопрос,
Что почему-то часто так бывает,
Что, несмотря на силу и на рост,
Отец скорее мамы умирает;

Что вдов не свете больше, чем вдовцов,
Что нелегка отцовская работа...
И вдруг сжималось сердце за отцов –
Скупых на ласку, щедрых на заботу.

Ответственный за нас перед Творцом,
Отец хранит святое упование...
Почтим же с матерями и отцов
По заповеди, что с обетованьем.

БОГ

Бога легко искать,
Бога легко найти.
Бог – это благодать,
Бог – это свет в пути.

Это – любовь моя,
Это – добро твое.
Это – средь бурь маяк,
Отдых в конце боев.

Бог – это первый вздох,
Первый ребенка крик,
В новую жизнь порог,
В вечность манящий Лик.

Это – весенний дождь,
Это – осенний гром,
Это – по телу дрожь
В храме Его святом.

Это молитвы стон,
Гимнов хвалебных звук,
Это – земной поклон,
Это – скрещенье рук.

Бог – это вечный Дух,
Это – стихий закон.
Бог – это лучший Друг,
В бедах помощник Он.

Бог – это наш Судья,
Истины вечный Страж,
Бог – это суть моя,
Совести голос наш.

Бог – это в сотах мед,
Бог – это хлеб и соль,
Тот, Кто нам мир дает,
Тот, Кто врачует боль.

Это – любовь людей,
Это – прощенье зла,
Это – в душе моей
Мощный родник тепла.

Бог – это жизни пульс,
Это – надежды луч,
Щит от враждебных пуль,
Кров от нависших туч.

Это – голгофский крест,
Это – воскресный день,
Это – Благая Весть,
Крыльев могучих сень.

Это – святая кровь,
Это – прощенный грех...
Бог – это та любовь,
Что обнимает всех.

ПАМЯТИ МАМЫ

Моя горбушечка-старушечка,
Куда девалась ты, родная?
Мамуся, мамочка, мамушечка,
Я без тебя совсем иная.

Я стала более плаксивая –
Чуть что, и слезы взор туманят.
Я стала менее спесивая –
Пусть говорят, что, мол, ума нет.

Всю жизнь учила меня доброму,
Святому, чисто благородному.
Твои заветы в сердце собраны,
Как перлы мудрости народные,

Для передачи поколениям,
Для наставления наследников.
Старушечка моя нетленная
Красноречивей проповедников.

Вся жизнь твоя была сиянием,
Вся жизнь твоя была свечением,
Небесного с земным сиянием
Для подражания, повторения.

Моя ушедшая старушечка,
Тебя здесь нет, но ты осталась –
Ведь навсегда покой нарушился
У тех, к кому ты прикасалась.

Их потянуло не к верхушечкам,
А выше, за вершины снежные,
Куда ушла моя старушечка, –
В края небесные, безбрежные.

ЭХО

Годами писала, годами читала,
А эхо молчало в расселинах гор.
И сердце устало, и ждать перестало,
И все почитало за пепел и сор.

Годами молчали глухие ущелья –
Немые, далекие, темные рвы...
Напрасно, на ветер стихи неужель я
Бросала, как семя от сорной травы?

Смирилась я с мыслью, что эха не будет
И отклик откроется мне в небесах.
И все же молилась, мечтала о чуде,
А стрелки стояли на Божьих часах.

И вдруг пробудилось далекое эхо,
И звуки до слуха по ветру пришли.
И было, простите, тогда не до смеха,
До слез было... Слезы из глаз потекли

От радости тихой, от звуков ответных,
От чувств половодья – разлива души,
От слов ободренья поэту: „Не сетуй,
Мы слышим... А ты вдохновляйся, пиши!“

За что эту радость даруешь мне, Боже,
Что эхо не спит в летаргическом сне?
За то ль, что слова Твои сеяла, может,
А Ты говорил: „Враг их не превозможет“
И „Тщетно они не вернутся ко Мне“?

ПОСЕЩЕНИЕ РОДИНЫ

Я б не назвала это возвращеньем,

Ведь возвращенье – это навсегда.

Я бы назвала это посещеньем

Оставленного навсегда гнезда,

Пустого и с давно остывшим пухом,

Лишенного исконного тепла,

Того, что чувствует ребёнок духом

И в жизнь несет, куда б ни повела.

Я посетила родину земную,

Ее простой березовый ландшафт,

Шестнадцатую линию родную,

Калиновку и терриконы шахт.

Ходила в парк, стояла перед школой,

Перед театром и перед кино,

Вдыхала воздух, как всегда, тяжелый,

Пила родную речь, как пьют вино.

Но речь была, как воздух, загрязненной

И резала, как прежде, слух и дух,

Толпа осталась злой и раздраженной,

К нужде другого каждый слеп и глух.

Повсюду грубость, хамство, разгильдяйство,

Угрюмость, зависть, пьянство, торгаши...

Постиг банкрот безбожное хозяйство,

Постиг банкрот безбожие души.

Еще осталось что-то от искусства,

От русской одаренности, но жаль,

Размаха нет, и часто скучно, пусто,

И непристойность сбросила вуаль.

И все-таки и в этом антимире

Есть благородство душ и луч добра.

Россия при таком ориентире

Пробьется к правде, хоть толста кора.

Есть Божья церковь, вставшая из праха,

Бил-бил ее режим и недобил.

Грозил ей и ГУЛагом он, и плахой,
Но отступил в стыде пред Богом сил.

И верится, что Бог восторжествует:
Семидесятилетний рухнет гнет,
Народ вздохнет, найдя тропу прямую,
И на плуги мечи перекует.

Не может быть, чтоб участью России
Безбожие осталось навсегда.

И я молилась, слез не пересилив:
— Сними проклятье с нашего гнезда!

„МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН“ (Дан. 5:25)

„Он есть Мой избранный сосуд...“ Деян. 9:15

Бог долготерпелив, но не навек терпенье.
Есть у Него черта, кто ступит за нее,
Свершает роковое преступленье
И Божий гнев сам на себя влечет.

Годами можно попира́ть святыни,
Сажать за веру, мучить за Христа,
Костями наполнять ущелия пустые
И хищников гонимыми питать.

Все до поры, до времени возможно
Тому, кто слух к истории закрыл,
Кто правдой пренебрег и сжился с ложью,
И сам себя законом объявил.

Кто ж в Библии читал про пир у Валтасара,
О реках вин и горах апельсин,
О том, как на стене в ту ночь рука писала
Слова: „МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ“ и „УПАРСИН“,

Тот знает, почему царя постигла драма,
Чем перешел черту и страшный суд навлек:
Он приказал внести сосуды, что из храма
Его отец в набеге уволок.

И из священных чаш – святынь Иерусалима –
Наложницам и женам дал он пить
Во славу идолов из камня, меди, глины –
И тут оборвалась терпенья Божья нить.

И мудрый Даниил слов толковал значенье
(Веселый царь стал бледен, как мертвец):
„Исчислил царство Я, и нет тебе спасенья.
Я положил тебе и царствию конец!

Ты взвешен на весах и оказался лёгким.
Я царство разделю – соседям дам твоим“.
Вот смысл тайны и для всех уроки
В словах: „МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ“ и „УПАРСИН“.

История не лжет, на свет выводит правду.
И зло не сходит с рук, хоть долго Бог молчит.

Уж если освятил Он что Себе по праву,
Он это отстоит и в пору защитит.

Открой глаза, смотри и трепещи, презренный!

Где Голиаф, Ахав? Где царь Сеннахирим?

Где гордый Вавилон? Где Ирод, царь надменный?

Где Грозный царь Иван и все, кто были с ним?

Сей список продолжать возможно бесконечно:

Ариец Гитлер где и Сталин-властелин?

Распад и гибель ждет смеющихся над Вечным

От слов: „МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ“ и „УПАРСИН“.

УРОКИ

На облаках летят молитвы верных
К престолу Бога и во имя Сына.
На облаках невидимых, эфирных
Летит хвала и горькая кручина.

Все мертво там, где не летят молитвы.
Зловонье тлена пропитало местность.
Мертвец сдает позиции без битвы.
Его распад уносит в неизвестность.

Веками в мире рушились системы.
Остались по империям руины.
Их камни вопиют, они не немые,
А мы не слышим. Мы глупы, наивны.

Спросить бы, что им подточило стены,
Что помогло в руины превратиться?
Там идолам – исчадию геены –
Служить умели страстно и молиться.

Безбожие и идолу поклоны,
Детей родных Ваалу принесенье.
Цивилизации скатились в бездны лоно...
Мы примем ли истории ученье?

Там, где молитвы тихо к небу льются –
К престолу Бога и во имя Сына,
Там есть надежда, там за хлеб не бьются,
Там в радость превращается кручина.

ПРОСТО

Быть может, ты искал. Быть может, сомневался,
Не спал ночей, впиваясь в потолок...

Соседу за стеной твой стон смешным казался,
А ты был одинок, безумно одинок!

Быть может, ты читал. Быть может, углублялся
В труды людей, где промелькнул „Христос“.
Но, как сигнал во тьме, тот образ удалялся,
Как твой сосед, не уловив твой SOS.

Быть может, думал ты. Быть может, так казалось,
Что слишком узок путь и слишком прост указ.

Быть может, в голове все время не вязалось,

Что только Он ОДИН весь мир от смерти спас.

Быть может, был вопрос: не все ль дороги к Богу?

Быть может, склонен был податься за Буддой,

За Магометом, Кришной, через йогу

Раз навсегда разделаться с бедой...

Быть может, рассуждал: зачем все так кроваво?

И вообще: к чему нам для прощенья кровь?

И Божий приговор так абсолютно право

Смерть воздает за грех... а где ж любовь?

Любовь? Она висит там, на кресте голгофском.

Смотри, она себя за всех нас залила.

Там Сын исполнил замысел Отцовский,

Чтобы никто за грех не умирал.

Любовь? Смотри, в саду послушная гробница

Отцу в смиренье Сына отдала.

Он вечно жив! Чего ж тебе не спится?

Надежна благодатная скала!

Ты прав, что узок путь, но нет пути иного.

Есть только крест Христов и только благодать.

Да, просто все, но нам ли спорить с Богом?

Не лучше ли поверить и принять?..

ВОПРОС

Ходил Христос в хитоне белом,
Бесшовном с плеч и до краев,
Обветренный и загорелый,
Вдоль галилейских берегов.

Хрустела галька под ногою,
Сушились сети на ветру,
Ходил народ за Ним толпою
Бесменно – в холод и жару.

Сидели, затаив дыханье,
И слушали, разинув рот.
Был тайною источник знания –
Учитель Он или пророк?

Он говорил такие речи,
Что не вмещала голова.
Не зря Его Иоанн Предтеча
Сам Агнцем Божиим назвал.

И не случайно голубь белый
Спустился с неба и почил
На Нем, когда Креститель смело
Его в святой реке крестил.

Не зря в момент благословенный
Глас прогремел из облаков:
„Се, Сын возлюбленный нетленный,
Отныне слушайте Его“.

Гадала, недоумевала
В те дни Священная земля,
Ему восторженно внимала,
Не понимая, но хвала:

„Скажи нам, Ты ли наш Мессия
Или другого нужно ждать?
И мудрость у Тебя, и сила...
Кто Ты? Ответ не бойся дать!“

Он отвечал, когда просили,
И ропот превращался в тишь.
На „Царь Ты, Бог или Мессия?“
Давал ответ: „Ты говоришь“.

Ответ был на слова простые
И духа правильный настрой:
„Я знаю, что придет Мессия“ –
„Я Тот, Кто говорит с тобой“.

И ныне Он в хитоне белом
Приходит к сердцу на порог.
Открой Ему и верой зрелой
Скажи: „Войди, мой Царь и Бог“.

КТО ОН?

(Евр. 3:1)

Он был Посланник и Первосвященник,
Творец и Бог, Судья и Человек,
Страдалец-Раб, Учитель, Соплеменник,
Царь иудейский, Врач земных калек.

Был кроткий Странник, ревностный Хранитель
Неосквернения храма от менял.
Победы Церкви был Предвосхититель –
Пророчеств о Себе не отменял.

От первых слов Священного Писанья
И до последних речь идет о Нем.
Он Альфа и Омега мирозданья,
Отец и Сын и Дух творят втроем!

Постигнем ли когда-нибудь все тайны,
Что перед нами Он, сокрыв, раскрыл?
И веры дар, нам данный не случайно,
Молитвы дар – полет беззвучных крыл?

Кто Этот, Кто перевернул планету,
Дав летоисчислению почин?
Нет слов земных, чтоб этому предмету
Дать должную оценку, должный чин.

Все пережил, во всем участие принял,
Лишь победил присущий нам искус.
Пришли к Нему, и Он нас не отринул.
Кто Он? Христос, Сын Божий – ИИСУС!

ПОЮТ ХРИСТИАНЕ

Не знаю, как вы, ну а я не слыхала
Нигде у буддистов, ни у мусульман,
Во славу вождя их святого хорала,
Ни гимна, ни сладкого звука псалма.

Там медь и кимвалы, трещотки и четки,
Ритмичное фраз повторенье одних.
Но нет ораторий осмысленно четких,
Нет дивных напевов – глубоких, святых.

Религии мертвой вожди не сумели
На музыку неба своих вдохновить,
Чтоб люди так пели, так пели, так пели,
Чтоб дух мог от слов и созвучий ожить.

Жрецы и брамины, шаманы не могут
Так петь, чтобы песни касались сердец,
Чтоб люди от них обращались к Богу,
Его называя по-детски: „Отец“.

И только Христос, Кто на крест поношенья
Вознесся, чтоб мир от греха искупить,
Такой дал заряд от Себя вдохновенья,
Что музыка славы вовек будет жить.

И песнь христианства не ведает равных.
Прощенный, спасенный поет, как никто.
В его алилуйях, осаннах преславных
Есть отзвуки неба и жизни поток.

Те дивные звуки людей поднимают
Над всем, что гнетет, прижимая к земле.
Поют христиане, и грешник вникает,
И дух покидает и тлен свой, и плен.

Не знаю, как вы, ну а я не слыхала
В религиях мертвых стозвучный орган,
Ни Генделя труб и ни Баха хорала,
Ни гимнов, что есть у одних христиан!

КОВЧЕГ ЗАВЕТА

(Ии. 3:16, Иер. 3:16)

В ковчеге лежали скрижали –
Истина, Божие Слово.
В ковчеге был жезл миндальный –
Смерть, ставшая жизнью снова.
В ковчеге сосуд был с манной –
Хлеб, с неба народу данный.
Ковчег был в середине стана –
С народом вблизи непрестанно.
Ковчег был путем общения,
Покаяния и примирения.
Его крышка с двумя херувимами
С наклоненными крыльями длинными
Была местом крови кропления –
Знака нашего искупления.
Там, где крылья, склонясь, смыкались,
Бог и грешник чрез кровь встречались.
Там престол Божьей милости вечной,
Пред которой, пав ниц, человечество
Обретает Его прощение!
Эти символы очищения,
Эти средства Богоявления
Получили свое исполнение
В Сыне Божьем – Его рождении,
Его жизни, кресте, погребении
Там, в саду, в одинокой гробнице,
Где истории Божьей страницы
Шелестели в движении крыльев
Херувимов в пустой могиле,
Из которой Иисус ушел.
Жезл ожил, распустился, расцвел,
Плод принес – жизнь навеки по смерти!
Люди ищут ковчег, но не верьте
Этим поискам безуспешным,
Этим горестям безутешным.

Они ищут ковчег со скрижалями.
Потеряли. Им очень жаль его.
Манна нет, нет жезла миндального...
И не будет. Тот символ дальний,
Символ древний нашел исполнение:
Во Христе совершилось спасение!

БЛАГОДАРЕНИЕ АГНЦУ

Когда звезда последняя погаснет,
Земля и все дела на ней сгорят
И лязгнет бездна ненасытной пастью,
Отец и Сын опять проговорят.

И Божий Дух, как яркая комета,
Над тьмой взовьется, как когда-то встарь,
И новая появится планета,
И на престол взойдет Спаситель-Царь.

И скажет Он, сидящий на престоле:

– Отныне Я все новое творю...

Я Альфа и Омега, верный в слове.

„Свершилось!“ – ныне снова говорю.

Исчезнет диавол навсегда, навеки,
Не будет зла, что мы терпели с ним.
И с новым именем святые человеки,
Воспев, войдут в святой Иерусалим.

Там воды жизни светлою рекою
Чрез новый город понесут всем мир,
И Агнец Божий Сам Своей рукою
Невесту поведет на брачный пир.

И древо жизни, что когда-то было
Источником бессмертия в раю,
Двенадцать раз в году плоды обильно
Даст, чтобы исцелять спасенный люд.

Ни смерти и ни зла уже не будет,
Сам Агнец слезы нам с очей отрет,
И каждый горе там свое забудет,
В блаженстве вечном с Богом заживет.

Как можно при таких обетованьях
Не пасть к ногам Того, Кто мог их дать?
И с ангелами вместе с ликованием
Не восклицать, а, может быть, кричать:

– Достоин Агнец закланный, воскресший
От нас принять все, что под небом есть:
Благословенье, славу, силу, крепость,
Благодаренье и хвалу, и честь!

МОЛИТВА О ДРУЗЬЯХ

Когда молился Иов о друзьях,
Тогда Господь воздал ему сторицей.
Когда ж последний раз молилась я
О тех, о ком не хочется молиться?
 Когда последний раз молилась я
 О тех, кто бок о бок со мной ходили,
 Но чей язык и слишком зоркий глаз
 Во мне одно плохое находили?
Мне легче помолиться за врага
Невидимого, призрачно чужого.
А о друзьях, что здесь, в моих кругах,
В молитве часто не находишь слова.
 Но Иова терзали не враги –
 Его друзья „по дружбе“ допекали.
 За все слова, за все его шаги
 Они его беззлобно упрекали.
И горько было Иову от них,
От этих наставлений и советов.
Он возмущался, а потом утих,
Не защищаясь больше от наветов.
 И по совету Бога о друзьях
 Смиренно и от сердца помолился.
 Словами описать того нельзя,
 Как быстро он своей беды лишился.
Замолкли сердобольные друзья.
Душа страдальца ввысь рвалась, как птица.
...Когда ж последний раз молилась я
О тех, о ком не хочется молиться?

ТЕНЬ

(Еккл. 7:1; Прит. 22:1)

Нетрудно на язык попасть толпе
И стать в народе притчей во языцех –
Лишь стоит строгость сократить к себе
И даже не упасть, а оступиться.

И кто-нибудь, заметив твой спотык,
Раздует так, что можно испугаться.
И ты уже не тот, кем быть привык,
Когда не знал про важность репутаций.

И ляжет тень на имя вдруг твое,
И под сомненьем будет даже честность,
Ведь тень то забегает наперед,
То вслед ползет за нами в неизвестность.

Быть может, потому сказал мудрец,
Что имя доброе дороже лучшей мази,
Что не начало важно, а конец
Того, кто имя уберег от грязи.

* * *

*„Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня;
и чего боялся, то и пришло ко мне“ (Иов, 3:25)*

Чего боимся мы сильнее всего на свете?
Что нас пугает даже больше смерти?
Бездомности боимся, обнищанья,
Болезни, одиночества, скитанья,
Насилия, обид, непониманья,
Гонения, насмешек, поруганья...
Чтобы невинно нас не обвинили,
Не оболгали, тайно не судили,
Чтоб для издевки нас не обнажали,

Чтобы в лицо нам злобно не плевали,
Не били по щекам, не заушали,
Чтоб наше имя с грязью не мешали,
Чтобы венки терновый нам не свили,
Чтобы повязкой глаз не ослепили,
А после тростью голову не били,
Плетьми спины бы не полосовали.
А если б даже нас казнить решали,
Чтобы на кресте нас не распяли.
Гвоздей бы в руки, ноги не вбивали,
И желчью с уксусом не „освежали“,
Копье под ребра нам бы не вонзали,
При том сверкая гневными глазами.
Уж лучше к стенке иль под гильотину,
Но не через ужасную картину
Агонии мучительной, публичной,
Позорной, унижительной, безличной,
Какой распятых древле подвергали
Те, кто приватность смерти попирали.
Да, вещи есть, которых с вами мы
Бежать хотели б, как бегут чумы.
Хотя, признаться, что с большой лихвой
Мы заслужили список скорбный мой.
О, слава Богу, что Иисус Христос
За нас все это кротко перенес!
Повергнутые в трепет, плач и страх,
Мы каялись пред Ним в своих грехах
И приняли Его бесценный дар:
Ту жизнь, что Он нам Своей смертью дал.
И если б за любовь мою к Нему,
За веру, верность Богу моему
Меня постигло что-то из того,
Что нас пугает более всего,
(И в этом был бы явно Божий перст.)
Тогда, Господь, пусть даже и на крест!

В АВСТРАЛИИ – НА УЛИЦАХ СИДНЕЯ...

(Правдивый рассказ английского проповедника)

Мы разбирали Библию совместно.
Делились кто свидетельством, кто знаньем.
И юноша застенчиво встал с места
И начал так свое повествованье:

„Я был в Австралии. По улицам Сиднея
Бродил без цели, смысла, направленья.
Вдруг кто-то сзади чуть коснулся шеи
И сунул в руку мне листок для чтенья.

С листка в глаза бросались четко строчки:

„Где будешь после жизни в мире этом?“

А я не знал... Пошел в отель и ночью

Все прочитал и понял до рассвета.

С тех пор я со Христом шагаю в небо,
Спасен от вечной смерти осужденья.
В Австралии с тех пор ни разу не был,
Не знаю, кто мне дал листок для чтенья...“

Прошло полгода. На другом собранье

Друзья читали, пели и молились.

Я предложил свидетельствовать парню.

Мы с ним совсем недавно подружились.

Он начал так: „В Австралии, в Сиднее...“

Я наострил, насторожившись, уши.

„Мне кто-то сзади, чуть коснувшись шеи...“

И я понятливо кивал и слушал.

А через месяц в незнакомый город

Меня послали с проповедью Слова.

После собранья для общенья повод

Представился внизу... И слышу снова:

„Была в Австралии. На улицах Сиднея...“

На этот раз приятный женский голос

Спокойно, не краснея, не бледнея,

Почти такую ж рассказал нам повесть.

Ну, думаю, какое совпаденье!

Я в третий раз все это слышу точно!

Но если придется быть в Сиднее,
По улицам его пройду нарочно.

И не прошло, представьте, даже года,
Как старший брат дает мне порученье:
„Езжай в Австралию, ведь там свобода
Для проповеди Божьего ученья“.

И вот и я в Австралии, в Сиднее,
По улицам брожу, людей не зная.
Вдруг кто-то сзади чуть коснулся шеи,
А я ту руку сразу же хватаю.

В руке листовка, в ней вопрос знакомый:
„Где будешь после жизни в мире этом?“
И тут мне горло сшнуровало комом –
Почуял разрешение секрета.

„Я умственно отстал, – сказал мужчина, –
Писать, читать, простите, не умею.
Христос-Спаситель вырвал из пучины,
И я пошел по улицам Сиднея.

Не знаю, есть ли польза от стараний,
Никто сюда ко мне не возвращался.
Да и не важно, я для Бога странник,
Ему по гроб служить я обещался“.

Я рассказал ему об обращениях,
Через его листки спасенных овец.
И слезы благодарного смущенья
Катились по щекам у незнакомца.

Мы обнялись и плакали открыто.
Мне все понятней стало и виднее.
Сокровище мое было зарыто
В Австралии, на улицах Сиднея.

СМЕРТЬ ДЕРЕВА

Живучий плющ на юге, как на севере,
К стволу южанки пальмы присоедился.
Ему ползти дано, а он о дереве
Всю жизнь мечтал и рослым стать надеялся.

Сперва вокруг ствола венки приземистый
Он свил. И пальме это даже нравилось.
Ствол у нее нагой, лишенный зелени,
А плющ, казалось, исправлял неправильность.

„Пускай растет, – сказала пальма весело. –
Пускай ползет, цепляется, курчавится...“
Сама же ветки по ветру развесила,
Не чувствуя, как соки убавляются.

Сначала ею даже любовались все.
Чужая зелень выглядела собственной.
И ветви пальмы издали казались
Плющевых листьев продолженьем
родственным.

Но день настал, когда ростки плющевые
Защекотали подбородок пальмовый.
В тот день закат бросал лучи багровые
Зловеще, словно огнемет напалмовый.

И почему-то пальма не ответила
На щекотанье хохотом залившимся.
Она, бедняжка, наконец заметила
Что сделал плющ ползанием извилистым.

Уверившись, что лишь на хрип приглушенный
Способно горло в жалком состоянии,
Она взмолилась: „Боже, вырви душу мне
Из диавольского к жизни прирастания!“

ДВЕ РОДИНЫ

(Пс. 102:9)

Есть родина земная. Это мать,
Что нам дала родные корни где-то...
Мы не забыли первую кровать,
Ни первую тетрадь, ни стенгазету.
Там были наши первые слова,
И первые шаги, и первые мечтанья,
Жюль Верна, Чарской первая глава
И музыкой до слез очарованье.
Все это было где-то там давно
И где-то глубоко щемит нам душу.
Но лучшее predetermined
Нам было на чужбине... После пушек,
Среди еще дымящихся руин
И полного распада и развала,
Когда, как пораженный исполин,
Иная родина с колен вставала.
Ей, недобитой, было суждено
Стать родиной (уже не в смысле строгом),
Когда у ее ног, раздавленных войной,
„Ауслендеры“ в слезах встречались с Богом.
О, милости Господней глубина!
„Не до конца Всевышний негодует“.
За тех детей, что унесла война,
Он Сам детей духовных ей дарует.
Страною той была Германия
Для тысяч обездоленных изгоев,
Кого возврат домой пугал, как мания,
Кто для своей души искал покоя.
В скитальческих казармах-лагерях
Благая весть им возрождала души.
И в это время там была и я.
Мне родиной была Германия –
Духовною, которой нету лучше.

БЫЛО НЕКОГДА

Мне было некогда от корки и до корки
Читать энциклопедию на полке,
Прослушать все концерты, все куплеты,
Пластинки все и аудиокассеты;

Все книги прочитать в библиотеке,
Запомнить ярлыки микстур в аптеке,
Ответить на все письма и приветы,
Попробовать торты все и конфеты;

Увидеть семь чудес, все континенты,
Поплыть на пароходе вокруг света,
Увидеть все восходы и закаты,
Все шалаши, и хижины, и хаты,

Дворцы, музеи, стелы, мавзолеи,
Все парки, карусели и качели...
Мне было некогда (а жизнь все дальше мчится)
Со взрослыми детьми наговориться

Не на ходу, не в праздник – при застолье,
Не на похоронах – вприкуску с болью,
И не по телефону в „три минуты“,
Все главное забыв и перепулав.

Мне было некогда. Всегда была работа
До стресса в голове, седьмого пота...
И церковь, посещения и собрания,
И отклики на чье-нибудь страданье.

А дети, внуки, занятые тоже,
Разъехались кому куда угоже,
И некогда нам посидеть гурточком
С внучатами и сыном или дочкой

По-настоящему для искренней беседы,
Обмена мнений, как когда-то деда...
Боюсь, чтоб на плите не написали:
„Ей было некогда. Мы плохо ее знали“.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

При свечах, сияющих празднично,
Я свою заменяю мать.
Мне детьми наперед заказано
Повесть древнюю им читать.
 Я, уставшая, поседевшая,
 Постаревшая, как она,
 Сквозь очки, слегка запотевшие,
 Прочитаю ее сполна.
А в душе отголоском режущим
Дебри памяти, как кастет,
Будет голос знакомый с нежностью
Говорить о движенье лет.
 Не осталось ее уж сверстников.
 Незаметно сменился страж.
 И уже у ее наследников
 За плечами солидный стаж.
Моему дано поколению
Эстафету вперед нести
И ту повесть святую, древнюю
Передать, сохранив в пути.
 Поколения, поколения...
 Время движется – не догнать!
 Книгу жизни открыв, в смирении
 Буду внукам ее читать.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ

(Памяти матери)

Утром, в сентябре, лет пять назад
Ветви от плодов в садах отвисли.
Тяжесть век не подняли глаза.
Мать ушла... Скорблю от этой мысли.
Мне твердят: „Пора уже забыть.
Все уйдем, все „там“ когда-то будем.
Старых ран не нужно теревить,
Теребя, воспоминанья будим“.

Кажется, она вот где-то тут –
В отдаленье телефонной трубки.
Ее вещи дарят мне уют,
Делая на памяти зарубки.

Помню ее сильной, молодой,
Бесконечно доброй, безотказной.
Помню в голод „фокусы“ с едой,
Очень скудной и однообразной.

Помню песен колыбельных звук,
Градусники, банки и компрессы.
Помню теплоту, проворность рук,
Одним махом расслаблявших стрессы.

Помню ее веры глубину,
Широту страдающим служенья,
Благородства духа высоту,
Сердца емкость, знаний накопленье.

Многое, по милости небес,
От нее ко мне пришло по генам.
Жаль, не все... Есть крен и перевес
Своего чего-то в моих венах.

Богу благодарна за нее,
Ту, что стала матерью моею.
Чаю воскресения ее,
Чаю дня, когда увижусь с нею.

А пока то утро в сентябре
Будет вызывать, как на экране,

Матери головку в серебре,
Рук тепло на незажившей ране.

ВИДЕНИЕ

Уже, казалось, прошлое забыто.
Я полюбила пальмы, лавры, мирт
И пряности, растущие открыто,
И всех сортов пахучий эвкалипт.
От эвкалипта пахнет скипидаром,
Закрыв глаза, стою в его тени.
Вдруг вижу детство – я в постели с жаром –
И слышу: „СПИ, ДИТЯ МОЕ, УСНИ...“.

То мать поет, мелодию придумав
На текст, что был в ее душе храним.
До носа укрывает, чтоб не дуло,
Мурлыча: „СЛАДКИЙ СОН К СЕБЕ МАНИ...“.

Натерла грудку, и не душит кашель,
Губами лоб проверив, отошла.
И пенье уже слышится чуть дальше,
Но внятно: „В НЯНЬКИ Я ТЕБЕ ВЗЯЛА...“.

С отцом в сговоре перешла на шепот,
Постель раскрыла и в нее легла.
Но все еще глухой доходит рокот
Той песни: „СОЛНЦЕ, ВЕТЕР И ОРЛА...“.

А мне казалось, прошлое забыто
И жизнь к закату катится, как шар...
Как вдруг в тени пахучей эвкалипта
Воскресло детство, мать и...скипидар.

ЛЕТНЯЯ РАДОСТЬ

Кипарисовым стройным забором наш сад обрамлен
После щедрых дождей бархатист изумрудный газон.

Из кувшина у феи на лилии брызги летят
От струи, что разбилась о камень, зажатый в бетон.

Синева васильков породнилась с небес синевой,
И колибри парит, целясь клювом в душистый бутон.

Смоква вся в молодых и еще несозревших плодах,
А под ней вестник осени близкой – пунцовый пион.

Помидоры алеют в тени под густою ботвой,
Кабачок без усилий взрастил свой зеленый „батон“.

Птица синяя села спокойно в тарелку с едой.
И давно воробей своим домом считает балкон.

Сколько лет или дней подарит нам на старость Господь?
Тот вопрос на совете предвечном Его предрешен.

Чувств избыток пролился из сердца хвалебным псалмом:
Слава Богу за все! Это Он! Это Он! Это Он!

В ГАМАКЕ

Под ветвистой сосною приятно лежать в гамаке.
Звон эоловой арфы звенит где-то там, вдалеке...

Тихим днем хорошо отдыхать, и мечтать и писать
После трудной работы в цветущем саду, в холодке.

Строчки сами ложатся на лист предо мною, стелясь,
И, родившись в душе, отдаются охотно руке.

Светел мысли полет и широк ее крыльев размах,
И уверенно, смело летит она ввысь налегке.

Не до прозы душе. Вся в поэзии нынче она.
И пульсируют ритм, как волна на горячем песке.

Где-то там города, суета, и нужда, и беда...
Здесь же рая кусочек в моем под сосной гамаке.

ВЕРНИТЕ МУЗЫКУ СТИХАМ

Иногда, забывая певучесть и музыку слов,
Мы плодом увлекаемся наших немудрых голов.

Только б что-то сказать, незатейливой рифмой прикрыв,
Не считаясь с тем, что серьёзный читатель суров.

Терпелива бумага, еще терпеливей перо,
Потому и приносим так много незрелых плодов.

Всяк в поэты спешит угодить без усилий и слез,
Без бессонных ночей, без упорных над рифмой трудов.

Повторяют чужое, свое не умея создать.
Как блины, пекут то, чему быть бы нектаром богов.

Мы избранники неба, и тема у нас высока.
Повенчаем же с музыкой тему духовных стихов!

НА ОЩУПЬ

(Венок полусонетов на злобу дня)

I.

Где абсолютных истин нет,
Там света нет в конце туннеля.
И проводник „мели-Емеля“
Народ слепой ведет в кювет

Чрез лес дремучий или рощу.
Но там, где серый волк – сосед,
Там только ползанье на ощупь.

II.

Там только ползанье на ощупь –
С болотом зыбким под ногой.
Взор напряжен, спина дугой,
В душе мечта о твердой почве.

И убеждается воочью,
Что стал лукавого слугой
Над краем бездны темной ночью.

III.

Над краем бездны темной ночью
С инструкцией на рукаве,
Без указаний в голове –
Не относительных, а точных,

Он не отыщет Божий след,
Коль тот покинут был нарочно...
И нереально слово „свет“.

IV.

И нереально слово „свет“,
И жизнь без смысла и значенья.

Основ лишенное ученье,
Как без гарантии завет.

Угрюмо там, темно, сурово
И тучами закрыт рассвет,
Где веры нет в Творца живого.

V.

Где веры нет в Творца живого,
Там все пути ведут в тупик.
Ребёнок, юноша, старик –
Все дня страшатся рокового...

Сработал диавольский навет –
Непроницаемым покровом
Последний заслонен просвет.

VI.

Последний заслонен просвет,
Исчез надежды лучик бледный,
Ушел за горизонт бесследно,
Послав последний свой привет.

Темно и пусто всюду снова,
На крики, вопли эха нет,
Раз не было „В начале“ Слова.

VII.

Раз не было „В начале“ Слова
У ослепленного вождя,
Он шел куда глаза глядят
И вводил с собой другого.

Манил надежды тихий свет,
Но он искал пути кривого,
Где абсолютных истин нет.

МАДРИГАЛ

Где абсолютных истин нет,
Там только ползание на ощупь
Над краем бездны темной ночью
И нереально слово „свет“.

Где веры нет в Творца живого,
Последний заслонен просвет,
Раз не было „В начале“ Слова.

НЕПРЕСТАННО МОЛИТЕСЬ

(1 Фес. 5:17)

Что сказать Тебе сегодня, Боже?
Хочется с Тобою говорить
О тоске, что душу мою гложет
И в виске настойчиво стучит.

Не прошу, чтоб Ты давал название
Этой неопознанной тоске.
Иногда полезнее незнание
О причинах „сверльшка“ в виске.

Иногда нам лучше верить слепо,
Так, как верят слепо малыши.
За руку Отца держася крепко,
Следовать движениям души.

Для меня „молиться непрестанно“ –
То же, что дыханье, чтобы жить.
Боже, мне от сердца постоянно
Хочется с Тобою говорить.

ОПЯТЬ К СОНЕТУ...

Опять к сонету тянется рука,
Влекаемая его размером строгим,
Желая прикоснуться к родникам,
Дарованным сравнительно не многим.
И рифму с мыслью тонко повенчав,
Еще раз, пока в легких есть дыханье,
Стихом воспеть начало всех начал,
И волн Святого Духа колыханье.
Они несутся за волной волна –
За благодатью благодать приходит.
Душа полна, удовлетворена
И строчку за строкой легко выводит.
Струится сам из-под пера сонет,
Словами отражая вышний свет.

ВСЮ ЖИЗНЬ ИСКАЛА...

Всю жизнь искала Божьего лица.
Искала света в темноте земной.
Она порой сгущалась надо мной,
Сжимая хватку своего кольца.
Бывало непосильно тяжело,
Рыдание сводило скорбью рот,
Но где-то впереди светился Тот,
К Кому меня настойчиво влекло.
Под споров гул о разных мелочах
Я ввысь рвалась за светом на пути,
Боясь трясин, и паутин, и тин...
И этот леденящий жилы страх
Толкал меня к Тому, Кто кроток, тих
И ВСЕМОГУЩ в сияющих лучах!

ОН ТОЛЬКО ПРАВДУ ГОВОРИЛ

Он только правду говорил всегда.
„Кто обвинит Меня в неправде?“ – вызов встал
Тем, перед кем вокруг Него тогда
Народ весь раболепно трепетал.
„Был искушен во всем, кроме ГРЕХА“,
Греха тончайшей сатанинской лжи,
Которая, как лопасть лемеха,
Врезается подспудно в нашу жизнь.
От лжи исходят все наши грехи.
Ложь – это беззаконье, зло из зол!
Ей зверь – отец, не просто, но архи,
И ложь его позорный „ореол“.
Сын Божий непричастен ко ГРЕХУ,
К любому, но особенно к тому,
Который повергает душу в тьму.

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, никому не важно, что
Я здесь живу, дышу, скорблю, люблю...
Быть может, рассмеется кое-кто
Над горькими слезами, что пролью.
Быть может, миру и не до меня.
В нем миллиарды в точности таких,
Как эта точка во вселенной – я.
И ни к чему ему мой жалкий стих.
Но Кто-то есть, Кому не все равно,
Кто каждую былинкой дорожит.
И слово уст моих уж тем красно,
Что обличенный грех пред Ним бежит,
А откровенный, торопящий зов
Принять зовет Спасителя любовь.

ЖИЗНЬ КОРОТКА

„Жизнь коротка“ – звучит банально то,
Но если правда, то пускай звучит.
Сочатся дни сквозь жизни решето,
И смотришь, смерть уж и к тебе стучит.
На днях опять столпился скорбный круг
У гроба милой женщины – сестры.
И дети, внуки, жизни верный друг
Сидели у удушливой горы
Венков прощальных из живых цветов,
Отрезанных от жизни, как и ты,
Чье тело среди рюшей кружевов
Под крышкой гроба скрылось навсегда.
И мы стояли, скучившись в кружок,
И думали: „Короток жизни срок...“.

В КОНЦЕ ПУТИ

В конце пути все стало ни к чему:
Кому раздать из накоплений склад,
Записки, книги, тряпки, хохлому,
Картины, статуэтки, мебель?.. „Клад“
Не нужен больше. Даже тяготит.
И все же дорог чем-то... Может быть,
Тем, что воспоминания дарит
О тех, кто жили и не будут жить
Здесь среди нас, в уютных сих стенах,
Где тени их еще пока живут
С тоскою рядом о былых речах,
О смехе, о слезах... и к ним зовут.
И я держусь за них, хоть знаю: прах
Они, и мы, и вещи – все, что тут...

НА ЧАСТИ РАЗВАЛИЛСЯ

На части развалился наш Союз –
„Единый, нерушимый“, что „навек“
Вокруг себя соединила Русь,
Как в гимне пелось с флагами на древке.
Вожди слепые сборище слепых
Столкнули в пропасть, как бизонов стадо.
Но Бог спасает в пору, кого надо,
И превращает грешников в святых.
Открылись двери для живого Слова.
Открылись шлюзы – потекла вода.
И истина пробилась к душам снова
Так, как не пробивалась никогда.
Надолго ли? От нас сокрыты сроки.
Но не сокрыты прошлого уроки.

МЕНЯ ПУГАЕТ...

Меня пугает слово „легализм“.
„Законничество“ – было бы по-русски.
Оно другой напоминает „изм“,
Свободу подавляющий и узкий.
Но вкрался, к сожалению, в среду
Общин святых он древних, галатийских.
К тому ж еще, на общую беду,
Живёт и в украинских и в российских.
„Того нельзя“, „сега не надевай“,
„Там не садись“, „а с тем и не общайся“,
„Аминь“ в конце стихов не забывай
„И вообще поменьше улыбайся“...
Запомнить все, что мелко, нелегко.
Не позабыть бы то, что глубоко.

НА БЕРЕГУ

На берегу под мерный плеск волны
Песчаный замок строят чьи-то дети.
Они пока пред взрослыми в ответе
И им отчет за все давать должны.
Из водорослей сделали забор
И ров вокруг наполнили водою...
А матери хлопочут над едою,
Вполголоса ведя свой разговор.
Но ветер слов их нить перехватил,
До слуха донеся обрывки звуков,
Послышался знакомый лейтмотив
Всех матерей для всех детей и внуков:
– Песчаный замок, может быть, красив,
Но вряд ли стоит времени и сил.

СТЕНА СЛЫХАЛА...

*(Сонет на отрывок из поэмы Хаима Гурина
„Парашютисты плачут“, посвященной
Шестидневной войне. 1967 г.)*

Стена слыхала много голосов,
Видала крах не одного оплота,
Несчетно ощущала пальцы вдов,
Совавших в щель записки из блокнота.
Слыхала разъяренную толпу,
Ногами раздавившую раввина,
Восстанья и падения стопу
Не одного вождя и исполина.
Но никогда еще за все века
Не видела стена парашютистов.
Но вот разгоряченная щека
Припала к ней... И вопль был неистов
Тех мальчиков с слезами на очах,
Две тыщи лет несущих на плечах...

КТО УЧИЛ?

Возвратились в Хуан Капистрано
Стаи ласточек ранней весной.
Над стеной монастырской без крана
„Барельеф“ водрузили лепной.

Кто учил их искусству такому?
Кто пропорции точные дал?
Почему прицепляется к дому
Мертвой хваткой простой материал?

Кто сказал им, когда возвратиться,
Гнезд строительство к сроку начать?
Кто внушил этой крохотной птице,
Как, куда и когда ей летать?

Нынче много у нас программистов,
И компьютеры им – ерунда!
Но из гнезд глинобитных „монисто“
Будет тайной для них навсегда!

Им не вычислить формулы смеси
Из пропорций земли и слюны,
Ни способности птичьей повесить
Гнезда выше отвесной стены.

Постоим, затаивши дыханье,
Не скрывая волненья лица,
Пред загадочным этим созданием
Снимем шапки и склоним сердца.

ОТКУДА?

Откуда к нам идут стихотворенья –
Элегия, сонет или куплет?

Великое творит по вдохновенью
Простейший, только от сохи, поэт.

И если бы не это дуновенье,
Не этот ветер в наших парусах,
Никто б не написал стихотворенья,
Картины бы никто не написал.

Откуда появляются поэмы,
Подобные брюссельским кружевам,
С серебряною нитью общей темы
И общей мысли, вплетенной в слова?

Откуда появляются стихи?
Спроси у тех, кто те слова рифмует,
У тех, кому Господь простил грехи,
У тех, кто пишет те стихи не всуе.

Влетела искра от куста степного,
Что, полыхая ярко, не сгорал,
И полилось рифмованное слово
Неудержимо, как девятый вал.

Не видят чуда критики сухие,
Хотя б из мертвых кто-нибудь воскрес.
Но ведь тот факт, что вот пишу стихи я –
Не меньшее из Божиих чудес!

ЖЕНСКАЯ ЛИРИКА

Добавочные измерения,
Шестые или больше чувства,
Как поцелуй святого гения,
На сердце женского искусства.

То не предвзятость восприятия,
Не гордость злого феминизма.
Очищен дух в крови Распятого,
И Божье Слово – его призма.

Но просто в плане доброй критики
Я свое слово беспристрастное
Скажу в защиту женской лирики,
Как мнение сугубо частное.

Возможно, потому что мало их
В рядах поэтов христианских,
Решил Господь сестер побаловать –
И местных, и заокеанских.

И даровать таланты тонкие,
Настрой душевный и глубокий...
И льются их поэмы звонкие,
Бегут с мужскими вперегонки.

А там, где „финиш“ лентой алою
Манит победой чемпионов,
Получит женщина усталая
Свой первый приз: букет пионов!

(Июль 1993 г. Конференция поэтов в Киеве)

НА УТРЕННЕЙ ПРОГУЛКЕ

Стара снаружи, молода внутри.
Отказываюсь внутренне стареть.
Мой вечный дух с зари и до зари
Пел, и поет, и вечно будет петь.

Он был когда-то заражен грехом
И был на зло и гибель обречен,
Но во Христе был оживотворен,
На небеса навеки водворен.

Стареет тело, часто устает,
Болят колени, плечи и спина,
Но на рассвете все-таки встает –
И на прогулку я иду одна.

Встречая солнца первые лучи,
Внимая хору птичек на заре,
Я слышу – дятел клювом в столб стучит,
И вижу – крот прорыл „окно“ в земле.

Журчит водичка в узком ручейке,
Бездомный шевелится под кустом,
Весь скарб его в заплечном рюкзаке,
Заботы все о кошельке пустом.

Сова сорвалась с ветки за кротом.
Лисица ветер нюхает и ждет,
Авось, в нору к семье с голодным ртом
Грядущий день ей что-нибудь пошлет.

А я шагаю, старость позабыв,
Пружинит шаг, и ровен сердца стук.
Глубок мой благодарности порыв –
Поет душа, и ум поет, и дух.

То песни звуки на моих устах,
То вдруг стихотворения строка.
„Он посадил меня на небесах!
Меня ведет вперед Его рука“.

Стареет тело – я на вид стара.
Мне отдает почтенье молодежь.
А я пою Творцу уже с утра.
Я вечно с Ним! Ну как не запоешь?!

ЛУЧШЕЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Все, от высокого до низкого и пошлого,
Шло через жизнь, не замедляя шаг,
Не создавая „золотого прошлого“,
К которому тянулась бы душа.

За прошлое, как нечто драгоценное,
Которое уже нельзя отнять,
Цепляются, когда все современное
Не может больше удовлетворять.

Но если жизнь еще полна значения
И озарений, что питает дух,
Тогда не в прошлое впадают зрение,
А в те огни, что впереди зовут.

Стремление все к лучшему и лучшему
Даст стимул жизни и на подвиг пыл.
„Все впереди! Да, все еще получится!“ –
Девиз того, кто в прошлом не застыл.

Нам не дано, почив на лаврах прошлого,
О добром старом времени вздыхать.
Дано на вызов, нам когда-то брошенный,
Стремиться ввысь, трудиться и дерзать!

БЫЛОГО ТЕНИ

В реке вода с зеркальным двойником
Прибрежного ольшаника и кленов,
А я дитя без слез горько-соленых
У горла, что сдавил обидой ком.

Все нипочем! Обязанностей нет.
Была бы только мама под рукою.
Мне так легко быть маленькой такою,
Когда грядущее – большой секрет.

Беспечность детская – блаженства апогей!
Ложусь, встаю, играю и гуляю...
Я бунтами правительств не свергаю,
Ни „за“, ни „против“ чьих-то там затей.

Любовь – еще семейное понятие.
Я влюблена пока в отца и мать –
Их речь и ласку вечно б принимать
И вечно б утешаться в их объятьях.

Увы! Прошли далекие те дни.
И только в тихий час иль в сновиденье
Со dna души всплывут былого тени –
И усомнишься: „Были ли они?!“

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Городок был бы раем, достойным стиха
И резца, и палитры художника,
Если б не было столько повсюду греха
И катящихся в бездну безбожников.
В городке благодать бы была от цветов,
От высоких деревьев и кустиков,
Если б не было столько на розах шипов,
И на зло враг людей не науськивал.
„Горе миру сему от соблазнов“, – сказал
С болью в голосе Сын Человеческий.
И не раз Его взор застилала слеза
От растления душ искалеченных.
Он пошел на Голгофу, чтоб зло удалить,
Чтобы нас возвратить в лоно Отчее.
Своей Кровью купил нам свободу, но жить
Нам пока нужно здесь непорочными.
В атмосфере греха, беззаконья и зла
Нелегко нам сиять Его святостью,
Но Господь дал нам Духа Святого не зря
И не зря наделил вечной радостью.
Почему ж тогда все-таки бледен наш свет
И на соль сей земли не похожи мы?
Это личный вопрос. Каждый личный ответ
Даст когда-то пред Святостью Божией.
Помоги нам, Господь, среди терний-шипов
Источать Твое благоухание.
И в долине печали, страданий, грехов
Излучать Солнца правды сияние.

Я НЕ ЗНАЛА ВРАГОВ

Я не знала врагов.

У меня никогда их и не было.

Я ножа не точила на мокром бруске втихаря,

И чужда мне злопамятность,

Мести бессонность не ведома,

И злорадство не жгло

В голове и душе фонаря.

Мне знакома обида,

Задетое в кровь самолюбие.

Это гордость, я знаю,

Но было б нечестно молчать.

Она свойственна всем –

От царя до раба, простолюдина.

Это шило в мешке,

Что наружу стремится торчать.

Мне знакома тоска, и разлука,

И разочарованность,

Сожаленье, бессилье

Попавшего в яму зверька,

О спасении вопли,

И сердца от плача надорванность,

Как у бьющихся в стену глухую

В конце тупика.

Это все мне знакомо,

Войну и беду перемыкавшей,

Потерявшей родных,

И знакомых, и даже детей.

Но врагов я не знала,

И к мести, и злу непривыкшая.

Бог берег от врагов,

От засад, от коварных сетей.

Мне знакомо прощенье
В ответ на мое покаяние,
Избавленье от сжавших
Мне душу до боли тисков.
И откуда-то сверху
Текущее в сердце сияние,
Облегчения вздох
От свалившихся тяжких оков.

Мне знакома хвала,
Необъятная, неудержимая,
Что, в груди нарастая,
Волной набегает к устам
И бежит через край,
Теплотою сердечной движимая,
За опять обретенный
Однажды потерянный рай!

В СОВЕТАХ ДОБРЫХ...

В советах добрых недостатка нет,
Когда от слез глаза не видят неба.
Так Иова друзья, ища ответ
На тайну боли, делали дулеба
Из праведника мудрого в беде,
Скоблящего болячки черепицей.
Он вежливо внимал пустой галде,
С защитой не желая торопиться.
Он мысленно испытывал себя,
Блуждая по подземным коридорам
Своей души, пытаясь не грубя
Отпор дать надоевшим разговорам.
Хорош бывает вовремя совет,
Когда злорадства в нем ни капли нет.

СТАРЕЮЩИМ МАТЕРЯМ

Когда стареют матери у нас,
Мы видим вдруг, что срок земной не вечен,
Что потускнел, когда-то зоркий глаз,
Спина согнулась, опустились плечи.

И ласковая, добрая рука
Покрылась сетью жилок и морщинок,
И седина не только на висках,
И поступь ненадежна, как суглинок.

И хочется отдать родимой честь
За жизнь, семье подаренную ею,
Сказать: „Спасибо, мама, что ты есть,
Спасибо, что тебя еще имею“.

И окунувшись в памяти родник,
Ее глазами в прошлое проникнув,
Увидеть, как наш самый первый крик
Ловила мать, сама от счастья вскрикнув.

Наш первый вздох, наш первый жалкий вскрип
Был ею впитан, навсегда с ней слился.
И поцелуй ее, как монотип,
На лобике у нас запечатлился.

Взглянув на запись прожитых страниц,
Увидеть свою маму на коленях,
Пред Господом склонившуюся ниц,
Скрепившую цепочку поколений.

Когда-то так молилась ее мать,
И так потом молились ее дети,
И внуки тоже будут повторять
Живой пример из глубины столетий.

Отрадно знать, что мать пока что здесь,
Ей честь отдать еще дана возможность
За то, что чрез нее благая весть
До нас дошла сквозь град учений ложных;

За то, что не взирая ни на что,
Она нас правде Божией учила,

А за грехи, коль уж пошло на то,
Бывало, что и розги не щадила.

Почтим ее за то, что до ума
Нас довела она своим терпеньем.
Достойна чести христианка-мать,
Как женщина с высоким назначеньем.

Она уйдет... но это далеко...
Пока же срок и ей, и нам дарован.
Как хорошо нам с нею и легко!
Останься с нами, мать, и будь здорова!

НЕИЗМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Путь предо мной залит бывает солнцем,
И всюду свет и аромат цветов.
Хвала из уст сама собою льется
За бирюзу небес на дне колодца,
За глубоко в душе Отца любовь.

Но иногда густы в долине тени,
И надо мной тяжелых туч покров.
Все безотраднo, блекнет цвет растений,
И все же я склоняюсь на колени
И ощущаю Божию любовь.

А то не раз – сплошные неполадки,
Сплошные бури и весь путь суров,
Сомненья, опасения, догадки...
И все же рядом Тот, с Кем все в порядке,
Чьи неизменны верность и любовь.

Он обещал всегда пребыть со мною,
Не подводить меня, не оставлять,
И день, и ночь паря над головою,
Со всех сторон оберегать Собою
И излучать любовь и благодать.

МЫСЛИ ПЕРЕД КОНЦОМ ВЕКА

Я не искала для себя эпохи,
Не знала, как в двадцатый век попала
На площадь, где плясали скоморохи,
Где публика смеялась и рыдала;

Где нищие просили „Христа ради“,
Слепые завывали под гармошку,
Сновали воры спереди и сзади,
Все время норовя подставить ножку;

Где еще дымом пахло от восстаний,
И колокол церковный пал, расколот,
А крест был сорван... Вздернулося знамя:
На красном фоне накрест – серп и молот;

Где новый „бог“ засел в Кремле напрочно,
И мы ему поклоны отбивали,
А Богу своему молились ночью,
Да так, чтоб и соседи не слышали.

Я не искала для себя эпохи,
Но... надо же! В двадцатый век попала!
Могла б родиться при царе Горохе,
Пожалуй, и беды б чуть меньше знала.

Но Бог сулил родиться в этом веке
В стране „великого эксперимента“,
Где жалкие духовные калеки
Себя и всех обвили алой лентой;

Зло поощряли, за добро сажали,
Приветствовали ложь, как добродетель,
И тут же рядом пели и плясали,
Убийцу называя „благодетель“.

Войны кровавой волны накатились.
Мы всей семьей в ее водовороте.
Шесть лет метались, плакали, молились,
А смерть ждала на каждом повороте.

На площади все ширилось, смешалось,
Мерещились далекие просторы...
Толпа, как прежде, плакала, смеялась,
А нам – дорога за леса и горы.

Двадцатый век, событий важных полный –
Прогресса, роста, небывалых темпов,
Зачем ты выпал мне, неугомонный,
Не избранный, а суженый мне Кем-то?

Менялась площадь и менялись лица –
Нет многого и многих и в помине.
Двадцатый век к своей кончине мчится,
А с ним и я лечу к своей кончине.

Глотаю слезы, приглушаю вздохи,
В конце пути все помня от начала.
Я не искала для себя эпохи,
Все ж не случайно в этот век попала.

ДЛЯ ЧЕГО Я ЖИЛА?

(Деян. 17:26-27)

„Для чего мы живем на земле?“ –
Ты спросил от души, без утайки,
Пока я на кухонном столе
Наливала нам чай не китайский.

И заставил задуматься вдруг
Над пройденной тропинкой знакомой,
И, на время забыв про досуг,
Вспомнить ставшее нам аксиомой.

Для чего я жила на земле,
Волновалась, смеялась, грешила,
Бедной Золушкой в серой золе,
Прибирая свой дом, копошилась?

Может быть, для того, чтобы слух
Уловил соловья и кукушку,
А глаза – тополей легкий пух
И залитую солнцем опушку?

Может быть, чтобы досыта я
И наслушалась, и навидалась,
И ушла в область небытия,
Как все те, с кем давно распрощалась?

Чтоб своих провожая друзей,
Я платочком им влажным махала,
И их лица в сердечный музей
Относила и бережно клала?

Для чего я жила на земле?

Чтоб, тоскуя, томясь и страдая,
Разобравшись в добре и во зле,
За добром потянулась и раем?

Чтобы суженый встретился мне
И в глаза заглянул бы интимно,
Чтоб тепло (не мороз) по спине
Пробежало, как отклик взаимный?

Чтоб я стала невестой, женой,
Юной матерью, бабушкой старой,

Чтоб ушло все в могилу со мной,
Даже в памяти чтоб не осталось?
Для чего я жила на земле?
Для всего, что я выше сказала?
Нет, чтоб, свет разглядевши во мгле,
Я источник его отыскала.

Для чего я жила на земле?
Чтобы, Бога найдя, с Ним в общенье
Строить жизнь на могучей скале,
Получив от Него всепрощенье.
И тот дар, что Он Сам мне принес,
Возвращать Ему в творчестве духа,
Трогать души стихами до слез,
Доносить Слово жизни до слуха.

Ну, а ты, для чего этот шар
Посетил, жизнь начав колыбелью?
Для того же, что я! Только дар
Был иной тебе дан с той же целью!

НА КРАЮ...

Оттремела молодость грозою,
Крылья ветра унесли года,
И сегодня кажется бузою
То, что важным виделось тогда.

В юности кипели бурно страсти,
Каждый взгляд и голос волновал,
А рассудок даже сотой части
Смысла бытия не понимал.

Глупые, бессмысленные планы
Строились, как замки из песка.
Будущность окутали туманы,
Смерть была чужда и далека.

А теперь, бросая взгляд в былое,
Заглянуть в грядущее боюсь.
Слишком близко бытие иное,
Кратко пребыванье на краю...

Утешает то, что было время
Средних, зрелых, плодоносных лет
С опытностью древнего еврея,
Кому Слово Божье – не секрет.

Что-то было в тишине открыто,
Что-то в час молитвенный дано,
Что-то с Божьей помощью забыто,
С помощью Его не прощено.

Что-то силой Духа совершалось,
Что-то колосками в сноп легло.
С чем-то сердце плохо уживалось.
Этим „чем-то“ были грех и зло.

Потому наивысшим утешеньем
В этой шаткой позе на краю
Служит то, что во Христе – спасенье
И что зла не будет там, в раю.

Будет свет, и святость, и общенье,
Счастье и живой воды река.
Будет славословье, песнопенье,
И любовь... любовь на все века.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Следы на песке	9
Дар неизреченный	10
Песни	12
Весенний ветер – Дух Святой	13
Земля и небо	14
Молитва благодарения	16
Пейзажи	18
Еще не поздно	19
Путь волхвов	20
Даром	21
Хорошие люди	22
Ноги Спасителя	24
Взгляни на птиц	26
Пришлите мать... ..	27
„Мальчишку, шедшего домой...“	28
Хлеб и вино	29
Голгофа	30
Невидимые руки	31
Новогоднее	32
Подними меня	33
Господь мой и Бог мой	34
Молитва матери	36
Мечты	37
Поэты	38
Тишина	40
Нам не дано... ..	41
Клад	42
Почему?	44
Я б хотела... ..	46
„Ты дал мне жизнь...“	48
„Казалось, что ночь...“	49
„Я думаю, что делала бы я...“	50
Встреча	52
„Жить нужно так...“	53

Тихая пристань	54
Чудо возрождения	55
Христос воскрес	56
Гордость	57
Наш век	58
Пасхальное	60
Отец	62
„Мне Господь посылает...“	63
Тверд в слове Бог!	64
Голгофская жертва	65
Научи умирать	66
Уединение	68
Вера	70
Молитва	71
Любовь	72
Язык	73
Богу	74
„Господь, мы спим...“	75
„Не параллели и меридианы...“	76
Отец	77
„Есть один только путь...“	78
Родине	79
У Его ног	80
Хлеб	81
„Я была пустырем...“	82
Нужно знать	84
Благодарю	85
Божий дом	86
Человек	88
Боже мой	89
„Пожалей меня, Боже...“	90
Молитва	90
Он молился о нас	92
Возьми крест твой и следуй за мной	94
Терпи душа	96
Царь грядет	97
Это ты	98

Господи, гряди!	99
Тысяча миль	100
„Мы слышим голос...“	102
Молодежи	102
Всех выше	104
Эдельвайс	106
Он и мы	108
Тайна искупления	110
Если нет воскресения... ..	111
Он мой	112
Спроси мать	114
„Мать во взгляде ребенка...“	115
„В колени матери...“	116
Души детей	117
Незамеченная героиня	118
Стюардесса	120
Завтра	122
Помощница	123
Сердца биение	124
„Силуэты деревьев...“	125
Крылья	126
Слезы	127
Деревья-гиганты	128
„Кого-то любили...“	129
Равнодушие	130
Бамбук	132
Новое сердце	135
Воспоминание Рождества	136
„Есть годы...“	138
„Кто-то рискует жизнью...“	139
Общение	140
Две смерти	142
Если... ..	145
Уходит время	146
За поворотом	147
Сон	148
О воде	149

„В лужице с зеленой водой...“	150
Вернулась	151
Я есмь...	152
Он и я	153
Страх и знание	154
Ветер	155
Утешение	156
Свет и тень	157
Есть	158
Молитва	159
Кто я?	160
Если думать...	161
„За все благодарите“	162
Клевета	164
Не суди	165
Любишь ли Меня?	166
Прости	168
Что если?	169
Научи	170
„Но любовь из них больше...“	170
Люди	171
Неповторимые	172
Я люблю стариков	173
Лица	174
Двойственность	175
„Иегова-ире“ – Бог усмотрит	176
Ноеминь и Руфь	178
Вера, надежда, любовь	180
Иаков и Рахиль	180
Мама	182
Зов	183
Жизнь	184
Новое и старое	186
Музыка	187
Да и нет	188
Почему?	188
С годами	190

Ты и я	192
Тире	194
Прекрасные места	195
Непонятый Царь	196
Перед рассветом	197
Победа жизни	198
Я хочу	199
Верные приметы	200
Под смоковницей	201
Приду опять	202
Следы и плоды	203
Капли жизни	204
Переход	205
Те, кого весь мир был недостоин	206
Прикосновение	207
Свобода	207
Не лги	208
Ему отдам... ..	208
У реки в день отдыха	209
Пещеры Великого каньона	210
Продли... ..	212
Доброта	213
Пища свыше	213
Пятьдесят лет	214
Передышка в пути	216
Перемены	217
В плену часов	218
Он жив!	220
Листья и семена	222
В ту ночь... ..	223
Живая вода Вифлеема	224
Короток путь	225
Улыбка капитана	226
Прозрение	228
О боли	230
Добрые люди	231
Крылатые песни	232

Зеленоглазая	233
Рука лицемерья	234
В тени	235
Роковое заблуждение	236
Незаметная	237
Непризнанные	238
Мы христиане	239
Земля святая	241
Плач над Иерусалимом	242
Евангельские миниатюры	243
Блудный сын	245
Камни	247
Кого винить?	248
Муж по сердцу Бога	249
Благодарность	250
За Него Самого	251
Горшечник и глина	253
И мнится	254
Семейные вопросы	255
Бог	257
Памяти мамы	259
Эхо	260
Посещение родины	260
„Мене, мене, текел, упарсин“	263
Уроки	265
Просто	266
Вопрос	267
Кто Он?	269
Поют христиане	270
Ковчег завета	271
Благодарение Агнцу	273
Молитва о друзьях	274
Тень	275
„Чего боимся мы сильнее...“	275
В Австралии – на улицах Сиднея... ..	277
Смерть дерева	279
Две родины	280

Было некогда	281
Смена поколений	282
Незабываемая	283
Видение	284
Летняя радость	285
В гамаке	285
Верните музыку стихам	286
На ощупь	287
Мадригал	289
Непрестанно молитесь	289
Опять к сонету	290
Всю жизнь искала... ..	290
Он только правду говорил... ..	291
Быть может	291
Жизнь коротка	292
В конце пути... ..	292
Чума	293
„А в Боснии...“	293
На части развалился	294
Меня пугает... ..	294
На берегу	295
Стена слыхала... ..	295
Кто учил?	296
Откуда?	297
Женская лирика	298
На утренней прогулке	299
Лучшее еще впереди	300
Былого тени	301
Свет во тьме	302
Я не знала врагов	303
В советах добрых... ..	304
Стареющим матерям	305
Неизменная любовь	306
Мысли перед концом века	307
Для чего я жила?	309
На краю	311

Имя поэтессы и писательницы Веры Кушнир широко известно. Ее творчество не нуждается в представлении. Сборники ее стихов всегда нарасхват.

Родилась Вера Сергеевна на Украине, в г. Донецке. 16-летней девочкой она вынуждена была покинуть родину: семья спасалась от сталинских репрессий. И в Германии ей пришлось нелегко. На эту страну она вспоминает как вторую родину – здесь она уверовала. С тех пор Вера Сергеевна всю свою жизнь, деятельность и талант посвящает своему Спасителю. В 1949 году ее семья переехала в Соединенные Штаты. Живет она в Калифорнии, в красивом городке Санта-Барбара, на берегу океана.

Вера Сергеевна очень деятельный человек, много работает, а стихи, как она сама выразилась, лишет между делом и на утренней прогулке – у нее всегда с собой клочок бумаги и карандаш. И за каждую строчку она благодарна своему Вдохновителю.